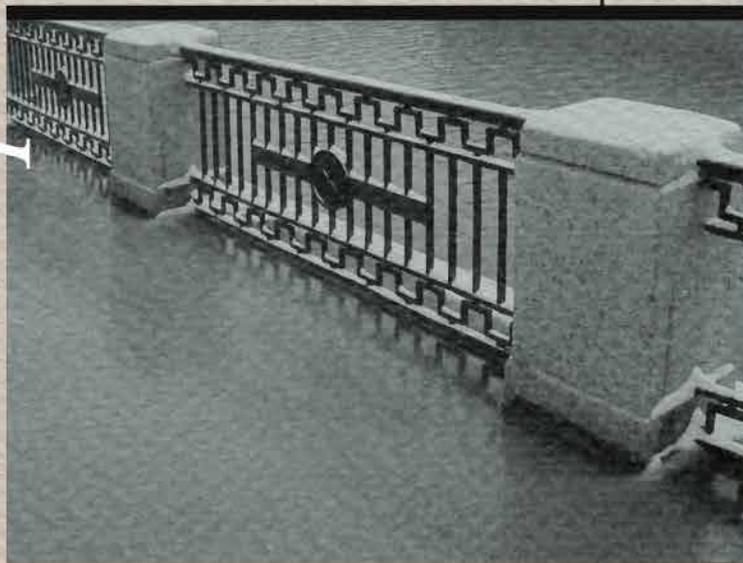

Общая тетрадь

ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 3 (94)

2 0 2 4

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь
№ 3 (94)

Рига 2024

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 3 (94) 2024

К читателю

Будущее находится в ваших руках
Пол Браммел 5

Тема номера

Обществу граждан – гражданское просвещение

Перечитывая Геллнера
Лев Гудков 8

До краха коммунизма гражданское общество не вызывало интереса
Владимир Рыжков 15

Общество – первично
Александр Шмелёв 22

Прыжок в цезуру
Михаил Минаков 25

О партнерстве
Жанна Немцова 31

Существует ли гражданское общество?
Анна Кулешова 32

Без государства
Петр Свительский 33

О гражданском обществе, демократии и мировом праве
Юрий Сенокосов 35

Гражданское общество

Почему демократия
Валдис Биркавс 50

Стратегия, зачем она нужна и какой может быть
Григорий Охотин 63

Совет Европы

Совету Европы 75 лет
Клаудиа Лучиани 78

Дневник войны

Тупик без выхода: останавливаться или продолжать?
Василий Жарков 88

Дискуссия

*Симуляция избирательных процедур в условиях
военного положения: причины, риски и последствия*
Иван Преображенский
Георгий Чижев 97

Горизонты понимания

Разум имеет онтологические границы
Руслан Лошаков 114

Книги

*О книге Марии Макеевой
«Медвежьи уши. Янтарный человек»*
Виктория Матисон 128

Диктатуры и люди
Андрей Симбирцев 134

Контрапункт. Ностальгия
Максим Горюнов 137

Nota bene

Париж – Олимпиада – июль 2024
Наташа Омелькова 145

Площадь Азии
Андрей Колесников 147

*Будущее находится в ваших руках**

*Пол Браммелл,
посол Великобритании
в Латвии*

Я очень рад снова быть здесь. Я считаю замечательным все то, что делают Лена и команда Школы гражданского просвещения. Очень сложные текущие обстоятельства придают особую значимость деятельности Школы особенно сегодня. И я хотел бы обратить внимание на тему начинающегося семинара — «Свобода и ответственность». В ближайшие дни вы будете говорить о свободе и ответственности, трактуя их по-разному, и я тоже выскажу несколько мыслей со своей точки зрения.

Начну с рождения того, что мы называем международной системой, основанной на правилах, которые были сформулированы после травм Второй мировой войны, — с создания Организации Объединенных Наций, формирования целого ряда институтов, включая Международный валютный фонд и Всемирный банк, которые поддерживали эту инфраструктуру. В основе этой системы лежала идея существования сообщества независимых суверенных стран, уверенных в безопасности своих международных границ. Чтобы они могли расти и развиваться благодаря демократии, свободной торговле, мирным переговорам и дискуссиям со своими соседями. Конечно, мир в 2024 году сильно отличается от мира в 1947 году. Много изменилось с тех пор. Я думаю, если посмотреть на первые 30 лет нового международного порядка, то значительные усилия были приложены к процессам деколонизации.

В 1947 году в мире было относительно немного стран. Многие территории были преимущественно колониями. Годы и десятилетия сменяли друг друга

* Выступление на семинаре Школы в Риге 1 июня 2024 г.

по мере обретения независимости новыми странами. И на этом пути было много травм.

Вспомните раздел Индии, во время которого было убито много людей. Но в целом вокруг деколонизации сложился некий консенсус. В большинстве случаев деколонизация проходила мирно.

Те, кто говорит, что международный порядок, основанный на правилах победителей Второй мировой войны, устарел, абсолютно правы

И новые страны были тепло приняты в систему. Те, кто говорит, что международный порядок, основанный на правилах, устарел, потому что он основан на позиции победителей Второй мировой войны, и его нужно сбалансировать, то есть включить новые развивающиеся державы, абсолютно правы. Пересмотр баланса — очень важный процесс. Это будет непросто, но необходимо, чтобы учесть растущее значение таких стран, как Индия, Бразилия, Южная Африка,

Мы обязаны ценить то, что у нас есть, — наши демократии и индивидуальные свободы

которые в старой модели не рассматривались как крупные игроки, поскольку в то время они были колониями или небольшими державами.

Это можно и нужно делать, придерживаясь основных демократических принципов, свободы, взаимовыгодного партнерства и торговли.

Примерно 30 лет назад это казалось очевидным для всех. Мы наблюдали падение Берлинской стены и распад Советского Союза. И, похоже, эти события произошли потому, что люди, живущие в альтернативной системе коммунизма, тотального государственного контроля и отсутствия индивидуальной свободы, восстали против этой системы. Именно поэтому Фрэнсис Фукуяма назвал это концом истории. Но уже тогда он был неправ. Я думаю, сегодня становится все более очевидным, почему он ошибался и почему, когда все приняли одну модель, конец истории не наступил. Дело в том, что в последние годы все большее распространение получила другая модель. В ряде частей мира появилась модель, основанная на империализме, а не на идее равных, суверенных, безопасных государств. Это модель, в рамках которой сильнейший забирает все и может расширять свои границы, а если сил достаточно, то и навязать свою волю другим. Я думаю, эта империалистическая модель нигде не проявляется так ярко, как в совершенно неспровоцированном вторжении России в Украину в 2022 году. Это ситуация, когда одна сила стремится одержать верх над другой. И что же делать?

На мой взгляд, если мы серьезно относимся к свободе, то есть к важности индивидуальной свободы и ее ценности, тогда мы должны поместить в центр нашего внимания и ответственность. Каковы наши обязанности по сохранению свободы? Я думаю, мы обязаны ценить то, что у нас есть, — наши демократии и индивидуальные свободы. Мы должны защищать их, чтобы силы авторитаризма не рассчитывали на наше неучастие и равнодушие.

Зал Освобождения. Арх. Фридрих фон Гертнер и Лео фон Кленце. Бавария, 1863

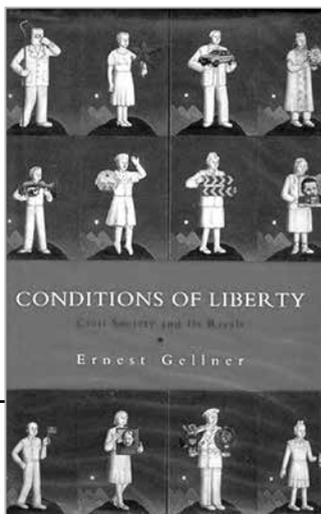
И мы обязаны также нести ответственность за правду. Я знаю, что многие из вас в этом зале являются журналистами или так или иначе связаны со средствами массовой информации. На вас лежит огромная ответственность. Сейчас век фейковых новостей. Это век искусственного интеллекта, ботов в социальных сетях, всевозможных других технологий. Нас заваливают сообщениями, которые намеренно искажают реальность. Они специально созданы для того, чтобы скрывать правду,

поэтому независимая журналистика и смелые журналистские расследования никогда еще не были так важны. Я искренне восхищаюсь вами. Будущее в значительной степени находится в ваших руках. И, оглядываясь вокруг, я уверен, что оно в надежных руках.

Я хочу пожелать вам успешного семинара. Общение и энергия таких семинаров просто замечательны. Ваша работа очень важна, и я желаю вам всего наилучшего, потому что от вас зависит наше будущее.

Эрнест Геллнер

Лев Гудков,
доктор философских наук

30 лет назад в Лондоне была издана книга Эрнеста Геллнера «Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники» (Ernest Gellner. *Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. London: Hamish Hamilton, 1994) с посвящением Лене и Юре Сенокосовым. А 5 ноября 1995 года, когда переведенная на русский язык книга уже находилась в московской типографии, Эрнест умер. Умер в любимой им Праге, где он жил последние три года, возглавляя европейский Центр по изучению национализма. Покинув с родителями Чехословакию в 1939 году, он вернулся в Прагу всемирно известным ученым — признанным специалистом в области социальной антропологии, истории мировой культуры и политической мысли.

Адресованная постсоветскому читателю, книга воспринимается и сегодня как его завещание, побуждающее к размышлениям о судьбах гражданского общества и человеческой ответственности.

В 1995 году вышел также первый номер журнала Школы *Sapere aude* (позднее он стал называться «Общая тетрадь»); предисловие к первому номеру написано Э. Геллнером.

1–4 мая нынешнего, 2024 года в Праге прошел семинар Школы, посвященный юбилейной дате. Публикуем часть выступлений его участников 1 мая 2024 года.

Перечитывая Геллнера

...Гражданское общество — это совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества*.

Эрнест Геллнер

Лев Гудков: Сегодня мы будем говорить о книге Эрнеста Геллнера «Условия свободы». Как и многие другие трудные книги, в России она так и не была прочитана. Во всяком случае, я не могу сказать, чтобы вокруг нее были какие-то дискуссии. Но, вспоминая своего любимого философа Георга Лихтенберга, скажу, что если при столкновении книги с головой вдруг возникает пустой звук, то в этом не всегда виновата книга.

* Геллнер Э. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. 2-е изд. / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 14.

Такие книги открывают интеллектуальную историческую перспективу, понимание собственного положения и средств анализа действительности, без которых выход из тоталитарного прошлого оказывается вряд ли возможен. Для нас значение работы таких философов, как Геллнер, состоит в том, чтобы перевести нравственный протест против государственного насилия, лжи и демагогии в рациональную общественную деятельность, то есть осознание временных границ возможного и точек действенного приложения различных сил, отражающих социальные интересы различных групп в деле свободы.

Без накопленного таким образом интеллектуального капитала, обращенного в политическую культуру общества, любое социальное стремление к изменению системы государственного насилия будет носить лишь характер спорадических всплесков морального возмущения, обреченных на неудачу.

К сожалению, для нашей оппозиции, как мне кажется, сохранение такой идентичности и позы важнее

понимания реальности и, соответственно, результативности своих действий. Как показывает опыт участников дискуссии о фильме «Предатели», защита собственного понимания для них более важна, чем разбор более сложных проблем. Поэтому вернусь к книге Геллнера и попробую подчеркнуть особенности его подхода, соотнося его с характером мышления российской публики, буксующего на одном месте уже не один десяток лет.

Важно, что размышление автора отталкивается от короткого периода 1989–1993 годов, то есть времени распада советского тоталитаризма, краха СССР и дискредитации марксизма. Но его анализу предшествует опыт осмысления того, как формировалось современное общество, представленный в его работах по рационализму и национализму. Перестройка, а точнее, ее конец с лозунгами гуманизации социализма обозначила неизбежность перехода к экономическим реформам, к политике гласности и демократизации — подчеркиваю — *как условиям спасения Советского государства.*

Тогда были менее понятными социокультурные основания и последствия тоталитарной идеократии, или, как писал Геллнер, тождество истины, иерархии, общественной добродетели и социальной реальности, превращенных в мертвую, окостеневшую догматику. В каком-то смысле это не меняется и до сих пор. И это, еще раз повторю, очень важно отметить.

Отсутствие культуры мышления Геллнер считал одним из серьезных препятствий для институционализации свободы именно в странах Восточной Европы и России. Незазванными оппонентами Геллнера в

*Отсутствие культуры мышления
Геллнер считал одним
из серьезнейших препятствий
для институционализации
свободы в странах
Восточной Европы и России*

этом контексте являются носители дискурса, доминирующего в политическом пространстве этих стран — прежде всего, конечно, России. Я имею в виду транзитологическую идеологию и рассуждения о предопределенности демократии в странах бывшего соцлагеря, отказавшихся от марксистской парадигмы не потому, что она сама по себе была ложной, а потому, что оказалась несостоятельна экономика этих стран.

Геллнер пишет: «Наивное понимание демократического идеала отрывает его от институциональных и культурных обстоятельств и неявно пытается ввести в ряд высших общечеловеческих ценностей» (с. 209). Иными словами, акцент он делает на культуре, как он ее понимает, то есть совокупности предубеждений, подчеркивая, что она наша судьба, а не предмет выбора (с. 207).

В книге представлены две линии анализа.

Первая — выявление условий, при которых возможно гражданское общество и, соответственно, индивидуальная свобода.

Вторая — анализ не прямых следствий из исторических констелляций, различных социальных сил, факторов и интересов, которые приводят к формированию гражданского общества, порождающего и сохраняющего эту свободу, или же другой перспективы, подавляющей такие возможности.

Он подчеркивает: «...необходимо ясно понять, что означает *сегодня* идеал гражданского общества и чем оно отличается от любого другого плюралистического общества, институты которого уравнивают государство» (с. 18). Это очень важный момент, от которого, собственно, он отталкивается.

Следуя Максиму Веберу, Геллнер стремится проследить взаимосвязь трех комплексов факторов: политической системы, экономики и идеологии, или, что близко к его пониманию, *культуры* того или иного общества.

Он начинает свое изложение с неожиданной в ситуации кризиса тоталитаризма актуальности проблематики гражданского общества. Вообще говоря, появление этой темы само по себе означало уже две расходящиеся перспективы политических изменений.

Одна связана с экономическим детерминизмом и предполагает идеологическую приоритетность или неотложность рыночных реформ и демократизацию сверху, в том числе через так называемые честные выборы. А другая перспектива акцентирует роль гражданского общества как силы, уравнивающей оставшиеся институты тоталитарной системы. Важно именно то, что крах системы не означает исчезновения репрессивных институтов, которые обладают, вообще-то говоря, способностью регенерации, как мы видим. Речь идет о новых неформальных общественных организациях, новых партиях. И, может быть, самое важное (в связи с культурой, с идеологией) — это проработка прошлого. Проработка и анализ — это основание, которое скрепляет этот социум.

Без этого невозможно государственно-правовое осуждение Советского государства как преступного, проведение необходимой политики люстрации, а значит, и ликвидация базовых репрессивных институтов — КГБ, советского суда — и привлечение к ответственности членов партийной номенклатуры. Без этого не может быть речи об институциональных трансформациях, требующих очень длительного времени.

Можно сказать, что эти две перспективы, о которых говорит Геллнер, сводятся к выбору между коротким по времени силовым декретированием демократии сверху или эволюционным вариантом с неизбежными политическими и нравственными компромиссами, подавлением массового нетерпения и отложенным чувством удовлетворения справедливости и свободы.

Геллнер выделяет несколько ключевых моментов возникновения гражданского общества. Я попробую их перечислить:

1) формирование универсализма мышления как производного от абсолютизма власти, политического централизма в сочетании с утверждением и распространением высокой культуры просвещения,

2) понимание логики появления временных союзов либерализма и национализма в борьбе с деспотизмом абсолютной монархии,

3) и, конечно, роль протестантизма в ограничении абсолютизма и формирование прогрессирующей экономики.

Иначе говоря, для Геллнера очевидно, что не может быть и речи о каком-то детерминизме или предопределенности. Напротив, он ссылается на анализ других траекторий эволюции социума, начиная с античного полиса, и других вариантов с рассмотрением условий подавления свободы и гражданского общества, скажем в исламе, подчеркивая высокую степень политической децентрализации исламских государств, независимости экономики от структур господства и жесткого ритуализма и контроля над индивидуальным поведением на локальном и общинном уровне, то есть отсутствие индивидуальной свободы.

Еще раз остановлюсь на этом моменте. Геллнер раз за разом подчеркивает, что гражданское общество — это не просто набор благотворительных, правозащитных, просветительских, экологических, научных общественных организаций, но и сила, за которой стоят социальные интересы, а значит, и их способность к сопротивлению тирании и деспотизму, опирающаяся на целый ряд факторов. На первый взгляд, эти факторы не связаны с тематикой гражданского общества. Сюда относится в первую очередь, конечно, то, что Геллнер называет «модульная структура общества», то есть особая морфология социума, связанная с прогрессирующей социально-функциональной и структурной дифференциацией, чего не было раньше.

Геллнер подчеркивает, что гражданское общество – это не просто набор общественных организаций, но и сила, за которой стоят социальные интересы

Клер Фонтейн (Claire Fontaine). Они ненавидят нас за нашу свободу. 2008

Второе — интеллектуальный потенциал, а именно функция публичности. Это *институционализация сомнения* в обществе, способность и готовность к критической рефлексии, накапливаемая благодаря плюрализму в экономике и науке, которые стимулируют технологический прогресс и артикуляцию институциональных интересов различных групп общества.

И, наконец (Геллнер называет еще другие факторы, но я бы остановился на этом), определение человека, возникающее в дифференцирующемся обществе. В терминологии Геллнера это *модульный человек*, то есть человек, который принадлежит ко многим социальным группам и у которого, соответственно, возникает множество идентичностей. Отсюда и внутренние конфликты, и неизбывное состояние сомнения или, как он пишет, двоемыслия, неуверенности, так как рыночное общество живет в условиях не только меняющихся цен, но и изменяющихся союзов и мнений.

Цитирую: «Гражданское общество <...> это общество, где неполитические институты не испытывают давления со стороны политических институтов и где ничто не сковывает индивидуальной свободы» (с. 216). И далее, механизмы познания и технико-экономического развития, лежащие в основании современного общества, требуют плюрализма в области исследования и мышления в неменьшей мере, чем в области производства.

Можно сказать, что Геллнер соединяет тем самым проблематику культуры мышления с процессами интенсивной социально-структурной дифференциации и институционализации групп, с их автономией.

Модульное, или сегментированное, устройство человека, принадлежащего к разным группам, лояльного к разным группам, то есть ощущающего разную идентичность, тесно связано с обществом, ориентированным на развитие. Оно делает возможным, с одной стороны, гражданское общество, то есть, собственно, систему, уравнивающую государство плюралистических ассоциаций и экономических институтов. А с другой стороны, повышает значение более общих, в пределе — универсалистских, нелокальных общностей, таких, например, как этническая идентичность, поскольку человек уже не привязан к раз и навсегда заданной социальной нише.

Геллнер не случайно занимался в первую очередь именно проблемами рационализма, разума и национализма. Принцип модульности вместе с моральными и интеллектуальными условиями, которые обеспечивают его применение, вызывая к жизни гражданское общество, делает возможным существование сегментов, которые не закрепощают человека, а дают ему широкие возможности выбора и в то же время являются эффективными. И ценой этого является двоемыслие, моральные и политические конфликты и компромиссы.

Мне кажется, что Геллнер так подробно разбирает термин «гражданское общество», чтобы напомнить реформаторам в России о том, чего у них нет: у них нет понимания сложности, сомнительности, двоемыслия, если хотите (на с. 114 он по-своему трактует это понятие Оруэлла).

Прогноз Геллнера относительно будущего России расходится с настроениями и ожиданиями российской публики. Его диагноз перспектив выхода из тоталитарного состояния кажется в лучшем случае лишенным оптимизма, а в худшем его можно считать пессимистическим.

Проведенный им анализ не дает повода считать, что сам по себе переход к рыночной экономике может служить основанием для демократии и свободы.

Геллнер подвергает очень резкой критике модель «чистый рынок плюс минимальное государство» как «не имеющую ни малейшего

Геллнер так подробно разбирает термин «гражданское общество», чтобы напомнить реформаторам в России о том, чего у них нет

отношения ни к реальной, ни к возможной, ни к желаемой действительности» (с. 109). Российской безрассудной (как он ее называет) либерализации, исходящей из страстного стремления к свободной жизни в сочетании с экономической несостоятельностью, Геллнер противопоставляет китайскую стратегию постепенных реформ. Как он пишет, либерализация, происходящая в пору кризиса и развала экономики, неожиданно может остановиться и привести к какой-нибудь новой диктатуре. Более того, утверждает он, демократия —

*Демократия
не может быть введена
сверху, декретирована
победителями
в борьбе за власть*

это лишь частное, производное условие свободы в современном обществе. Вообще говоря, такой тезис радикально расходится с господствующими представлениями российских политологов и нашего медиасообщества, уверовавших в идею честных выборов как механизма смены режима.

Понятие «демократия», пишет Геллнер, «хотя и включает в себе важное послание о предпочтительности согласия перед насилием, однако мало что говорит о социальных условиях, при которых возможно это общее согласие и наше участие в принятии решений» (с. 235–236). Демократия не может быть введена сверху, декретирована победителями в борьбе за власть. Главный тезис, который он выделяет: свобода — это производная не столько от появления, сколько от институционализации гражданского общества. «Вне этих институциональных условий, которые вызывают к жизни гражданское общество, смысл демократии остается неясным, а сама она недостижимой» (с. 212).

С моей точки зрения, его идея модульности как элемента гражданского общества не слишком четко проработана и требует дальнейшего критического обсуждения, что, может быть, является делом будущего. Однако описание фундаментальных угроз для гражданского общества дано автором с поразительной точностью, учитывая само время написания этой книги. Угрозы такого рода могут быть двух основных типов.

Я приведу большую цитату: «Существуют режимы, обладающие технологическим и промышленным потенциалом, а также располагающие демографической и социальной базой, достаточными для того, чтобы со временем создать средства, необходимые для угрозы и шантажа во всемирных масштабах». Звучит чрезвычайно актуально. Мотивы этих действий сводятся к тому, что «лидер такой страны может быть накрепко связан с той основанной на патронаже политической системой, где победителя не судят, а милосердие по отношению к противнику или ограничение власти, когда она уже завоевана, считается глупостью и не вызывает ничего, кроме презрения. [...] Такой лидер, вероятно, должен играть в политике роль “настоящего мужчины”, ибо это предписано политической культурой его страны» (с. 203–204). Это почти сегодняшняя картинка.

Вторая угроза исходит от харизматического компонента или структуры общества, которые Геллнер называет *уммой*, то есть от искренней преданности религиозной идее, убежденности в ее абсолютной истинности и моральном долге насаждать ее всюду, где она может обладать какой-то властью или влиянием. Пример — исламские страны, Иран и другие.

В завершение я еще раз подчеркну момент, кажущийся мне главным. Ограниченность интеллектуального или культурного кругозора становится причиной слабости оппозиции и ее поражения, более того, условием реванша консервативных сил. Речь идет прежде всего о непонимании значимости различных форм самоорганизации общества как производной от процессов социальной дифференциации, то есть сложности социальной структуры, образующей потенциал сопротивления централизованной власти. И, напротив, ограниченность кругозора приводит к преувеличенному вниманию к выборам без выбора, то есть к акциям и демонстрациям протеста, которые сами по себе отчасти напоминают бунт на коленях, если воспользоваться языком Щедрина.

До краха коммунизма гражданское общество не вызывало интереса

Владимир Рыжков, политик, историк: Я прекрасно помню Геллнера. Помню гипс на его левой руке, сломанной накануне приезда на семинар Школы в подмосковные «Лесные дали», и костыли, на которых он передвигался по «Лесным далям». Лена говорит, что я тогда задавал какие-то умные вопросы, — скорее всего, такими они казались на фоне остальных, потому что из того, что говорил Геллнер, я понимал процентов пять, а остальные слушатели, возможно, процента два. Дело в том, что тогда — и мы это много обсуждали — мы вообще не понимали, про что Геллнер и его коллеги говорят.

Мы не понимали смысла слов, которые они употребляли. Мы не знали концепций, которыми они оперировали. Мы были абсолютно как слепые котята. И, конечно, огромная заслуга Школы за эти 30 лет в том, что я уже понимаю, может быть, процентов сорок, — это огромный скачок для представителя российского общества, российской оппозиции и вообще для всех россиян.

Кстати, Лена, насколько я помню, мы даже привезли Геллнера на Алтай в последний год его жизни. Я помню, как он гулял по берегам озера Ая в Алтайских горах, освещенных серебристым лунным светом, и его слушали главы районных администраций Алтайского края, участвовавшие в семинаре. Не знаю, поняли ли они тогда что-нибудь или нет. Я его представил, и, думаю, они поняли только одно: это мировая величина. И после этого они Геллнера страшно зауважали. Хотя, скорее всего, и не понимали ничего из того, что он им говорит.

Если обратиться к книге Геллнера, то мои соображения и впечатления очень перекликаются с мыслями Льва Дмитриевича Гудкова.

Во-первых, он обратил внимание на то же, на что и я: до краха коммунизма гражданское общество не вызывало интереса даже на Западе и в западной науке. Это был забытый термин, который лежал на пыльных полках, и вернулся он в западную науку именно из Восточной Европы.

*Вот чем надо заниматься:
гражданским обществом,
его гарантиями, его
институционализацией*

Вне этого контекста нельзя понять книгу Геллнера и вообще наше время, потому что для посткоммунистических стран, для России, для Восточной Европы оживление этого понятия означало прежде всего *стремление к свободе*.

Сразу два понятия — свобода и гражданское общество — сцепились между собой намертво: свобода — значит гражданское общество; гражданское общество — значит свобода. Уже в 1990-е годы «гражданское общество» стало доминирующим понятием в философии, политической науке и дебатах. Геллнер (и Лев Дмитриевич говорил об этом) на протяжении всей книги повторяет множество раз: не демократия есть гарантия свободы, даже не рыночная экономика, не частная собственность являются гарантией свободы, а именно *гражданское общество*. Гражданское общество важнее, чем демократия. Гражданское общество, хоть и опирается на рыночную экономику, важнее рыночной экономики. И если посткоммунистические страны хотят обрести свободу — вот чем надо заниматься: гражданским обществом, его гарантиями, его институционализацией.

Василий Жарков смотрит на меня и улыбается. Василий, а чем мы занимались в 1990-е годы? Чем занималась страна? Приватизацией, залоговыми аукционами. Приоритетом была *экономика*. Я хорошо помню эти годы, я был молодой член парламента, только и разговоров было что о рыночной реформе: МВФ, кредиты, приватизация, программа приватизации на 1996 год — гражданское общество в повестке вообще отсутствовало. Да, оно было в повестке Московской школы, оно было в повестке, может быть, каких-то правозащитников, но для Российского государства и для политического класса вообще не было этой темы. Представление было такое: главное — сделать рыночные реформы и провести приватизацию, введем демократию сверху, как сказал Лев Дмитриевич, создадим партии, а гражданское общество *само вырастет*.

Надо отдать должное этому периоду: не мешали, не преследовали, не запрещали. Делай что хочешь! Московская школа, семинары, Геллнер, к нам приезжали главы районных администраций, губернаторы. Но это не было смыслом, центром или целью реформ — просто будто сорняк рос где-то на обочине. Потом, в 2000-е годы, выяснилось, что гражданское общество недостаточно сильное, инфраструктура слабая и задавить его легко — в итоге это и произошло.

Во-вторых — и об этом Лев Дмитриевич тоже говорил, — у Геллнера нет предопределенности. Транзитологию критиковали и Лев Дмитриевич, и Геллнер именно за предопределенность: «Коммунизм пал, значит, будет демократия». Нет, все гораздо сложнее. И Геллнер показывает, что гражданское общество, родившееся в Европе, — это сочетание случайных и уникальных факторов. И нет никакой гарантии, что подобные факторы помогут ему укрепиться и возникнуть в других частях мира. Не зря книга имеет подзаголовок «Гражданское общество и его исторические соперники», потому что он говорит: посмотрите, вот античный мир — не было там свободы в нашем понимании! Как не было ее в исламской умме или в марксистских коммунистических системах. Поэтому очень важный тезис состоит в том, что *нет гарантий, нет предопределенности*. Или мы своим трудом это делаем, или этого не будет. Мне кажется, это тоже очень важный вывод из книги Геллнера и основание его пессимизма, о котором говорил Лев Дмитриевич.

В-третьих, мне понравилось интересное соображение Геллнера: каким образом после краха тоталитаризма сделать так, чтобы появилось гражданское общество с инфраструктурой. Геллнер утверждает, что даже в нацистской Германии, даже в Италии Муссолини, даже во франкистской Испании после краха тоталитаризма *легче* достичь свободы, чем после коммунизма. Причина в том, что там была какая-никакая частная собственность, какая-никакая рыночная экономика, какая-никакая автономная церковь, какие-никакие локальные сообщества, а при коммунизме ничего нет вообще, все уничтожено.

Здесь Геллнер перекликается с Ральфом Дарендорфом. Тот говорит, что после краха коммунизма самое простое — написать хорошую Конституцию. «Шесть месяцев, хорошие юристы — и Конституция готова».

Более сложная задача — запустить рынок после плановой централизованной советской экономики. Дарендорф считает, что хорошим реформаторам типа Гайдара нужно шесть лет. И так оно и произошло в России.

А самая тяжелая задача — третья — переход от уничтоженного, атомизированного, двоемыслящего советского общества к гражданскому. И Дарендорф полагает, что нужно два поколения, то есть 60 лет. Вот мы сейчас посередине. Прошло 30 лет. Если верить Дарендорфу, нужна еще одна смена поколений плюс — по Геллнеру — уникальные условия для того, чтобы был успех.

В-четвертых, меня заинтересовала у Геллнера глава про Адама Фергюсона, который написал книгу «Опыт истории гражданского общества»* в Шотландии в 1767 году. Там Фергюсон впервые описывает, как в Европе появляется гражданское общество как нечто новое. И

* Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000.

Фергюсон опасается, что разделение труда, коммерциализация, рыночный характер общества создают новую угрозу: коммерсанты перестают заниматься вопросами чести, благородства, общественного блага, а государство оказывается в руках силовиков, то есть тех, у кого оружие. Фергюсон высказывает такое опасение более 250 лет назад: что будет, если эти войны, у которых власть, сила и оружие, захватят все, подавят коммерсантов и восстановят новую диктатуру? Я немножко упрощаю,

*30 лет спустя из
30 посткоммунистических
стран 17 стали
демократическими
и свободными, то есть
чуть больше половины*

но в принципе эта дилемма «коммерсанты vs силовики» нам хорошо понятна, мне кажется. И Геллнер отвечает, что Фергюсон был слишком пессимистично настроен, потому что коммерсанты и их общества оказались не только богаче, но и в военном отношении сильнее, чем военные диктатуры (например, Голландия, Англия). Геллнер приводит и второй аргумент, почему сила

не может уничтожить свободу коммерческого общества: в Европе было много мелких стран, они между собой конкурировали, и в итоге «коммерческие страны» оказались сильнее, чем «страны чести и силы».

Я смотрю на нашу страну и думаю: может быть, Фергюсон-то что-то понимал в этих вопросах? И, может быть, перспектива, когда рынок захватывается, подчиняется и впадает в зависимость от военной диктатуры, — это не такая глупая мысль? Если у этой страны еще и огромные нефтяные богатства, если у нее еще и атомное оружие, то все козыри на руках!

Лев Дмитриевич говорил о возможных противниках гражданского общества, которых упоминает Геллнер. Фергюсон рисует такую перспективу: сначала развивается коммерческое общество, на его основе возникает гражданское общество, а потом силовые структуры все уничтожают и подавляют.

Кстати, об этом писал еще один великий мыслитель, стоявший у истоков Школы, — Алексей Михайлович Салмин. В конце 1990-х у него была серия замечательных работ, где он писал о старых и новых институтах. Он говорил, что КГБ не реформирован, армия не реформирована, полиция не реформирована, тюрьма не реформирована, суд не реформирован, бюрократия не реформирована, а рядом с ними мы громоздим многопартийность, парламентаризм, свободу слова, Московскую школу и другие институты гражданского общества.

Салмин уже тогда говорил, что старые институты могут сожрать новые институты. Это и произошло. Регенерировались, сожрали, и мы видим новую версию тоталитаризма.

Что мы имеем 30 лет спустя? Из 30 посткоммунистических стран 17 стали демократическими и свободными, то есть чуть больше половины. На постсоветском пространстве таких стран всего четыре. Я беру

рейтинги The Economist и прочих. Если им верить, то на постсоветском пространстве сейчас четыре демократии. Это Молдова и Балтийские государства: Латвия, Литва, Эстония. Все остальные относятся либо к гибридным режимам, либо к авторитарным. Это произошло в том числе и потому, что для стран Центральной и Восточной Европы, которые стали свободными, гигантское значение имел *внешний фактор*. Стремление войти в ЕС и в НАТО и внешние требования — этого не было у других постсоветских стран.

Во всех других постсоветских странах (если посмотреть на Россию и другие страны) гражданское общество вообще не было в центре. Консолидация власти, укрепление государства, суверенитета и рыночная экономика составляли основу повестки дня. Вообще не было гражданского общества — и вот результат!

В-пятых, это идеология. Мы со Львом Дмитриевичем довольно часто мыслим одинаково. Геллнер пишет, что когда мы смотрим на общество, то видим три системы: политику, экономику, идеологию и их взаимоотношения. Мне кажется, что идеология тоже играет огромную роль в уничтожении тех зачатков гражданского общества, которые были в России.

Идеология играет огромную роль в уничтожении тех зачатков гражданского общества, которые были в России

С этим связана еще одна сильная мысль Геллнера: гражданское общество должно быть *прохладным*. Мне понравилась эта характеристика. У гражданского общества должно быть *прохладное состояние*, ему не надо гореть. *Горение* — это всегда фанатизм, всегда нетерпимость, всегда какая-то идеология, неважно какая: нацистская, фашистская, коммунистическая или, как сейчас, шовинистическая, националистическая, имперская. Прохладность, скептицизм, сомнение составляют основу неверия в любую «горячую» идею и в любую претензию на монополию. Нужна ненависть к языку ненависти, с которой мы сейчас сталкиваемся каждый день. Языком ненависти у нас говорит и власть, и оппозиция — не отличить. *Горение* — это тоже враг, тоже угроза — идеологическая и стилистическая угроза гражданскому обществу.

В России сейчас роль идеологии стала гигантской. Мобилизация вокруг войны, вокруг ненависти, вокруг шовинизма, вокруг национализма — это «горячая» стадия, как в Чернобыле, которая убивает гражданское общество.

Больше смеха, больше юмора, больше скептицизма, больше сомнения, больше *прохлады*, господа! Я тут немножко имитирую Олега Янковского в известном фильме.

Меньше ненависти! Меньше горения!

Сохранятся ли в будущем условия для гражданского общества в России? Если верить Геллнеру (а мы ему верим!), то, во-первых, могучей

силой является все-таки рыночная экономика, которая даже в условиях новой диктатуры сохраняет потенциал для будущего гражданского общества. Во-вторых, Россия соревнуется с другими странами, в том числе с более свободными, с гражданским обществом, с демократией, и, по идее, она должна проиграть, а это может стать фактором возрождения гражданского общества.

В любом случае какой урок можем извлечь мы с нашим 40-процентным пониманием (вряд ли больше!) того, что говорил и писал Геллнер?

*В центре преобразований
должны быть культура
и гражданское общество*

По крайней мере, я для себя извлекаю такой урок: в будущем (до которого, я надеюсь, мы доживем) в центре преобразований должны быть не схемы приватизации, не схемы национализации, даже не выявление и наказание виновных, не формальные де-

мократические структуры и процедуры (хотя и это важно), а *культура и гражданское общество*. Эти преобразования и гарантии этих преобразований, институционализация этих преобразований — вот ключ к успеху. *Ключ к свободе именно в этом*. Будущая российская модернизация должна быть сформулирована в двух словах: «гражданское общество».

И последнее. Вслед за Геллнером я говорил про прохладное общество. Должен ли быть скепсис? Должно ли быть сомнение? Ко всему нужно относиться с юмором. Я хочу просто восхититься тем, что мы сейчас находимся в Праге, а Прага для меня — это город Гашека и его Швейка, который относился ко всему со смехом: и к его величеству императору Францу Иосифу, и к армии, и к поручику Лукашу. Вот для меня Швейк — это идеал человека гражданского общества, который ничего не принимает на веру, который всегда готов посмеяться и над собой, и над другими, и поэтому он свободен. Это мое послесловие.

Лена Немировская: Тут сидит Ян Дубецкий, который представляет чешское общество. Он осознает до конца то, о чем ты говоришь. Володя, для нас с Юрой очень важно, что ты представляешь наш голос. Конечно, после убийства Навального трудно говорить об ораторах России. Но, думаю, оратор России остается, хотя сейчас он в Алматы. Наступит время, и он вернется, чтобы сказать эти важные слова, как думал Геллнер. Володя — свидетель, как и Юра: мне было действительно стыдно (хоть я и сама вышла из «советской шинели»), когда 30 лет назад молодые реформаторы, в том числе замечательный Виталий Найшуль, Каха Бендукидзе и все примкнувшие, съездив в Чили, привезли оттуда пенсионную реформу. Они были убеждены и при Геллнере и Дарендорфе рассказывали, что главное — пенсионная реформа и все, что связано с экономикой, а гражданское общество совершенно неважно. И мы с

Оливер Ларик (Oliver Laric). Критика копий, инсталляция. 2011

Юрой думали: «Боже мой, здесь Геллнер и другие, но что делать? Запретить им приезжать и выступать?» А они рвались, и Каха даже хотел нам подарить Голицыно на время.

Все думали об экономике, как правильно сказали и Володя, и Лева. Потому что, боюсь при них сказать, все на самом деле оказались марксистами, поскольку думали, что экономика определяет все.

А мы говорим про дух. И это оказалось важным, не состоявшимся пока. Но трудно, чтобы это состоялось, потому что требуется усилие каждого.

Александр Шмелёв — давний друг, участник, коллега, — даем ему слово.

Общество — первично

Александр Шмелёв, главный редактор мультимедийного проекта *Sapere aude*: Бывает, что Юрий Петрович и Лена что-то говорят, а мне при этом кажется: «Ну да, может, это интересно, но насколько именно сейчас это важно и актуально?» Но проходит некоторое время, и неожиданно становится ясно, что они очень точно поняли, что будет важно и актуально потом. Сегодня я в очередной раз в этом убедился.

Зимой Юрий Петрович впервые сказал, что есть такая идея: первый день нового курса *Advanced* выделить под обсуждение книги Эрнеста Геллнера,

которая вышла как раз 30 лет назад, а заодно обсудить первый номер журнала «Общая тетрадь», который тоже вышел 30 лет назад, — тогда он назывался *Sapere aude*. Я подумал тогда, что это интересная книга и журнал интересный, но все-таки сейчас происходят важные события: идет война, каждый день какие-то новости, сводки с фронтов. Актуально ли нынче говорить о том, что было 30 лет назад?

Но в последние несколько недель в социальных сетях горячо обсуждаются именно события тридцатилетней давности. Эта тема абсолютно неожиданно стала главной благодаря команде Алексея Навального, которая сняла и выпустила фильм «Предатели» про 1990-е годы. И оказалось, что всем необычайно интересно именно сейчас задуматься о предпосылках всего того, к чему сейчас пришли, на время переключиться с

Актуально ли нынче говорить о том, что было 30 лет назад?

текущих новостей, фронтовых сводок и актуальной повестки и задуматься о некоторой предыстории. И это происходит не только в социальных сетях. Я

лично присутствовал в разных компаниях, в том числе совсем не политических, где люди бурно это обсуждают, спорят, не сходятся друг с другом. Конечно, тут есть большая заслуга команды Навального, которая умеет, как и он сам умел, все очень ярко преподнести и сделать темой для дискуссии. Но при этом позиция авторов фильма, в отличие от многих других их расследований, не вызывает единодушного принятия и одобрения, в том числе даже в достаточно близком нам по взглядам кругу. Она встречает много критики, которая делится на три пласта.

На всякий случай, если здесь присутствуют люди, которые не понимают, о чем идет речь, я поясню. Главная мысль этого сериала в том, что все проблемы нынешнего времени были заложены еще в начале 1990-х, и в основе их лежит коррупция. С самого начала Ельцин приватизировал квартиру. Все, кто проводил реформы, имели с этого какой-то свой интерес... И вот из этого вырос постепенно путинизм, выросли все те кошмарные явления, которые мы сейчас видим.

Первый, самый простой пласт критики — непосредственно *экономический*. Звучит так: «Вы не понимаете контекста ситуации: 30 лет назад все было по-другому, надо было в срочном порядке переходить от плановой экономики к рыночной, и никто не понимал, как это делается. Да, конечно, были сделаны какие-то ошибки, но они воспринимаются как преступления только сейчас, а по тем временам приватизация квартир, например, вообще не являлась преступлением, потому что *все* приватизировали свои квартиры, это было официально разрешено». И так далее.

Дальше возникает второй пласт критики, уже более существенный, когда люди начинают говорить, что нельзя все сводить к экономике, — вот сейчас об этом говорила Лена. 30 лет назад были сделаны гораздо более важные ошибки: в силу, наверное, своего марксистского бэкграунда реформаторы считали, что экономика — это базис, экономика первична, а дальше рынок все расставит по своим местам (была тогда такая очень популярная фраза). И поэтому они не уделяли должного внимания построению демократических институтов, созданию независимого суда и другим институциональным вещам. Не говоря уже о том, что в 1994 году вообще началась война в Чечне и опять стали укрепляться силовики. Так что главные причины нынешнего кошмара все-таки надо искать в недостаточном внимании к демократическим институтам и в постепенном возрождении силовиков на фоне войны.

Но Эрнест Геллнер в своей книге предлагает третий, еще более глубокий пласт понимания проблемы. По сути, он говорит, что и демократических институтов самих по себе *недостаточно*. Можно создать демократические институты, все механизмы прописать в законах, и все равно это может не сработать. У нас на тот момент *не сложилось* того, что является главной темой книги Геллнера, — сложно организованного *гражданского общества*, набора различных союзов, ассоциаций, добровольных объединений людей, находящихся в сложных конфигурациях и отношениях друг с другом, но при этом обладающих возможностями участвовать в политической жизни и влиять на политическую жизнь. И если этого нет, то никакие, даже правильно выстроенные, демократические институты (не говоря уже о рыночной экономике) не помогут. Общество — первично.

Безусловно, книгу Геллнера надо читать. Там есть несколько моментов, которые лично для меня стали откровением даже сейчас, когда я ее перечитывал.

Например, сам термин «гражданское общество» был придуман еще в XVIII веке Адамом Фергюсоном и какое-то время использовался, но

Эрнест Геллнер в своей книге предлагает еще более глубокий пласт понимания проблемы.

Он говорит, что и демократических институтов самих по себе недостаточно

потом его забыли. В политический дискурс он вернулся в посткоммунистических странах в начале 1990-х, потому что люди на Западе не понимали, что они живут в гражданском обществе, для них это было органично.

Когда я задумался, о чем пишет Фергюсон, который ввел в обиход этот термин, я понял, что в русском языке слово «гражданский» объединяет в себе два термина: «гражданин» в смысле *citizen*, то есть гражданин конкретной страны, и «гражданский» в смысле *civil*, который противопоставляется прежде всего понятиям «военный, силовой, милитарный». Когда мы вслед за Фергюсоном говорим о гражданском обществе, то речь идет о сложном взаимодействии в том числе и экономических и торговых интересов. Интересы должны выражаться в *объединении* людей в разного рода союзы и ассоциации, а затем эти союзы и ассоциации уже включаются в общественную жизнь, и вот так выстраивается гражданское общество.

Я бы также хотел привлечь внимание к первому номеру журнала «Общая тетрадь», который вышел в 1995 году

И я бы также хотел привлечь внимание к первому номеру журнала «Общая тетрадь», который вышел в 1995 году. В этом номере собраны различные выступления с последующими дискуссиями на семинарах 1994–1995 годов. Эти матери-

алы доказывают, что хотя вся страна в целом вообще тогда ни о чем не думала, (реформаторов волновала только экономика, а самых продвинутых людей, возможно, еще и демократические институты), однако были и те, кто уже тогда задумался о *гражданском обществе*, и вот некоторые из них даже сидят здесь с нами. Интересно читать и сами выступления, но особенно интересно читать дискуссии.

Интересно уже просто вспоминать о дискурсе тех лет. Скажем, я оценил, какой патриоткой была Лена, которая говорила: «Мы всё понимаем, но все-таки зря вы нас, Россию-то, обижаете». Тогда у Школы была важная задача — добиться того, чтобы Россия стала членом Совета Европы (и это тоже тема нескольких дискуссий). И понятно, что Лену, которая участвовала в этом процессе, обижало такое отношение: «Ну конечно, спасибо вам, что делаете преобразования, но не будем спешить вас принимать».

Многое из напечатанного там — абсолютное пророчество. Например, французский политолог Доминик Моиси говорит о ключевом значении Украины для постсоветского пространства. Он не исключает, что там может разгореться вооруженный конфликт. Он утверждает, что от того, куда пойдет Украина, собственно, и зависит будущее всего постсоветского пространства. По моим воспоминаниям, в 1994–1995 годах ни у кого и в голове такого не было, кроме отдельных выдающихся людей, которые способны смотреть на много десятилетий вперед.

Или вот баронесса Ширли Уильямс рассуждает о Польше, Венгрии, Чехии и Словакии. Она говорит: «Все приводят их как пример стран с успешными реформами, и мы очень за то, чтобы они развивались, чтобы они вступали в ЕС и в НАТО, но все-таки если посмотреть на процессы, происходящие в этих обществах, то там все довольно непросто, и нам в ЕС это еще не раз аукнется, потому что общество в этих странах совсем не такое, как у нас на Западе». И, действительно, мы увидели, как в 2010-е годы партия PiS в Польше и Fidesz в Венгрии, а в последние годы Словакия идут именно в том направлении, о котором предупреждала Уильямс.

Может быть, на общем медийном фоне это не так заметно, и, может быть, авторы сериала «Предатели» вообще не знают о том, что уже больше 30 лет существует место, где обсуждаются темы, важность которых в настоящий момент осознают не все, но отношение к которым переменится через 30 лет. Поэтому все, что сегодня, завтра, послезавтра и послепослезавтра будет происходить на этом семинаре, рассматривайте через призму 2054 года. Грядущие общественные активисты будут изучать эти стенограммы и говорить: «Ничего себе! Уже тогда люди об этом задумывались!»

Лена Немировская: Я передаю слово Михаилу Минакову, выпускнику нашей Школы 2010 года. Он приехал к нам в Школу как представитель Украины, и очень важно, что его акценты не смещаются, но все-таки имеют немножко отличное от нас ударение. Не будем забывать, что все люди из России обладают в большей или меньшей степени имперским сознанием и пытаются от него отделиться. А люди не из России, как мне кажется, демократическое, гражданское усиливают в стремлении отделиться от имперского. И там возникает то особенное гражданское своеобразие, о котором говорилось. Я думаю, что им и легче, и сложнее, но они действительно несколько иные, чем мы, постсоветские российские люди.

Прыжок в цезуру

Михаил Минаков: Почему мы вообще говорим о Геллнере? Он жил бог знает где, бог знает когда. Почему, говоря о Геллнере, мы вспоминаем Фергюсона или Канта? Мир сильно изменился за 30 лет — так чему же давно умершие мыслители могут научить нас, ныне живущих и летящих в пропасть уникальной исторической цезуры? Ответ связан с уместностью и своевременностью мысли Геллнера. Во-первых, наша дискуссия проходит в Праге, — да еще и в самом центре города, там, где сообщаются профанное и священное, повседневное и трансцендентное. Тут в

мистическом единении давно и надежно сосуществуют и целые эпохи, и небольшие обрывки времени. Прагу и Геллнера объединяют также и опыт существования в 1989–1991 году. Как и они, мы с вами тоже живем во времени *цезуры*. Как и тогда, снова распадаются целые системы институтов и практик, созданные в последние три десятилетия. Связь времен снова распалась. И в этом распаде — цезуре — человек снова становится голым. «Голый человек» — термин Джорджо Агамбена — это *личность, не прикрытая правом*. «Голая жизнь» — это состояние, в котором возвращается аргумент грубой силы, некро- и биополитический аргумент, в котором вместо света общего блага темнеет общее

«Голый человек» — это личность, не прикрытая правом. «Голая жизнь» — это состояние, в котором возвращается аргумент грубой силы

зло. Такая жизнь в экстремальных условиях приводит к коллективной встрече с *Ничто*, с концом и истоком всего сущего.

Голые люди реагируют на вызовы по-разному. Кто-то смотрит в глаза ужасу и отдается войне, воюя не за страх, а за совесть. Кто-то выбирает бегство, эмиграцию в пока еще мирные земли. А кто-то делает выбор в

пользу того, чтобы осесть, закрыться и просто выжить. Сегодня украинцы в этом состоянии выбора.

Но перед выбором стоят все люди Восточной Европы. Посмотрите, к примеру, на Беларусь: в ней есть те, кто выбирает активность — борьбу за гражданскую свободу и сопротивление, — или уход в войну, или выживание. Но всё это разные ответы на вызовы коллективной встречи с *Ничто*. Выбирая продолжение существования, мы набрасываем проект индивидуальной и новой коллективной жизни.

Такую же коллективную встречу с *Ничто* наши предшественники пережили в период между 1989 и 1991 годами. Та встреча была иной, гораздо более оптимистичной. Она проходила с огромным творческим республиканским порывом. Их проекты будущего были не просто антиимпериалистическими — они проектировали национальные республики и Общую Республику Европы.

Геллнер пишет свою книгу «Условия свободы» в 1992–1993 годах в момент *развода* Чехословакии. Он пишет об универсальных условиях свободы исходя из *местного контекста*, из травмы распадающейся страны и счастья сотворения новых республик.

Я перечитал эту книгу недавно, и я сопереживал тому, как Геллнер пытался выйти из опыта распада чехословацкого общества с чем-то позитивным, созидательным. В книге он увещевает самого себя, ведет, в первую очередь, разговор с самим собой и со своей идентичностью — с лондонским чехословаком, который набрасывает универсалистский проект новой Чехии.

Читая Геллнера в условиях нашей цезуры, мы воспринимаем его по-новому. *Мы*, падающие в глубины *этой* цезуры, и *они*, прошедшие

ту цезуру, гораздо ближе друг к другу, чем те, кто читал Геллнера в 1998 или 2015 годах. Мы пребываем в том же месте и времени, когда он мыслил и писал. И он может нам помочь выйти из нашей ситуации с достоинством и жизнеутверждающей перспективой.

Впрочем, в этом временном провале вместе с Геллнером были многие другие мыслители, например Хабермас, Даль, Гавел, Яковлев. Все они в тех условиях спрашивали себя и друг друга: с чем, с каким экзистенциальным и политическим проектом мы выйдем из этого *Ничто* в будущее?

Их вывело из распада времен «транзитное верование». Об этом мы поговорим завтра, а сейчас лишь пунктирно намекну, во что они поверили. Они видели будущее как реализацию четырех тенденций: демократизации, маркетизации, национализации и европеизации. Именно в этих потоках создавался мир посткоммунистического транзита.

И Геллнер — вместе с Далем, Хабермасом и Яковлевым — в условиях непредсказуемости предложил идеи, которые повели народы Востока Европы в будущее.

В Украине 1990-х годов Геллнер был воспринят с большим уважением. Я был на его выступлении в Киеве в 1993 году в небольшом уютном *салоне*. Сегодня мы уже говорили о салонах как особом типе гражданской организации, элементе гражданского общества и лаборатории идей. В Киеве был такой же политологический салон, существовавший при нескольких украинских журналах того времени, и там идеи Геллнера обсуждали много и серьезно.

Тогда в Киеве наиболее горячо обсуждали две темы: национализм и гражданское общество. Из тех обсуждений потом выросла новая политическая культура, которая сегодня проявляет себя в Украине и в сопротивлении российской агрессии, и в борьбе за политическую свободу, и в отстаивании социальной справедливости. Это было то *структурирующее политическое творчество*, для которого концепция Геллнера была крайне важна.

Геллнер выделял четыре идеальных типа обществ. Первый тип — «сверхсложное общество», которое он назвал досовременным сегментированным обществом. Фактически там нет ни индивида, ни общества. Это смесь родов, семей, племен, сословий — и принадлежность человека все время как будто перемешивается, нестабильна, не поддается описанию и прогнозированию. Такие общества сложились в древности, и некоторые из них существуют и сегодня. Это общество *сверхсложности*. В таком обществе нет свободы, потому что нет ни условий для нее, ни ее носителя.

Тогда в Киеве обсуждали две темы: национализм и гражданское общество. Из тех обсуждений выросла новая политическая культура, которая сегодня проявляет себя и в сопротивлении российской агрессии

Кроме того, есть два типа сверхпростых обществ. Одно религиозное, с ориентацией на трансцендентное, — например, умма. Другое — светское, коммунистическое общество. Оба типа слишком упрощены и упорядочены: конечно, они идеальны и их нет в реальности, о чем критики Геллнера уже в 1995–1996 годах не преминули напомнить, — но мы сейчас не об этом.

Итак, с одной стороны, сверхсложный идеальный тип, а с другой — сверхпростые. Условия для свободы есть в типе посередине.

Геллнер не пишет об этом типе — о гражданском обществе — как определенном рецепте: мол, следуйте этим правилам — и обряцете. Его мудрость как раз в том, чтобы не давать этот рецепт, а указывать на

*Геллнер не пишет
о гражданском обществе
как определенном рецепте.
Его мудрость как раз
в том, чтобы не давать
этот рецепт*

трансцендентальное, то есть на условия *возможности* свободы.

Напомню, мы с вами перечитываем Геллнера и снова понимаем его мудрость из текущей цезуры. Например, когда он описывает исламское общество, мы не можем не соотнести это описание с процессами, происходящими в европейском исламе. Сегодня, читая эти полторы главы, ты вдруг понимаешь,

что это возможный проект будущей Европы, по крайней мере в фантастике Уэльбека. И этот диалог с Геллнером ведет к новым возможным проектам.

Другой пример — Кавказ. В одной из своих книг Валерий Тишков описывает*, как часть советского общества пережила войну в Чечне, создав новую умму.

Да, цезуру можно пережить и так. Но можно пойти и по среднему пути. Для *гражданского общества* именно капиталистическая экономика и национальное государство составляют условия его возможности.

Когда Геллнер описывает национальное государство, ты понимаешь, что он сам себя убеждает, уговаривает: «Хорошо, Чехословакия распадется. Югославия, Советский Союз — это сложные общества, которые не выдержали испытание своей сложностью. Их институциональные каркасы слабы, поэтому они рухнули. И Чехословакия идет за ними. Но как республика и как национальное государство Чехия будет достаточно сильной для превращения энергии этого распада в креативный проект свободной республики. А капитализм удержит национальное государство от излишнего вмешательства в частные или общегосударственные дела».

Капитализм и национальное государство — это два элемента, которые задают напряжение геллнеровского проекта, и именно в этой точке рождается продуктивная свобода гражданского общества.

* В. А. Тишков. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

Итак, мы в одном историческом пространстве с Геллнером. Но мы понимаем его с учетом постсоветского опыта, где капитализм не ограничивал государство, не препятствовал его вмешательству не в свои дела, где национальное государство не было другом индивидуальных свобод. Иначе говоря, мы способны увидеть *ошибки* Геллнера и проектов его поколения.

Уважая его мудрость, я понимаю: он и сам чувствовал, что до конца не точен, что может быть не прав. Ведь это работа во время встречи с *Ничто*. Твои идеи могут сформировать будущее, сделать его *чтойностью*.

Для нас это урок. Ведь и наши мысли и проекты будущего могут вести в неожиданном направлении.

Возьмем, например, капитализм и рыночную экономику. Геллнер, как и многие другие, полагал, что капиталистическая экономика *важна*, но только как одна из предпосылок свободы. Капитализм может способствовать тому, чтобы гражданское общество производило *liberty*, общественную свободу, а может быть и совершенно нейтральным по отношению к ней. Так же и национальное государство может быть другом, а может быть и недругом общественных и индивидуальных свобод.

Эти два элемента, как мы узнали из опыта последних 30 лет, очень редко поддерживали производство устойчивой свободы. Нынешние процессы «поправения», оживление иллиберализма, национализма и империализма происходят не только под давлением государств или рынков — это приходит и из среды *гражданского общества*. Эти идеологии несвободы имеют своим источником те же элементы, которые, как казалось в 1990-е, смогут отстоять и воспроизводить *liberty*.

Когда вы читаете документы ООН, то можете встретить неожиданное деление организаций гражданского общества на два типа: *традиционные* и современные.

Традиционные — это, например, сельская община, племенное общество или религиозная община. Они сохраняют свое влияние и в больших современных обществах. Например, если вы иммигрант в Канаде, то, скорее всего, первые, с кем вы встретитесь, будут представители какой-то религиозной или этнической общины. Она вам поможет с квартирой и первой работой. Этот традиционный элемент — важная часть гражданского общества.

А есть *новые*, современные типы организаций гражданского общества. В Украине в 1990-е годы возникла новая культура гражданских организаций — НКО, в которой есть разделение на *governments* и *administration*, особый тип разделения власти и ответственности за стратегию и поточную работу. В этих организациях ответственность перерастает в отчетность — как финансовую, так и содержательную. Это отчетность не только перед тем, кто тебе дал деньги, но и перед самим

Геллнер полагал, что капиталистическая экономика важна, но только как одна из предпосылок свободы

обществом. И такая работа очень неуютна: организация становится открытой для критики.

Одним словом, НКО — это новая модель гражданского общества. Мне когда-то казалось: она настолько универсальна, что будет пробуждать *лучшее* в людях и в гражданских объединениях. И чем бы НКО ни занималось — старыми ли книгами, или интересами кошачников, собачников, или домовым управлением, защитой прав избирателей или

НКО – это новая модель
гражданского общества

людей в тюрьмах, — всегда будет вот такой прибавочный, дополнительный общественный продукт: *свобода, liberty*.

А оказалось — *нет!* НКО в странах с гибридными режимами или мажоритарными демократиями могут быть совершенно *антилиберальными*, действовать на подрыв *liberty*. И это для нас урок.

Что нам делать, когда мы проектируем следующие 30 лет, будущее республик, которые возникнут на руинах после этой войны в разделенной Европе? Нам нужно снова возвращаться к фундаментальному вопросу о том, *каковы условия свободы*, и отвечать на него, опираясь на горький опыт — и свой, и тех, на чьих плечах мы стоим: Геллнера и других мыслителей его поколения.

Лена Немировская: Миша, большое спасибо. Ты всегда в интеллектуальных поисках, намерениях и привносишь представление о том, на чем стоит метафизическая интеллектуальность и наше желание быть свободными и современными. Спасибо за все, что ты делаешь в Школе.

Я хочу сказать спасибо Жанне Немцовой. Ее папа был экспертом Школы. Я не могу сказать, что он очень часто выступал, но раз в два года — точно, и это были замечательные выступления. Так же как и Эрнест Геллнер, он ездил с нами в регионы, например в Пермь. Все, что произошло с Борисом Немцовым, — это жуткое указание на то, в какое время мы сегодня реально живем. Благодаря Жанне, которая возглавляет Фонд Немцова и Летнюю школу журналистики в Карловом университете, уже второй раз наша Школа становится интеллектуальным партнером ее проекта. Я хочу от вашего имени ее поблагодарить и предоставить ей слово.

О партнерстве

Жанна Немцова: Большое спасибо, Лена. Как вы, наверное, знаете, я живу в Праге. Мне очень трудно выступать после Михаила: я покажусь вам настоящим завхозом, но это и называется «практика гражданского общества».

Мне кажется, со многими из вас мы уже встречались, и я в прошлый раз рассказывала о том, как строится работа Фонда Немцова. Одна из тем, которые я затронула, — партнерство. И теперь я рада вам показать, что такое партнерство, на практике.

Мы находимся в стенах философского факультета Карлова университета — это наш партнер по многим нашим проектам.

Во-первых, на факультете аккредитована магистратура «Российские исследования». Сейчас идет набор, и если кто захочет к нам поступать, то пожалуйста, я буду очень рада.

Во-вторых, здесь много лет проходит Летняя школа журналистики, и в этом году она тоже состоится.

Буквально месяц назад здесь состоялась наша двухдневная конференция совместно со Стэнфордским университетом в рамках программы Stanford U.S.-Russia Forum.

За то время, что мы не виделись (а мы виделись перед Мюнхенской конференцией, по-моему), случилось много плохого. В первую очередь это убийство Алексея Навального. Затем 16 апреля Фонд Немцова был признан нежелательной организацией — я предполагала, что это произойдет. Сразу скажу, что далеко не все наши западные партнеры захотели продолжать с нами работать. В этом году должна была проходить Школа журналистики в Институте международной журналистики Технического университета Дортмунда — это один из крупнейших университетов Германии. Однако после признания нас нежелательными они отказали нам в сотрудничестве, решив соблюдать путинские законы. Я очень обиделась на них, позвонила Мареку Приходе, преподавателю истории в Карловом университете, — вы с ним вчера встречались, это мой главный партнер здесь — и говорю: «Марек, спасай нашу Школу!» И вот за два дня мы перенесли нашу Школу сюда. Я еще раз прониклась невероятным уважением к Карлову университету и вообще к Чехии, потому что это страна смелых людей.

Лена Немировская: Есть фраза, которую любит Лев Гудков и которую я произношу на наших семинарах. Сказано было Сенекой две тысячи лет назад и до сих пор верно, ведь жизнь, в общем-то, в разных условиях одна и та же: для ума и добра — все трудно. А фраза следующая: «Сегодня урожай плохой, но завтра надо сеять».

Существует ли гражданское общество?

Анна Кулешова, кандидат социологических наук: Я хотела откликнуться на многочисленные рассуждения о том, что не так с российским обществом. На самом деле, если смотреть на мировую историю и не заикливаться на самих себе, мы увидим: *что-то не так* и с китайским обществом, и с турецким обществом, а до этого с португальским, испанским, немецким и так далее. Нельзя сказать, что с российскими людьми происходит нечто особенное. Мне очень не нравится, когда пытаются навешивать ярлыки, мол, какие-то россияне не такие, — они обычные. Действительно, обычные люди в массе своей с высокой вероятностью, если создаются условия,

подвержены фашизации. Это часть человеческой природы, про которую мы пока недостаточно понимаем, как она работает. Но все эксперименты, в том числе социальные, которые проводились в течение прошлого века, показывают, что даже после всех трагедий XX века эти идеи довольно легко в людях приживаются и дают всходы.

Если говорить о современной России, то люди там сейчас действительно замолкают, они действительно лишаются публичной сферы. И

Хотя мы не видим гражданского общества в России сегодня, это еще не означает, что его нет

кажется, что это какая-то ярмарка тщеславия — рассказывать о своих проектах.

Однако, хотя мы не видим гражданского общества в России сегодня, это еще не означает, что его нет. Оно ушло в подполье, но оно существует. Я бы исходила из того, что,

пока люди живы, оно тоже будет жить. И я соглашусь: многое зависит от того, когда и как появятся условия для развития гражданского общества.

Заставить людей одичать, приучить их ненавидеть соседнее государство, развернуть их сознание на 180 градусов, к сожалению, просто: вот такова природа людей. И я бы об этом думала глобально: что с нами как с людьми не так и почему мы такие?

Без государства

Петр Свитальский, польский дипломат:

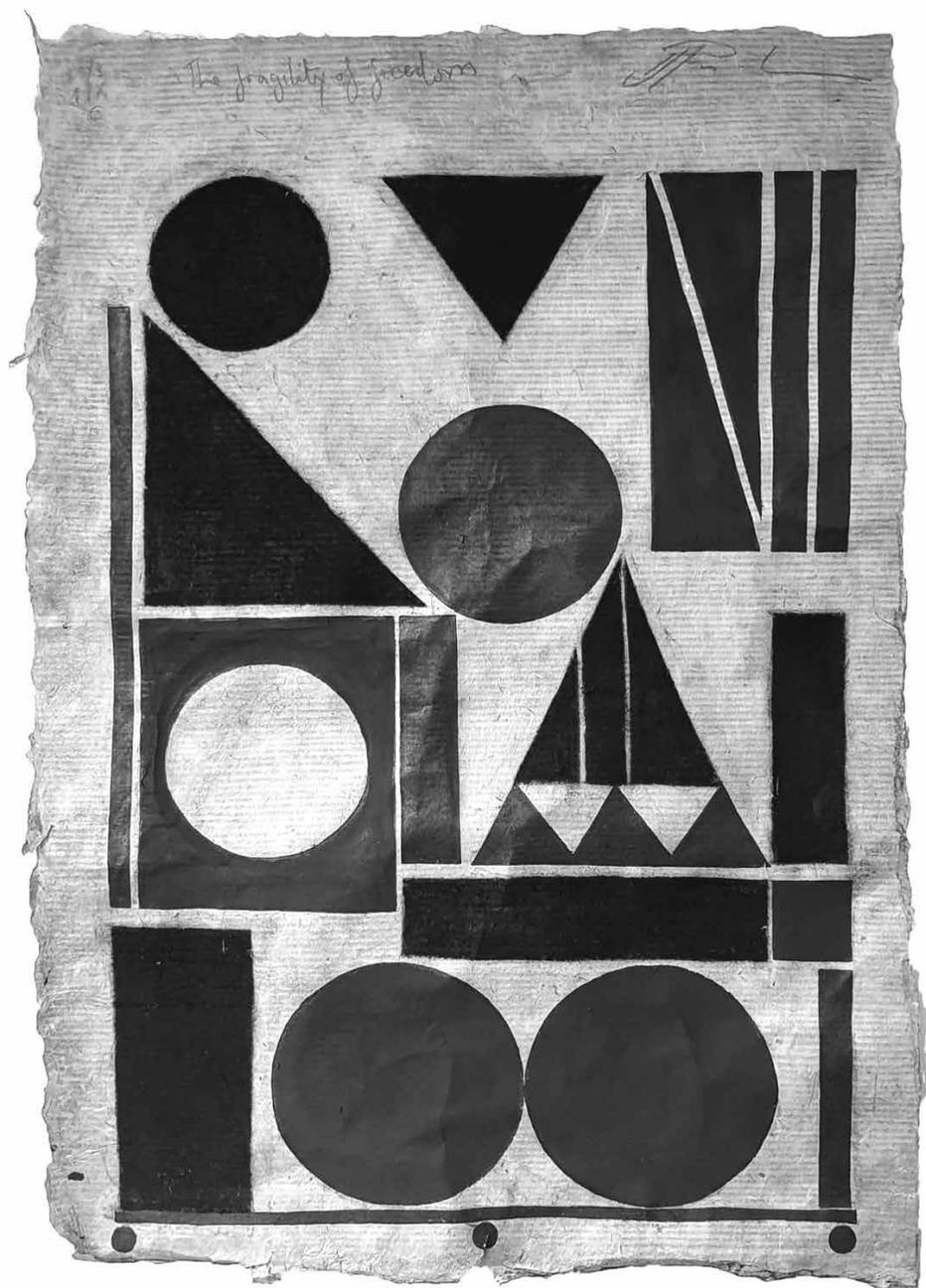
Я хотел бы завершить нашу дискуссию на оптимистической ноте. У меня взгляд на государство и на гражданское общество очень субъективный и предвзятый. Я думаю, что сам институт государства изживает себя и уже приближается к «стенке». Парадоксально, конечно, но у государства сейчас столько функций, столько полномочий, сколько не было никогда в прошлом. И граждане хотят, чтобы государство на себя взяло еще больше, а это уже выше его возможностей.

Тезис, что «государство изживает себя», может казаться провокативным, но я и правда так думаю. Я убедился в своей точке зрения два года тому назад в Польше. Мы тоже рассуждали о том, существует ли у нас настоящее гражданское общество, или у нас только профессиональные энкашники, которые просто зарабатывают своей общественной деятельностью на жизнь? И вдруг я увидел, как общество может справиться с самыми сложными задачами без какого-либо участия государства.

Это произошло после того, как Путин развязал войну против Украины и к нам приехало свыше двух миллионов украинцев — кто-то ехал транзитом, а кто-то остался. И все задачи по приему людей решило гражданское общество без всякого участия центральной власти и правительства. Правительство не сыграло никакой роли. Я скажу больше: другие институты государства тоже не сыграли никакой роли. Люди были в состоянии организовать себя самостоятельно. Были и НКО, и общественные организации, но главным образом люди действовали сами и выполнили задачи, с которыми в других западных странах не могло справиться государство. Там на эти задачи были потрачены большие деньги. Но тот, кто видел, как это делалось в Польше, был в изумлении. Оказывается, есть такой «ген гражданского общества»: он глубоко дремлет, и во многих странах само государство боится его пробуждения, — но он есть. И в этом — моя оптимистическая нота. Я думаю, что и у россиян этот «ген» существует.

*Общество может
справиться с самыми
сложными задачами
без какого-либо участия
государства*

Ирвин Паскаль (Irvin Pascal). Хрупкость свободы. 2021

О гражданском обществе, демократии и мировом праве*

Невозможно строго объяснить [...] возникновение [...] западной цивилизации... Несколько раз новое должно было погибнуть, но не погибало.

*Г. Померани, Выбор XXI века***

*Юрий Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая
тетрадь»*

Говорят, что после появления компьютера социальные сети заменили гражданское общество. И в это можно поверить, не зная, что гражданское общество начинает свою жизнь с метафоры света в одном из поэтических посланий древнеримского поэта Горация (65–8 гг. до н. э.).

Чтобы зарезать человека, разбойник встанет до света, говорится в Послании. Так неужели ты не проснешься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, нежели ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. Дерзни мыслить! Sapere aude! Решись!

Можно ли знать, чему не учился и о чем не думал? О государстве, которое может вызывать уважение своей силой, а не ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из страха или недоверия перед народом, а из знания того, как сохранить общественное спокойствие. О необходимости свободы — во всех случаях жизни — публично пользоваться своим умом.

«Sapere aude!» — «Имей мужество пользоваться собственным умом!» — провозгласил спустя почти 2000 лет после Горация Иммануил Кант в эпоху Просвещения. Что он имел в виду? Ведь заставить человека стать просвещенным невозможно.

Социальные сети не заменили гражданское общество, так как его нельзя заменить после того, как оно появилось во время встречи лицом к лицу власти и будущих граждан. И их разговора на равных в Англии

* Статья подготовлена на основе выступления автора на семинаре Школы в Праге 1 мая 2024 г.

** http://www.pomeranz.ru/p/pub_xxi_choice.htm

в июне 1215 года, когда бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Magna Carta — Великую хартию вольностей. С этого и начинается история будущей западной демократии с ее верховенством права, разделением властей, независимой судебной системой и защитой меньшинств. То есть, иначе говоря, с *ограничения* власти короля и предоставления привилегий рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.

Казалось бы, ясно и просто, но почему-то в такой стране, как Россия (и не только), этого не произошло. Хотя ответ, похоже, тоже очевиден, и мы вернемся к нему. А пока коротко о Великой хартии, которая содержит 63 статьи, и две из них, по словам Дэнни Данцигера и Джона Гиллингэма, авторов книги, посвященной ее 800-летию, «и сегодня звучат с прежней силой, выражая стремление человечества к свободе».

- *«Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны».*

- *«Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их».*

«Благородство идей, — пишут авторы юбилейной книги, — и удивительная стройность формулировок, их выражающих, возвели этот законодательный документ в ранг культовых, бессмертных творений.

*Текст Хартии не исчез
и продолжал свой
триумфальный путь,
несмотря на продолжавшиеся
конфликты, разногласия
и войны*

Америка чтит Великую хартию вольностей как краеугольный камень свободы в ее современном понимании. Великобритания относится к ней с неменьшим почтением. Великую хартию всегда считали юридическим документом, одновременно основополагающим и в высшей степени романтическим; образ мятежных

баронов, обуздавших власть ненасытного монарха, вполне отвечает британским представлениям о справедливости и честной игре»*.

Это современная оценка Хартии и ее явного успеха, история которого полна между тем драматизма, начиная с отказа короля Иоанна от ее исполнения. Однако текст Хартии не исчез и продолжал свой поистине триумфальный путь, несмотря на продолжавшиеся конфликты, разногласия и войны. Самое яркое свидетельство этому — появление в Англии парламента через 50 лет после ее подписания.

Чтобы успешно править страной, нужна поддержка общества.

* Данцигер Д., Гиллингэм Д. 1215. Год Великой хартии вольностей / Пер. с англ. В. Болотникова и А. Климина. Эрвез, 2009. С. 13.

По словам историков, король Генрих III, сын Иоанна, продолжавший конфликтовать с баронами, в 1264 году проиграл это противостояние, и бароны «взяли его под опеку», организовав особый совет из девяти членов. Потому что прецедент (так рождается будущее прецедентное право) уже был. Прежние бароны, восставшие против короля Иоанна, предвидели его нежелание следовать Хартии и заложили в документ механизм своей защиты в статье 52.

«Если кто был лишен нами [королем], без законного приговора своих пэров [своих] земель, [своих] замков, [своих] вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов».

Кто были эти двадцать пять баронов? Статья 61 гласит:

«Бароны должны избрать двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают [соглашается король, подписывая Хартию]... чтобы, если мы, или наш юстициарий, или бейлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим... тогда те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению».

Таким образом, после того как Великая хартия вольностей была скреплена королевской печатью и в стране был провозглашен мир, «совет двадцати пяти» приступил в Лондоне к работе. Он состоял из врагов-оппонентов Иоанна, и теперь все зависело от их решения, так как речь шла не просто о государственной реформе, а об «уничтожении суверенитета короны, — утверждают Данцигер и Гиллингэм. — Ни один король не пошел бы на это. А посему согласие Иоанна являлось не чем иным, как тактическим ходом, рассчитанным на то, чтобы выиграть время»*.

Во взаимоотношениях церкви (духовной власти) и государства (секулярной, свободной от церковного влияния светской власти) тогда существовали проблемы, обойти которые можно было лишь с помощью взаимных уступок. Но такая возможность появится позже, и король Иоанн только делал вид, что подчиняется условиям Великой хартии. Используя свою власть, он не делал никакого различия между баронами, церковью и народом. И, возможно, баронам не удалось бы поднять против него восстание, если бы не столкновение короля с церковью. А также его конфликт с главой католической церкви — папой Иннокентием III, который продолжался с 1208 по 1213 год, когда Иоанн присягнул на верность папе, и в июле 1215-го тайно отправил в Рим просьбу отменить Хартию.

* Там же. С. 291.

На это стоит обратить внимание, учитывая продолжавшуюся борьбу в Европе за будущую демократию, включая такие ее исторические вехи, как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Статьей 39 Великой хартии английские бароны фактически заставили короля Иоанна признать, что он *первый*, но *среди равных ему*. А при короле Генрихе III и появившемся особом совете из девяти членов,

*В 1265 году состоялся
первый созыв
парламента Англии*

взявших управление государственными делами в свои руки, в 1265 году состоялся первый созыв парламента Англии, в котором участвовали дворяне (бароны и графы), духовенство (епископы и аббаты) и по два горожанина от каждого крупного английского города.

Разумеется, английские бароны стремились с помощью Хартии защитить прежде всего свои имущественные интересы и владения от произвола королевской власти, остальным подданным она не прибавила сразу прав и свобод. В пределах феодального поместья воля барона продолжала сдерживаться обычаем и условиями хозяйственной жизни, и лишь постепенно эти условия менялись в направлении завоевания тех прав, которые провозгласила Хартия. Важно было юридически сформулировать принципы *экономической и гражданской свободы*, открывшей дорогу к появлению парламента как института сословного представительства, остававшегося, по словам Ричарда Пайпса, до конца XV века «прислужником» короны, затем превратившегося в ее партнера и, наконец, после 1640 года в ее господина*. Именно тогда, во время революции, на основе предшествующе-

*Важно было юридически
сформулировать принципы
экономической и гражданской
свободы, открывшей дорогу
к появлению парламента
как института сословного
представительства*

го исторического опыта появилась первая концепция разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

«Можно, таким образом, сказать, — отмечает Пайпс, — что конституционное развитие Англии шло под гром барабанов ее финансовой истории. Это классический и наглядный пример того, как богатство частных лиц налагает ограничения на власть государства» (с. 165).

Решающую роль в Английской революции в XVII веке сыграл упомянутый «господин», так называемый долгий парламент (1640–1653), став центром оппозиции абсолютистской политике первых Стюартов. Во время революции и гражданской войны и перехода Англии от монархии к республике, закончившегося смертью Кромвеля (1658) и затем

* Р. Пайпс Собственность и свобода / Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 164.

Парламент предлагает корону Вильгельму и Марии в феврале 1689; они были коронованы спустя два месяца

вновь реставрацией монархии Стюартов (1660), парламент был восстановлен в дореволюционном виде, и в стране начали формироваться известные политические партии вигов и тори. Виги, пришедшие к власти после «Славной революции» (1688–1689), добились ограничения власти монарха и расширения полномочий парламента.

Согласно Биллю о правах (1689), король в Англии больше не имел права приостанавливать действие законов или их исполнение без согласия парламента, и еще один закон 1694 г. устанавливал ежегодные заседания парламента и регулярные выборы в палату общин.

Так из средневекового сословного собрания английский парламента постепенно превратился в высший законодательный орган конституционной монархии — Британской империи с правилами подачи и утверждения законопроектов — биллей, принципами работы согласительных комиссий и т.д.

Не говоря уже о парламентах свободах: свободе слова (высказывания делегатами мнений, не опасаясь преследования), свободе доступа парламентах делегаций к королю, свободе от ареста за деятельность в стенах парламента.

А в России? Обратимся к трем событиям в российской истории, имеющим отношение к проблемам гражданского общества и демократии.

«Крепостное право есть отсутствие свободной воли — естественных прав и обязанностей», — писал основоположник юридической науки и классического юридического образования в России Михаил Сперанский (1772–1839)*.

На территории Западной Европы крепостное право почти исчезло в XIV–XV веках. В Англии в XIV в. произошло освобождение крестьян из личной крепостной зависимости и замена ее поземельной. А процесс изменения поземельных отношений в основном был завершён в XVI

Какой должна быть система государственной власти, чтобы была невозможна диктатура, и как этого достичь?

веке. Если прежде крестьяне обрабатывали собственную землю на основе феодального права, то теперь они лишились своих наделов и прав на общинную землю. Большая их часть была вынуждена превратиться в батраков. Но одновременно происходил процесс усиления свободного крестьянского хозяйства благо-

даря развитию промышленности, торговли, расцвету национальной культуры — науки, театра, литературы, архитектуры, — что привело к появлению зажиточных крестьян-арендаторов.

Поэтому Британская империя не случайно повлияла со временем на развитие мировой цивилизации, создав культурный, военный, экономический базис, легший в основу государственного устройства многих стран мира.

Вопрос: какой должна быть система государственной власти, чтобы была невозможна диктатура, и как этого достичь? С помощью перестройки, революции, реформ, комиссий? Учитывая, что все это в России уже было.

Известно, как реагировала на пробуждавшееся гражданское сознание в стране российская бюрократия в 60-е годы XVIII века во время заседаний **Уложенной комиссии**, когда зашла речь об отмене крепостного права. Она ответила: народ еще не созрел для свободы, его надо к этому подготовить. Хотя это была самая представительная комиссия (564 депутата) по сравнению с другими предшествующими комиссиями, созданная Екатериной II для составления нового свода законов. И через два года объявившая о ее роспуске.

Однако не без влияния идей Французской революции, в самом начале которой была, как известно, провозглашена Декларация прав человека и гражданина (1789), в России через два десятилетия снова заговорили о «правах гражданина» и о свободе: Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», декабристы, поэты.

* См.: А. Э. Нольде. М. М. Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 304 с.

Но что характерно, и на это не обращают обычно внимания, в начавшейся подготовке к проведению **Крестьянской реформы 1861 года** («бескровной русской революции», как назвал ее с гордостью Достоевский), отменившей крепостное право, участвовала только просвещенная интеллигенция и просвещенное дворянство, но не участвовало «третье сословие», то есть, казалось бы, наиболее заинтересованная в этой «революции» буржуазия, появившаяся в России в результате развития товарно-денежных отношений. Она не выдвигала естественных для нее требований: права на свободу личности, равенства граждан перед законом, защиты от произвольного ареста, неприкосновенности частной собственности. К гражданским и политическим правам, которых долгое время добивалась европейская буржуазия, русская буржуазия фактически до начала XX века была равнодушна.

Советская власть была абсолютно уверена, что «власти не потребно право – ей достаточно закона»

Поэтому не случайно в своем стихотворении «Поэт и гражданин», опубликованном до Крестьянской реформы, в 1856 году, поэт-предприниматель Н. А. Некрасов вопрошал:

Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?

И несколькими строчками выше его известная фраза: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

И напомним забытую формулу еще одного русского поэта-декабриста К. Рылеева, не об обязанности, а о чувстве гражданской свободы: «Я не поэт, я гражданин».

Именно этого чувства свободы и стремления к ней и боялась долгое время царская, а затем советская власть, поскольку последняя была абсолютно уверена, что «власти не потребно право — ей достаточно закона» (С. С. Алексеев). И оправдывала свою политику и действия «социалистической законностью», не нуждавшейся в праве как основе юриспруденции. Но при этом в стране широко употреблялось слово «гражданин». В каком значении? В значении «гражданин начальник». Так в тюрьмах и судах, в прокуратуре и заключенные, и даже только подозреваемые в чем-то люди могли обращаться к официальным лицам, свидетельствуя тем самым о взаимной отчужденности «граждан» в соответствии с волюнтаристским представлением о законе.

А если отвлечься от укоренившихся при советской власти привычек при употреблении слова «гражданин», что оно все-таки означает? Ведь ясно, что гражданин — это не профессия, не должность, не обозначение принадлежности к патриотам или непатриотам. Как очевидно и другое — оно употребляется в процессе *общения* людей, в основе

которого лежат естественные человеческие отношения, опосредованные институционально.

Появилось же это слово, когда житель города, горожанин, объявил себя *гражданином* (англ. *citizen*, фр. *citoyen*). То есть по меркам истори-

*Если отвлечься от укоренившихся
при советской власти привычек
при употреблении слова
«гражданин», что оно все-таки
означает?*

ческого времени сравнительно недавно, в Декларации прав человека и гражданина эпохи Французской революции, которая подвела своего рода итог предшествующего политического и парламентского развития европейского общества.

Корнем слова «парламент» является французское *parler* — говорить.

Известно, что языком общения в Англии XIII века и позже был французский язык, а английской простонародной речью пользовались крестьяне и ремесленники. Поэтому и парламент был назван по-французски. В самой же Франции появились Генеральные штаты — высшее совещательное учреждение сословного представительства страны в 1302–1789 годах.

Вернемся к провозглашенному 19 февраля 1861 г. Александром II Манифесту об отмене крепостного права — «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей».

Крестьянство, недовольное условиями реформы, ответило на него (вопреки словам Достоевского) массовыми волнениями. Уже в течение

*Исторический опыт
России показывает,
что рабские привычки
не исчезают, когда
свободы добиваются
методами террора*

первого года после начала реформы было зафиксировано 1176 крестьянских восстаний, и они не прекращались.

Говорят, благополучие Запада держится на хороших привычках — дисциплине труда, ответственности, уважении к закону.

Исторический опыт России показывает, что рабские привычки не исчезают даже за несколько десятков лет, когда свободы добиваются мето-

дами террора, подобно народникам, убившим после нескольких неудавшихся покушений царя-освободителя в 1881 году.

Третье событие — **Манифест 17 октября 1905 года Николая II** об усовершенствовании государственного порядка — один из первых важных шагов в направлении конституционных реформ в России. Он был объявлен царем в ответ на массовые протесты и требования народа во время революции 1905 года.

Манифест предоставлял населению гражданские свободы и обещал создание Государственной думы — представительного органа, который должен был участвовать в законодательном процессе и контролировать действия правительства. Но уже своим названием, в отличие от

Большевистский плакат «Смерть буржуазии и ее прихвостням, да здравствует красный террор», 1918

нейтрального слова «парламент», подтверждал незыблемость самодержавной власти, просуществовавшей до Февральской революции 1917 года, которая привела к свержению монархии, установлению Временного правительства и провозглашению временной конституции, а также предусматривала выборы в Учредительное собрание, которое должно было разработать новую конституцию. И весь этот реформаторский исторический процесс завершился, как известно, Октябрьской революцией, установлением большевистской власти и созданием Советской России.

Мог ли российский народ — без понимания права частной собственности, политических свобод, независимой судебной системы, свободы слова, а также страха после массовых репрессий — стать гражданами?

Постоянная государственная опека и подневольная жизнь на протяжении столетий, не лишив русских людей надежды, постепенно привели к тому, что свои недостатки они незаметно для себя превратили в достоинства и добродетель.

Что делать сегодня, когда процесс буржуазно-демократического развития в России начала XX века, прерванный в 1917 году, снова скован диктаторской бюрократической властью? Как прекратить войну, развязанную Россией? Англии преодолеть последствия Брекзита? Не говоря уже об угрозе ядерной войны и глобального потепления. Как реагировать на новые вызовы, такие как развитие и интеграция в общество

искусственного интеллекта, сохранение приватности в эру больших данных, генная модификация человека? Что незримо продолжает объединять нас в условиях кризиса — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

Античные философы когда-то говорили, что не может быть, чтобы в мире существовали только видимые вещи: должно действовать что-то невидимое, потому что иначе предвидеть будущее было бы невозможно. Но что значит предвидеть?

Предвидение — это направленная мысль. На что? На то, что уже допущено самой мыслью. Так как же в таком случае можно увидеть что-то другое? Новое? Ведь из известного нельзя получить неизвестное.

Философский акт — а речь идет именно о философском акте относительно будущего — состоит в том, чтобы заблокировать нашу привычку

Что незримо продолжает объединять нас в условиях кризиса — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

думать картинками. Ибо, только убирая картинки из нашего сознания, мы начинаем мыслить в горизонте того, что философы называют смыслом — смыслом истории, смыслом жизни, который никогда не реализуется и не исполняется в виде конкретного события, например, демократического

устройства, которое было бы примером достигнутого смысла. Смысл (а он всегда полный) не есть предмет, где-то якобы существующий для нас и находимый в мире, подобно полному стакану. Подобная полнота, заключенная в форме или стакана, или государства, обманчива.

Таким образом, чтобы быть гражданами современного мира и жить социально грамотно, нам нужно понимать некие отвлеченные истины относительно самих себя.

Характеризуя в романе «1984» своего героя, Джордж Оруэлл писал: «Он был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, *преемственность* каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследство человечества пе-

Чтобы быть гражданами современного мира, нам нужно понимать некие отвлеченные истины относительно самих себя

редается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок».

Многим знакомо чувство беспомощности, когда оказываешься в ситуации бессилия. И радуешься, если в это время появляется кто-то, чтобы помочь. Случай с Оруэллом именно такой.

В «Википедии» есть статья «Хронология изобретений человечества», поражающая резко увеличившимся после XVII века числом научных открытий и множеством выданных патентов на технические изобретения, характеризующих эпоху Нового времени. За три века (XVIII–XX) в десять раз!

То есть перед нами знание, явно свидетельствующее о том, что оно влияет на образ и качество человеческой жизни. Но удивительно, что в XX веке стремительно растет население планеты в тех странах (в Китае, Индии, Африке и т.д.), где сохраняется традиционный образ жизни, а ее качество, возрастая, меняется в странах так называемого Запада. Почему? Благодаря как прошлым, так и современным «философским изобретениям».

«Ведь мы не можем сегодня мыслить так, как если бы не было, скажем, Декарта или Канта, — говорил Мераб Мамардашвили во время одной из наших с ним бесед. — Выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт... Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований, которыми являются *философские изобретения*, появляется сама возможность помыслить то, что я мыслю»*.

Почему важна идея преемственности и о каких изобретениях идет речь? О платоновской идее общественного блага, декартовской процедуре радикального сомнения, кантовских критиках, феноменологической редукции Гуссерля. Философских изобретений, в отличие от научно-технических, немного, и все они так или иначе воспроизводят античную парменидовскую интуицию бытия как мысли. Когда мыслить и быть — одно и то же. «Мысль о бытии есть способ бытия мысли», — говорил Мамардашвили.

Однако со временем развитие науки и техники вытеснило «бытие» и привело к появлению понятия «объект» и так называемой объективной реальности. А затем мышление и реальность (так же как *Число* и цифра, *Слово* и миф) расходятся, и состояние мышления, обращенного к реальности, вообще перестает соответствовать потенциальной природе того, каким оно было. Так произошло в гитлеровской Германии и в СССР.

Возвращаясь же к интуиции Парменида, можно задать вопрос о «тайне» тождества бытия и мышления, или, другими словами, о «философской вере без оснований», потому что когда мы в мысли, мысль есть именно то, чего мы не видим, но посредством чего видим все остальное, считая это реальностью. И на этом пути из своего тела и души (мысли, чувства, воли, желаний) ткем пелену рефлексивных объективаций, продуктом которых и являются наши понятия и т.д. Это самый трудный пункт для понимания, что такое мысль. Тут и возникает фундаментальная разница между тем, как мы совершаем акт мышления, и тем, что совершается в самом этом акте, не замечая (привожу еще две фразы М. М.), что «наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понимать происходящее». «Впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю».

* Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 265.

То есть, совершая акт мышления, казалось бы, сознательно, мы оперируем знаками и предметно-логическими образованиями, но при этом через нас действует что-то другое. И поэтому мысль как таковая, когда она становится предметом философствования, ни для кого не предназначена. Она не для просвещения, если человек сам не предпринял для этого личных усилий. То есть не отличил хотя бы раз в своей жизни понятие мысли от самой мысли, и, следовательно, твоя (наша) задача, когда она озарила тебя (нас), попытаться каким-то усилием ее удержать.

Только так, вопреки всем научным и техническим изобретениям, используемым как во имя добра, так и зла, философские изобретения помогают сохранять человечность.

Вопреки всем научным и техническим изобретениям, используемым как во имя добра, так и зла, философские изобретения помогают сохранять человечность

И возвращаясь к Дж. Оруэллу. Поскольку сказанное автором знаменитого английского романа имело отношение к теме нашей беседы с М. М. об «идее преемственности», я процитировал его в самом начале беседы.

Спустя более 30 лет содержание этой беседы можно свести к следующим тезисам:

- «Философские изобретения» имеют в западной культуре столь же важную, если не бóльшую сегодня роль, чем научно-технические изобретения и открытия. Наша беседа была не диалогом или интервью, а, скорее, мастер-классом для меня о понимании отношения к прошлому и будущему. Или, другими словами, о понимании «вечного настоящего». Так как речь шла не о сознании о чем-то, каком-то опыте, а о том, что можно назвать опытом самого сознания в состоянии «я есть — я мыслю».

- «Не потому, что вас кто-то услышал» и «не потому, что вы услышали кого-то другого до вас» — это и есть свидетельство преемственности, подтверждающее, что «вы сохранили рассудок», который позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим. Не случайно такие чувствительные люди, как Мандельштам (по словам Мераба), говорили о дальнем собеседнике. И это не вопрос психологии. Вся проблема дальности и близости завязана здесь на предпосылочное отношение к любым содержаниям, которые могут возникать и которые являются реализованными мыслительными возможностями.

- То есть здесь возникает такая связка: мы живы в том мыслительном акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими в тексте своих предшественников. Если жив Кант, если мысленно мы держим Канта живым, то живы и мы. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие.

- Язык может быть разным. В разных культурах он не только разный, но и к тому же меняется. Хотя говоримое на первый взгляд неотлично от думаемого.

Школа гражданского просвещения — не о профессии, а о понимании смысла получаемой профессии. И наша гражданская задача — помочь думать живой голове, а не надеяться на создание искусственного интеллекта, искусственной головы.

«Умом Россию не понять...» — сказал русский поэт в XIX веке. Но это в прошлом. В последние годы мы часто слышим другое: «Россия — особая страна. У нее особый путь».

Действительно, особый, начиная с событий большевистского переворота 1917 года. Именно тогда, во время захвата власти, у большевиков окончательно сформировался безусловный положительный рефлекс на слово «пролетариат» и отрицательный на слово «буржуазия». И после этого, осваивая азы марксистско-ленинской теории классовой борьбы на практике, они начали и при Сталине продолжали массовый террор не только против буржуазии. Чему следовал и Путин, получивший власть и заразивший свое окружение манией возрождения политической советской системы и причинины.

Между тем история человечества убедительно показала возможность и преимущество другого, мирного развития общества: с помощью философии, права, искусства.

Человек сегодня — существо планетарного масштаба, которое хочет все иметь, всем владеть, управлять, все подавлять, используя все научные открытия и технические достижения.

Можно ли изменить эту ситуацию? Каковы наши альтернативы — как в отношении планеты, так и на уровне отдельных стран? Как вывести мир из милитаристского определения безопасности? Каковы наилучшие методы для стимулирования развития перехода от культуры войны, насилия, подозрительности, пропаганды, образа врага к культуре невойны, ненасилия, сотрудничества, взаимопомощи, мира? Можем ли мы, задавая эти вопросы, ответить на них?

Зачем нам сегодня просвещение, а не только образование? Разве недостаточно уже образованных профессионалов-айтишников для решения экономических, политических и прочих проблем? Недостаточно. И даже интернет не поможет. Он лишь помогает наращивать механическое знание. А механически так называемые гуманитарные, жизненные цели не решаются, потому что при этом не передается свет ума. Их решение возможно лишь в публичном пространстве мира, а не войны.

Фрэнсис Фукуяма во время беседы с Нильсом Гилманом и Джонатаном Блейком, опубликованной 29 апреля 2021 года, сказал, что в настоящее время особенно актуальна потребность в международном

Школа гражданского просвещения – не о профессии, а о понимании смысла получаемой профессии

Как вывести мир из милитаристского определения безопасности?

сотрудничестве, но, прежде чем создавать наднациональную структуру, нужно продумать стратегию достижения этой цели, так как политические институты долгое время были просто машинами для накопления власти и не использовали свои полномочия в конструктивных целях.

Зло и добро абсолютны, и мораль абсолютна, а наше отношение к морали должно быть относительным. Без понимания этого на дорогу свободы не выбраться. Европейцы это сумели, конвертируя религиозные заповеди в мораль, а затем мораль в нормы права.

В природе нет целей. Только человек обладает способностью ставить перед собой цели. И задаются они нашей телесной, чувственной

*Зло и добро абсолютны,
и мораль абсолютна,
а наше отношение к морали
должно быть относительным*

природой — желаниями и потребностями, которые политики часто называют интересами. А цели, свободные от чувственной заинтересованности человека, существуют? Да, это цели моральные, диктуемые, по словам Канта, нашим раз-

умом. Человек свободен, когда действует исключительно ради морального долга. Но жить по правилам только морали он не может. И ведет себя, как правило, свободно, исходя из интересов и потребностей (личных, групповых, государственных), не задумываясь, что эта его свобода и свобода другого неизбежно порождают конфликты и войны. Поэтому Фукуяма по-своему прав, когда говорит: «Я не вижу способа, при котором управление применением насилия могло бы быть делегировано вышестоящим наднациональным структурам».

Однако, на мой взгляд, такой способ очевиден. Это подтверждает известная фраза о «пессимизме ума и оптимизме воли», выражающая суть права как такового. Его составляющие — постоянный дефицит необходимого знания и осознанная готовность «делать свою работу». Согласно кантовскому императиву, поступки наши нравственны, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

Мировое право — это не цель, а движение к цели, ибо целью является мораль, конвертируемая в право. Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности.

Школа гражданского просвещения является участницей кампании за инклюзивное глобальное управление #WeThePeoples и поддерживает инициативу участия Демократии без границ (<https://www.democrasywithoutborders.org/>) в Саммите будущего 22–23 сентября 2024 года в преддверии 80-летия ООН в 2025 году, а также четыре приоритетные меры, которые должны ознаменовать новое начало в международном сотрудничестве:

Постоянная Глобальная ассамблея граждан, которая даст возможность простым гражданам представлять глобальное гражданское общество и высказываться по насущным глобальным проблемам.

Зал Освобождения. Арх. Фридрих фон Гертнер и Лео фон Кленце. Бавария, 1863

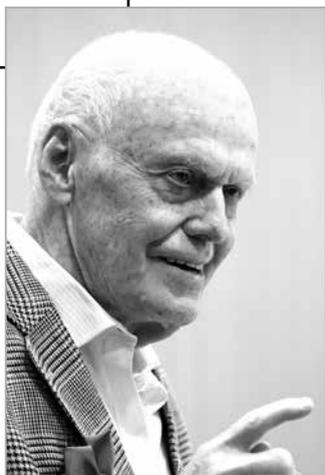
Всемирная гражданская инициатива, которая позволит людям вносить предложения в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН.

Парламентская ассамблея ООН, которая будет включать действующих членов национальных парламентов или напрямую избранных представителей в работу ООН и выступать в качестве наблюдательного органа, отражающего разнообразие глобальных точек зрения.

Посланник гражданского общества ООН, который обеспечит более широкое участие, стимулирует проведение инклюзивных мероприятий и усилит работу ООН с гражданским обществом, другими основными заинтересованными сторонами и общественностью*.

* Демократия без границ в рамках кампании «Мы, народы», объединившая более 500 некоммерческих организаций и парламентариев со всего мира, регулярно участвует в консультациях и мероприятиях гражданского общества по инклюзивному глобальному управлению ООН. В преддверии саммита Демократия без границ от имени всех организаций – участниц коалиции участвовала в мероприятии «Что дальше в глобальном управлении?», на котором были представлены в том числе Парламентская ассамблея ООН и постоянная Глобальная ассамблея граждан. (UN Web TV здесь: https://lnkd.in/eXd-ig_Q).

Также Демократия без границ в лице исполнительного директора Андреаса Буммеля приняла участие в презентации Второго устава ООН, ключевым компонентом которого является Парламентская ассамблея (<https://lnkd.in/eCYmh6Ky>).

*Почему демократия**

*Валдис Биркавс,
премьер-министр
Латвии (1993–1994),
министр иностранных
дел (1994–1999),
министр юстиции
(1999–2000)*

Анастасия Гонтарева: Перед вами Валдис Биркавс, премьер-министр Латвии (1993–1994), министр иностранных дел (1994–1999), министр юстиции (1999–2000), человек, основавший Латвийскую ассоциацию юристов, доктор юридических наук. Он по праву считается одним из основателей латвийской государственности в том виде, в каком она существует сейчас. У нас не так часто бывают гости такого уровня. Для Школы очень важно, что господин Биркавс выступает на наших семинарах и у нас есть возможность с ним пообщаться.

Валдис Биркавс: Добрый день! Я испытал удовольствие, когда слушал, как вы меня представляете. Я пытался понять, что же вас объединяет. И понял, что с вами самой темной ночью будет светло, потому что вы излучаете свет. Это общее, что у вас есть и что миру сейчас особенно нужно.

Те из вас, кто, возможно, слушал меня раньше, может вспомнить, что я всегда беру кого-нибудь «в сопровождающие». Меня сопровождали Данте Алигьери с Вергилием, проходившие через круги ада, Одиссей, путешествовавший в разных направлениях, но достигший цели, апостол Матфей, который помог разобраться в экономике.

Мой сегодняшний сопровождающий — тот, кто сказал бы моим прежним героям: «Вы снова здесь, изменчивые тени, меня тревожившие с давних пор...» Это Гете, написавший «Фауста». Почему именно он? Потому что Фауст желает познать все, влиять на все, наслаждаться всем. Чтобы этого добиться, он готов тоже на все, даже продать душу. Мефистофель — его alter ego.

Если ты преследуешь вот эту *высшую идею* — познать все, владеть и наслаждаться всем, то вот что сказал наш знаменитый поэт Янис Райнис (несколько строк в моем переводе):

* Выступление на семинаре Школы в Риге 1 июня 2024 г.

...И знай, что идея высшая — не Бога, а дьявола шалости,
В ней нет человеческой жалости.

Любое стремление к высшей идее ведет к жертвам, ведет к потерям.

И если мы посмотрим, в чем же суть «Фауста» применительно к теме моего выступления «Почему демократия?», то она *и в демократии, и в автократии*, так же как *одновременно* в Фаусте есть *и добро, и зло*.

Когда Фауст спрашивает Мефистофеля: «Ты кто?» — Мефистофель отвечает:

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Вот она, ключевая фигура для любого явления, для любого стремления. Ведь в одном из двух прологов Господь говорит Мефистофелю: «Кто ищет, вынужден блуждать».

А последние слова Фауста таковы:

Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!

Нет такого мгновения! В такое мгновение наступает стагнация, смерть, застой. Мы не должны жаловаться на ошибки и недостатки — мы должны знать, что они были, есть и будут. Мы должны жить с этим пониманием.

По пути сюда водитель рассказал мне историю: его мама всю жизнь мечтала иметь домик в деревне, чтобы провести там пенсионные годы. Наконец она его купила и думала, что вот сейчас будет сидеть и наслаждаться пением птиц. Но вовремя осознала, что тот момент, когда она будет только наслаждаться, — это конец. Она должна была снова начать работать, делать все необходимое, так как это и есть жизнь. Потому что *останавливаться нельзя*.

*Соотношение добра и зла
невозможно рассчитать,
это не физические явления*

Теперь применим к демократии и автократии ключевую формулу «Фауста»: вечное желание зла и вечное совершение блага. Ведь если в каждом человеке существует двойственность — *его* и *alter ego*, — та же противоречивость постоянно возникает и в группе людей, и во всем человечестве. Потому что добро и зло не соотносятся как масса и скорость, как расстояние до звезд. Соотношение добра и зла невозможно рассчитать, это не физические явления. Вы можете рассчитать траекторию дрона, сидя в США, в России, в Китае или даже в Латвии, и управлять дроном, который где-то там, на далеком расстоянии уничтожает ценности, созданные человечеством, и самого человека как уникальное творение. А соотношение добра и зла расчету не поддается.

Искусственный интеллект может посчитать все, ChatGPT будет развиваться и дойдет в своем развитии до высших пределов. Но не надо его бояться: у него «мозгов» больше, а понятия о добре и зле — меньше.

Посмотрите, что делает Фауст — по существу, средневековый ученый. Чем занимались алхимики? Они пытались улучшить творение Бога, они пытались ускорить развитие — «лечить» металлы. Есть только один «здоровый» металл — золото, а остальные надо облагородить, чтобы они стали золотом. Так вот, и напарник Фауста, Вагнер, а позже и сам Фауст стараются сделать гомункула. А ведь первым гомункула пытался создать Парацельс, фактически прототип Фауста.

Мне же дальше не нужно говорить, что происходит сейчас, кто такой сегодняшний гомункул? Генная инженерия, изменение пола по желанию, попытки достичь бессмертия, улучшить творение Бога.... Не является ли Фауст предтечей современных ученых?

Посмотрите, в какие наслаждения бросается Фауст, когда он получает свободу от ограничений, наложенных Богом! Вальпургиева ночь с ведьмами. Есть и современная параллель. Вы слышали о знаменитом фестивале *Burning Man*, который каждый год проходит в пустыне штата Невада? Я не осуждаю этот праздник, нет. Но он прекрасно выражает те, я бы сказал, человеческие стремления и страсти, которые, с одной стороны, он ограничивает, но которым, с другой стороны, дает волю.

Считается, что в этом фестивале, который привлекает 75 тысяч человек, может участвовать любой, — правда, это требует особой подготовки, поскольку это пустыня и фестиваль длится неделю. И каждый участник сам должен позаботиться обо всем: о питании, ночлеге, воде и так далее. Каждый год в конце фестиваля все отдается первоначальной материи огня, все сжигается. 99,9% людей там проверены от начала до конца. Там контролируются возможные ошибки. И слава богу, эти фестивали пока проходили более или менее успешно. Это современная Вальпургиева ночь.

Когда Фауст предлагает императору выпустить бумажные деньги, это мне напоминает не только сегодняшние распространенные финансовые операции, но и криптовалюту.

То есть в «Фаусте» как бы представлены все те конфликты, проблемы, которые существуют и сегодня, только в другом виде; человек остается тем же самым.

Вернемся еще раз к проблеме демократии и автократии.

Чтобы понять, каким образом проявляется соотношение добра и зла в управлении государствами, стоит посмотреть на рейтинг, который не так давно создал Стаффан Линдберг (Staffan I. Lindberg), директор Института демократии в Гетеборге. Рейтинг составлен фактически на основе индекса либеральной демократии.

Представьте себе вертикальную шкалу, где на самом верху — самые демократичные страны, а в самом низу — самые автократичные. Чтобы составить этот рейтинг, Линдберг организовал 4000 экспертов из 180 стран и по всем параметрам, о которых я расскажу дальше, определил их степень демократичности.

Что получилось?

Если грубо определить демократию на данный момент как добро, а автократию как зло, какова будет пропорция демократических и автократических государств? Подумайте минутку, но не говорите. Она же меняется. И нам надо еще понять, что такое «демократия»... Вот Орбан с Венгрией, например, точно в демократическом лагере, несмотря на всю критику. Это зло или добро?

Так вот, из 180 стран 90 демократических и 89 автократических.

Я не сумел обнаружить, где Линдберг потерял одну страну. Я думаю, он потерял Латвию. Потому что в Латвии не демократия и не автократия — у нас «постсоветская демократия», о которой я скажу чуть позже, если получится.

Чем ниже мы опускаемся по этой шкале, тем меньше демократии.

На самом верху — *консолидированная демократия*, демократия *only game in town* — это когда люди не сомневаются, что управление их государством в принципе правильное, не собираются менять конституционную систему, не думают, что обязательно нужна революция. Да, некоторые правительства им не нравятся — сменим, это нормально, — но конституционный дух незыблем.

В 1990-е годы пытались определить, что такое «консолидированная демократия», и выделили пять ее признаков

В 1990-е годы, когда происходила консолидация демократии на всех континентах, ученые с большим рвением пытались определить, что такое «консолидированная демократия», и выделили пять ее признаков:

1. Гражданское сообщество должно иметь свободу.
 2. Политическое сообщество должно иметь право выбирать всех, кто предусмотрен Конституцией.
 3. Должна быть воля закона, власть закона и конституционный дух.
- И еще два очень важных, редких для демократии признака:
4. Должна быть бюрократия, согласно Максус Веберу.
 5. Экономическое сообщество должно иметь строгие права собственности и способность развивать экономику.

Пять признаков как пять пальцев одной руки власти. Если эти пальцы хорошо ухожены, ногти не обкусаны и под ними нет грязи, тогда они могут сжиматься в хороший демократический кулак, защищающий демократию от самой себя.

А если идти по шкале вниз, то там все больше «обгрызенных ногтей», «переломанных пальцев», «грязных рук», а у некоторых даже нет и «руки».

Достаточно ли этих пяти признаков, чтобы увериться: перед нами демократия? Да. Но авторы говорят, что многие государства не способны реализовать все пять критериев. Поэтому посмотрим: может быть, есть какие-то другие определения?

Когда Латвия готовилась к вступлению в Евросоюз, мы были уверены, что так называемых Копенгагенских критериев достаточно, чтобы стать консолидированной демократией. Но, углубившись в проблематику, мы узнали два французских слова: *acquis communautaire*. Мой французский этими словами и ограничивается. Их невозможно точно перевести ни на латышский, ни на русский, ни на какой другой язык. Но в коридорах Брюсселя эти слова знают.

Acquis communautaire — это совокупность всех законов, регул, директив, документов, которые были приняты в Евросоюзе; их исполнение

Acquis communautaire – это «конституция Евросоюза», которая содержит 35 разделов по всем направлениям государственного управления

и внедрение является целью Евросоюза. Это «библия Евросоюза», «конституция Евросоюза», которая содержит 35 разделов по всем направлениям государственного управления, включая сельское хозяйство, промышленность, медиа. Это 35 ключей, которые открывают двери Евросоюза.

Значит, европейская консолидированная демократия — это Копенгагенские критерии плюс *acquis communautaire*.

Но ведь есть консолидированные демократии, которые *не* входят в Евросоюз: Австралия, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария. Конечно, европейским странам, если бы они пожелали, было бы легче вступить в Евросоюз, но все равно *acquis communautaire* они должны пройти.

А вот тем девяти европейским странам, которые как бы на очереди в Евросоюз, еще предстоит пройти очень длинный путь. Но очень важно понять вот что. Когда мы вступали в Евросоюз, то критерии были очень строгими — не только на бумаге, но и в жизни. Евросоюз *до* нашего вступления (когда мы начали процесс вступления, в нем было 12 стран)

Я считаю, что Европа должна быть разноскоростной, тогда она гораздо лучше будет мотивировать вступающих

и *сейчас*, когда в нем 27 стран, — это два разных Евросоюза.

Acquis communautaire — это «конституция Евросоюза», которая содержит 35 разделов по всем направлениям государственного управления

Евросоюз вместе с вступившими одновременно с Латвией странами имеет уже более низкую планку. А когда вступят следующие девять стран (включая Украину, Молдову, Грузию, Сербию — разговор об этом идет), планка опустится еще ниже. И это грозит основному концепту Евросоюза. Поэтому срочно нужна *институциональная реформа*, о которой я всегда говорил. Я считаю, что Европа должна быть разноскоростной, тогда она гораздо лучше будет мотивировать вступающих. Нужна не только «морковка», но и второй инструмент: не пускать дальше, если ты не достиг определенного уровня. Однако эту тему лучше обсуждать уже после того, когда пройдут выборы в новый Европейский

парламент: от него во многом будет зависеть, какова будет институциональная реформа.

А дальше — вниз по шкале — уже автократические режимы.

Давайте попробуем теперь создать модель идеальной демократии: утопию, полиархию, по определению Роберта Даля. Даль предложил для этого семь институтов (я назову их принципами) и ясно сформулировал каждый из них. Утрата хотя бы одного принципа сразу лишает демократию той силы, которую она имеет при их реализации.

Я называю эту теорию Даля «Белоснежка и семь гномов». Эти «семь гномов» с утра до вечера добывают золото и драгоценные камни демократии. Они ее создают. При этом, помимо выборных органов и права каждому избирать и быть избранным, в этой теории есть два принципа, которые кажутся мне особенно важными. Они сформулированы Далем так: наличие альтернативных источников информации, которые защищаются законом, и свобода слова, то есть критика правительства без политического преследования.

*В модели идеальной демократии
есть два важных принципа:
наличие альтернативных
источников информации,
которые защищаются законом,
и свобода слова, то есть
критика правительства
без политического преследования*

Как только ты посягаешь на этих «гномов», считай, что демократии уже нет. Выборы есть, другие институты есть, а демократии нет.

А как дьявол начинает демонтировать демократию? Наверное, подменяет Белоснежку злой королевой-мачехой? Или Белоснежка разрезает отравленное яблоко на семь кусочков и подсовывает гномам? Отнюдь нет.

Когда правительство вводит ограничения, в обществе всегда находятся люди, принимающие это с восторгом: «Давно бы так!» Общество начинает делиться, ведь при демократии оно фрагментированное, трудноуправляемое. При автократии оно тоже, конечно, очень разнородно, но, в принципе, есть два противостоящих друг другу больших, хотя и неравных, лагеря: одни за, другие против.

На самом деле люди давно уже думают, как бы создать нечто объединяющее все положительные черты демократии и то хорошее, что есть у автократии. Автократия ведь не абсолютное зло, так же как и демократия не абсолютное благо.

Вернемся к Фаусту. Почему в человеке и в обществе неизбежно зло? Откуда оно?

Напомню, что Книга Иова — самая таинственная из книг Библии, в которой Бог впервые рассматривает человека не как объект, а как субъект. Она об отношении к страданию. В ней говорится, что нет греха в том, чтобы обращаться к Богу со своими «за что?» и «почему?», как это делал Иов. Вопреки предсказанию сатаны, он не отрекся от Бога.

Но не будем вдаваться в религиозные интерпретации, так как мы уже давно живем в эпоху после возникновения протестантизма.

Протестантизм фактически определил облик нашего времени. А «Фауст» — это «библия протестантизма». Да, можно согласиться с тем, что культура достигла своих пределов, потому что ее уже полностью можно отдавать искусственному интеллекту. И он ее будет *создавать*, хотя, конечно, человек все равно останется человеком.

Этика протестантизма — вот что важно. В ее основе прежде всего познание. Познание и дух бизнеса. И когда бизнес освобождается от той протестантской этики, которая была заложена Адамом Смитом: Богу угодно то, что ты *зарабатываешь*, а не то, как пользуешься заработанным, — тогда начинаешь соображать, что ряд проблем возникают как раз из-за этого.

Я человек, который рос на стыке двух культур, западноевропейской и российской. Обе они на меня влияют. Но на меня также влияет и длительный период моей советской жизни. И мне кажется, что многие из наших бед возникают из-за синтеза советского прошлого и протестантской этики, в которой доминирует дух капитализма без этики. В этом синтезе у человека с советским мышлением все время присутствует дихотомия: друзья — враги, враги народа — патриоты, предатели — герои. Нет культуры решения конфликтов. Нет демократического лидерства. Все эти постсоветские влияния продолжают действовать через поколения: ведь сорока лет еще не прошло, и по пустыне мы тоже не ходим, мы имеем дело с результатами духа бизнеса без этики.

*Мы имеем дело
с результатами
духа бизнеса
без этики*

Давайте посмотрим, как четко проявляется бэкграунд в трех культурах: в Китае, США и Евросоюзе — на примере отношения к сбору персональных данных

Страна четырех «к» — капиталистический, конфуцианский, коммунистический Китай. Как относятся к сбору персональных данных в Китае? Создается не облако, а озеро, куда стекаются все реки данных, которыми ты можешь пользоваться, если отдаешь свои данные. Проект еще не полностью реализован, но принцип такой: для рядового китайца отдать свои данные означает увеличить общественное благо. А Си Цзиньпин говорит: «Китайская демократия — *лучшая* в мире».

Юра, Лена и кто-то еще из людей нашего возраста, наверное, вспомнят, что в СССР сталинскую конституцию тоже называли лучшей в мире. Но меня удивил один американский профессор, который сказал, что китайская демократия лучшая благодаря тому, что она создает единство, порыв, энтузиазм.

Однако оставим Китай в покое. Китай рвется вперед, за Китаем будущее, а какое — посмотрим.

Алпин Арда Бажик (Alpin Arda Bağcıк). Амитриптилин. 2019

В США явная протестантская этика. Американцы, американский бизнес живут в разладе с собой: они нуждаются в персональных данных, смотрят на Европу, кое-что копируют из Европы. Они *разрываются* — их протестантская этика не позволяет использовать личные данные. И они нашли выход: на данном этапе закрывают глаза на то, что частные компании собирают персональные данные; при этом активно борются за то, чтобы *государство* этого не делало. Эта модель работает, но я думаю, что она работает все же слабее, чем китайская.

А Европа являет собой пример философии стоицизма — безмятежности и готовности к самоубийству, лишь бы не уронить достоинство.

Вот ответ на вопрос, что происходит с Европой, почему Европа медлит. Она не хочет предавать свои веками выработанные цивилизационные принципы, тоже протестантские, — рациональную организацию государства, рациональную организацию жизни человека. Тем более не стоит от них отказываться ради победы на фронте искусственного интеллекта, за которым будущее и который, возможно, создаст гибридный режим, где в правильных пропорциях будут сочетаться демократические преимущества и преимущества авторитарных режимов. Но об этом поговорим в другой раз.

*Европа не хочет предавать
свои веками выработанные
цивилизационные принципы —
рациональную организацию
жизни человека*

Дискуссия: вопросы и ответы

Андрей, Испания: Вы упомянули институциональную реформу Евросоюза. Какой она, по-вашему, должна быть, как вы ее видите?

В. Биркавс: Во-первых, необходимо, чтобы по основным дискуссионным вопросам не был нужен стопроцентный консенсус: достаточно было бы квалифицированного большинства или чтобы хотя бы 1–2–3 государства могли воздержаться или голосовать против. Это надо считать очень точно.

Вторая реформа — я повторюсь, расскажу, как я понимаю разностороннюю Европу.

Ни одна страна не может быть полностью готова к тому, чтобы войти в состав Евросоюза в качестве полноценного государства. Разве что старые демократии типа Швейцарии и Норвегии могли бы достаточно легко это сделать — во всяком случае, легче, чем мы.

Но вы понимаете, что сейчас, когда в ЕС вступает все больше стран, к этому не готовых, понижается уровень самого Евросоюза.

А что такое разносторонняя Европа? Это несколько «контуров»: ты уже в Евросоюзе, но пока во втором, в третьем контуре и перейдешь в следующий контур, если исправишь те или иные недостатки. Переходишь на следующий уровень и получаешь там больше опыта. Переходишь дальше — и попадаешь в центр.

Когда планировался очередной этап расширения ЕС, было задумано — исходя из самого опыта Евросоюза, — что в него примут сначала две-три страны. А потом вдруг решили принять все 12. Румынию и Болгарию все-таки до 2007 года оставили за скобками, но 10 стран, включая Латвию, приняли в 2004 году. Тогда это было *стратегическое* решение: во-первых, Евросоюз хотел показать, что это реальное объединение Европы; во-вторых, началась война в Ираке, была создана коалиция. И страны приняли *неготовыми*. Через 15 лет признали, что 15 стран Евросоюза не являются консолидированными демократиями. Поэтому нужна постепенность.

Марк Подберезин, «Радио Свобода»: Вы сказали, что воспитывались «на стыке двух культур, западноевропейской и российской», но вы не использовали такой термин, как «Восточная Европа», он не прозвучал в вашем выступлении. При этом вы утверждаете, что латвийская демократия — особая, она постсоветская. Как вы понимаете этот термин?

В. Биркавс: Латвийская демократия постсоветская. Восточноевропейские демократии не *постсоветские*. Постсоветские — все демократии, которые возникли в девяностых годах, я бы сказал, в рамках постсоветской системы. Ведь тогда мы общались с другими странами, бывшими

советскими республиками, а те вроде бы и объявили себя демократическими, но остались советскими. И мы остались — только на Латвию, Эстонию и Литву было больше влияния Запада, это ясно: у нас был свой предвоенный опыт.

Постсоветскую демократию как феномен определил и изучил на материалах Латвии профессор Гунарс Тауриньш (Gunārs Tauriņš). Он работает в Штутгартском университете, много лет преподавал в Латвийском университете. Он изучал этот феномен и отнес его не только к девяностым годам, но и к двухтысячным, то есть к тем нашим правительствам, которые работали, уже когда Латвия была в Евросоюзе. Он прошелся полностью по политической культуре, вскрыл противоречия между политической системой и политической культурой. Мы изменили всё: приняли тысячи законов, создали новые институты, переменили экономику. Одно только мое правительство ввело 14 разных программ экономических перемен: приватизация и прочее. Одного мы не изменили — *советского человека*. Как он был, так он тут и сидит с вами. Я спрашиваю себя: сколько во мне советскости? Во мне тоже сидит этот внутренний «Мефистофель», я гоню его от себя, глядь — а он опять тут.

А вы своего «Мефистофеля» хорошо кормите? По-моему, в вас его мало. Но он возникнет, когда вы будете сидеть в парламенте и стремиться сделать карьеру, скажем, руководителя комиссии парламента. Как только начнется дело, он скажет: «Нет, я хочу в правительство», «Нет, я лучше, чем он...»

Ведь над чем размышляет Фауст? Он переводит Слово в Дело. Фауст берет Евангелие и читает: «В начале было слово». Ну нет, какое слово? «В начале мысль была!» Но «могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?» Нет, «была в начале сила»... И наконец: «В начале было дело!»

А как только начинается дело, начинаются ошибки, начинается искушение.

Максим Шилин, «Вот Так» (Украина): Мне показалось, что вы в своем выступлении оставляли специально какие-то окна для интерпретации своих слов, и меня очень заинтересовали два момента.

1. Вы сказали, что Европа в чем-то медлит и очень хочет сохранить свое достоинство. Я это интерпретировал как то, что она медлит в принятии новых членов в ЕС, медлит, возможно, в предоставлении помощи Украине. В чем сейчас медлит Европа, по вашему мнению, и какое достоинство она хочет сохранить?

2. Вы сказали, что планка Евросоюза постепенно понижается и при принятии следующих членов она снизится еще больше. К чему это может привести?

*Как только начинается
дело, начинаются ошибки,
начинается искушение*

В. Биркавс: Не хочется снова цитировать Гете:

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
Вот ответ на все вопросы.

Я скажу, что стоическая позиция Евросоюза как раз входит в число достоинств, которые европейские страны пытаются сохранить. В это число входит также и *лицемерие*.

Лицемерие является частью достоинства Евросоюза, Европы, европейской цивилизации.

Когда человек постепенно учится пользоваться ножом и вилок и соблюдать гигиену, а затем уважать личные границы, быть политкорректным и не высказывать в лицо грубости, то есть становится цивилизованным, он с неизбежностью приобретает лицемерие. Это лицемерие переходит от личности к группе, к обществу, к стране, к объединению стран. Я имею в виду не злонамеренное лицемерие, а то, которое помогает сохранить достоинство.

Я имею в виду не злонамеренное лицемерие, а то, которое помогает сохранить достоинство

Мне один студент на лекции как-то сказал: «Я очень люблю Трампа, он режет правду-матку». Я ответил: «Хорошо, тогда сегодня и всю следующую неделю начинайте своей девушке, родителям, профессорам резать правду-матку — и посмотрите, как сложатся ваши отношения!»

Так вот, отвечая на вопрос о достоинстве наших стран: лицемерие есть элемент политкорректности, за которым скрывается и нерешительность, и желание, наоборот, очень большой решительности. А сложить это в единый порыв, не испортив все, что мы имеем, невозможно.

Я думаю, что здесь даже не столько столкновение добра и зла, сколько *желание не навредить*. Помните, я цитировал: «Кто ищет, вынужден блуждать». Евросоюз ищет. Но он не хочет блуждать, он хочет найти единственно правильное решение, устраивает волокиту, и в конце концов окажется, что решение будет неправильным.

Маргарита: Первый мой вопрос после вашего выступления кажется риторическим: была ли в России демократия? И второй вопрос: как советскому человеку, у которого не было опыта демократии, привить любовь к демократическим ценностям?

В. Биркавс: Ох, хорошие вопросы... В России демократии не было. Было время, когда Россия применяла демократические институты, демократические процедуры. Но абсолютно точный ответ звучит так: *не было консолидированной демократии*. Точно не было. Потому что это была не only game in town.

Что касается второго вопроса, то меня это мучает давно. Я изучал классификацию параметров демократии, и нигде нет требования, чтобы гражданин был высокообразованным человеком. Называются принципы, которые должны внедряться, но ведь за этим стоит человек, а демократической культуры у него может не быть.

Я знаю, что многих людей, побывавших в Великобритании, удивляло, как спокойно разговаривают между собой британцы, придерживающиеся противоположных взглядов, как дружески пьют кофе!

Когда Ньюта Гингрича, спикера палаты представителей Конгресса США, врага Клинтона, спросили: «Почему вы так часто и дружелюбно беседуете?» — он сказал, что Клинтон умеет не только слушать, но и слышать и всегда находит в разговоре тот пункт, с которого может начаться разговор о компромиссе.

Вот этого искусства искать компромисс у нас нет. Мы не ищем компромиссы.

Представьте политические дебаты на телевидении, когда позиционный политик скажет оппозиционному политику: «Вы знаете, вы правы». А ведь это нужно делать часто».

Так вот, советский человек будет воспитываться при условии демократического развития страны (в любой стране) так же долго, как воспитывались британцы — начиная с 1215 года, когда бароны впервые заставили короля подписать Magna Carta — Великую хартию вольностей, и до того времени, как Великобритания внедрила у себя консолидированную демократию в сегодняшнем понимании этого слова. Это долгий путь развития общества. К нему нужно прилагать ежедневные усилия государства, общества, негосударственных организаций. Но ничего не получится, если вы сами — каждый день, каждый час, при каждом деле, при одном стремлении что-то делать! — не будете думать о пропорции добра и зла, о Мефистофеле в вас и о демократической процедуре, которая может в этом вам помочь.

Сергей Подсытник: На ваш взгляд, демократия — это самоценность или скорее инструмент для реализации прав человека, права на жизнь и того базового принципа европейских прав, который мы наблюдаем?

В. Биркавс: Несомненно, инструмент.

С. Подсытник: А нам в таком случае следует работать над развитием инструмента или ценностей?

В. Биркавс: Может быть, я поспешил с ответом, притом категоричным?.. У меня уже возникли сомнения. Но я не могу считать демократию и самоценностью.

Советский человек будет воспитываться при условии демократического развития страны так же долго, как воспитывались британцы — начиная с 1215 года

Мэрилин Уэллс (Marilyn Wells). Внезапность. 2000-е гг.

Знаете, есть демократические страны, которые абсолютно демократичны и настолько же несчастны, потому что бедны, потому что нет цели, нет ни к чему стремления. Можно остановиться в развитии, ведь у нас уже есть демократия: «Мгновенье, ты прекрасно!» — и все.

Вот к чему приведет искусственный интеллект: не к гибели — к стагнации. Ведь он решит наши проблемы, и мы никуда не захотим двигаться, а это конец. Поэтому демократию я не могу считать самоцелью, вернусь к инструменту. Несомненно, демократия — это инструмент.

Стратегия: зачем она нужна и какой может быть*

Конечно, мы не одни в поле. Но не будем про это. Выступление у меня будет легким, быстрым и совсем не грустным. Я чуть-чуть по-другому представлял себе аудиторию, но это неважно. Это примерно всех касается, сколько бы лет мы ни были в активизме или в общественном служении.

Я Григорий Охотин, и я стратег. Примерно пять лет назад мой племянник Тиша, которому тогда было лет восемь, спросил, чем я занимаюсь. Я ему попробовал объяснить, что есть государство и есть общество; есть плохие люди: менты, чекисты, следаки — а есть хорошие: активисты, журналисты, граждане, в конце концов. И я защищаю хороших от плохих. Плохие все время делают какие-то гадости хорошим и мешают им работать. И стараюсь, чтобы плохие перестали нападать на хороших, чтобы не было репрессий, а хорошие могли достичь своих целей. Он почесал голову и задал следующий вопрос:

— Я понял, чем ты занимаешься, но лично ты что делаешь на работе?

Я ответил:

— Ну я занимаюсь стратегией...

Тут он уже не чесал голову, а сказал:

— Все понятно: ты играешь на работе в игры!

И он был недалеко от правды: все свое детство я играл в игру Stratego — не знаю, играл ли в нее кто-нибудь еще, — в которой от того, как ты расставишь фигурки в начале игры, зависит вся твоя тактика и стратегия, выиграешь ты или нет. В этой игре я достиг совершенства и знаю беспроеигрышную стратегию.

На работе все немножко сложнее. Я, к сожалению, не могу похвастаться беспроеигрышной стратегией. Но поиск ее — это, конечно, игра. И моя цель сегодня — чтобы кто-то из вас увлекся этой игрой, потому

Григорий Охотин,
сооснователь
ОВД-Инфо, независимый
исследователь

* Выступление на семинаре Школы в Риге 5 июня 2024 г.

что стратегия — очень полезный инструмент и для нашего общего дела будет полезно, если как можно больше инициатив будут обладать стратегией.

Для начала я хочу спросить и просто посмотреть, сколько будет поднято рук: у кого из вас в ваших инициативах, организациях и проектах вообще есть стратегия? Таких немного. А сколько из тех, кто поднял руку, понимают эту стратегию? Хорошо, есть и такие.

А кому из вас она реально помогает работать и принимать решения? И последний вопрос: у скольких из вас есть не профессиональная, а личная стратегия?

Реагируя на ваши «ответы», скажу, что всю свою профессиональную жизнь (не только в активизме, где я последние 12 лет, но и в бизнесе: я был бизнес-журналистом) я сталкивался преимущественно с неприятием стратегии. Люди, особенно на постсоветском пространстве, не любят стратегию: «Гриша, зачем нам стратегия, если через три года финансовый рынок рухнет и будет рейдерский захват? Мы не планируем больше чем на год». Абсолютно то же самое я встречаю в общественных организациях, в НКО: «Зачем нам что-то планировать, когда все настолько изменчиво? Через три года точно все будет совершенно по-другому!» — это один камень преткновения.

Другой камень преткновения — что многие из нас пришли в активизм по эмоциональным причинам: «Мы хотим помогать людям здесь и сейчас». Здесь стратегия тоже отрицается, но мотив противоположный: зачем над чем-то думать, когда и так все очень понятно?

И третья проблема — это выгорание, с которым сталкиваются многие из нас. Мы не верим в то, что на самом деле можем на что-то повлиять, и зачем еще тратить время, чтобы думать: «А как же на это повлиять?»

Больше всего мешает заниматься стратегией неопределенность, которая только растет, и отсутствие понимания, на сколько лет вперед мы вообще можем планировать. Например: «Завтра меня выгонят из Латвии... Завтра оккупируют Харьков...» — и так далее.

Но ровно для того, чтобы работать со всеми этими вещами, стратегия и существует. Она помогает снизить неопределенность. Благодаря ей мы смотрим в будущее и понимаем, что нас там ждет и как с этим работать, — и это в какой-то степени дает нам определенность, хотя и неполную, и безусловно создает ту самую перспективу, которая и позволяет убрать вот это: «А смысл? Всё тлен», потому что начинаешь видеть, зачем ты это делаешь вдолгую.

Стратегия, конечно, чисто менеджерский инструмент для того, чтобы достигать каких-то целей. Но хорошая стратегия помогает бороться с выгоранием и бессмыслицей и связать то самое «здесь и сейчас», когда мы помогаем людям, с некоторым будущим; она позволяет нам представить себе, к чему приведут наши усилия, если мы будем продолжать делать что-то системно.

Я не буду останавливаться на истории, скажу только, что изначально это все идет от войны. В XX веке Boston Consulting Group навязала стратегию как продукт всем американским корпорациям. И, к сожалению, до сих пор мне и таким, как я, не удается навязать ее гражданскому обществу, хотя очень нужно: без этого мы ничего не достигнем.

Есть разное понимание того, что такое стратегия.

Изначально стратегия была принадлежностью политики и была направлена на то, как победить в войне.

В XX веке стратегию взял на вооружение бизнес: целью было победить конкурентов.

В будущем стратегия будет нужна нам, чтобы справиться с общественными вызовами.

Если говорить просто, то стратегия — это просто некоторое понимание: кто мы такие, зачем мы, куда мы идем и куда хотим прийти. Без этого понимания будет разброд, а не понятное движение вперед.

А еще проще — это как мы думаем, о чем мы думаем, что учитываем и как связываем наши мысли, наши интеллектуальные построения с нашими действиями.

Те из вас, кто сталкивается с контрагентами, например, с фондами, с грантами, знают, что все они очень хотят от вас стратегии. А на самом деле просто хотят понять, как вы думаете, — потому что многие *не думают*.

Стратегия — это не бумажка и не красиво сверстаный файл в формате pdf. Это постоянный рефлексивный процесс всей команды и одновременно понятная система практик его применения.

Потому-то я и спрашивал о том, есть ли у вас личная стратегия: без стратегии и организация, и человек живут без руля и без ветрил, и это приводит к тому, что вы заведомо становитесь объектом чьей-то стратегии. Каждый из нас — объект огромного количества стратегий: стратегии Кремля, ВСУ, стратегии латвийского правительства, стратегии банка, Гугла и так далее. Если у нас нет своей стратегии, то мы манипулируемый объект. И если для отдельного человека это может быть нормально, а кто-то даже получает от этого удовольствие, то как организация мы не можем себе позволить потерять акторность и быть чьим-то объектом.

Чуть подробнее про выгорание. Все люди, которых я знаю, переживают его по эмоциональным причинам. Все устали от бессмыслицы работы в банке, в IT-компаниях и тому подобном, и зацепились за какую-то эмоциональную проблему: у кого-то умер сын, у кого-то арестовали друга, у кого-то знакомая умерла от рака. Это, конечно, не дихотомия «эмоциональный подход vs рациональное планирование», но без этого эмпатического триггера ничего никогда в гражданском обществе не будет. Однако в долгосрочной перспективе это плохой фундамент: если мы будем кормить свой «синдром спасателя», то, во-первых, ничего не достигнем, а во-вторых, действительно просто выгорим.

Все, кто пришел в гражданское общество или в благотворительность, рано или поздно осознали, что нужна стратегия. Например, Чулпан Хаматова, одна из учредительниц фонда «Подари жизнь», через пять лет своей общественной деятельности поняла, что помогать детям очень классно, но если не строить больницы и не менять законодательство, то ничего по-настоящему не сделать. Те люди, которые переходят к системному действию, системному мышлению, остаются в профессии. Те же, кто не переходит, к сожалению, остаются в профессии мертвым грузом для нас всех, становятся выгоревшими.

От кого должна была отделяться Россия? От Советского Союза. Но это очень сложная концепция – гораздо более сложная, чем отделение Украины от Советского Союза

По этому поводу есть две важных для меня цитаты. Одна из Д. Хармса: «Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая». Старушки будут падать вечно, если мы будем просто помогать старушкам падать чуть медленней. Надо сделать так, чтобы они вообще не падали.

Вторая — это лозунг всех советских диссидентов: «Делай что должно, и будь что будет». Звучит классно, но на самом деле здесь тот же самый синдром спасателя, помощника.

Это личный морально-нравственный выбор, не имеющий отношения к гражданскому обществу. Если мы работаем как члены гражданского общества, мы делаем не то, что хотим, и не то, что говорит нам нравственный закон, а то, что нужно сделать, чтобы, скажем, побороть голод в Африке. Если замкнуться в этом принципе, то можно вообще не смотреть на перспективу, не думать о том, какие последствия у твоих действий: для себя это очень классно — но это, скорее, про религиозность, а не про гражданское действие.

Я точно не тот человек, который скажет вам, какая должна быть долгосрочная стратегия у гражданского общества — украинского, казахстанского и даже моего, российского. Я не знаю, что делать с большинством вопросов, которые меня лично волнуют, и даже с тем вопросом, с которым я работаю 12 лет: с репрессиями. И мне не стыдно. Потому что я знаю, что я такой не один. Почти никто не знает, что делать.

У нас есть прекрасные цели — я имею в виду устойчивые цели развития, — но они не выполняются, и никто не знает, как это преодолеть. Тому есть фундаментальная причина: мы занимаемся общественно-политическим действием, а оно гораздо сложнее, чем физика, химия и биология вместе взятые. И, не попробовав, невозможно понять, как побороть бедность в Африке. Нет дефицита денег, нет дефицита желания — есть дефицит интеллекта и понимания, как с этим всем справиться. И признаться себе: «Я не знаю, что делать» — это совершенно нормально, с такого признания все и начинается. А если мы знаем, чего мы хотим, то этого уже достаточно. Я, например, хочу, чтобы не

было репрессий в России. Этого совершенно достаточно, чтобы начать думать, продуктивно работать со своим незнанием, искать какие-то решения.

Огромный вклад в выработку стратегий внесла IT-индустрия. Раньше ни руководству, ни менеджерам какой-нибудь «General Electric» не приходило в голову, что стратегия тоже может быть тестом, что со стратегией можно экспериментировать. А сегодня мы это знаем. Сегодня IT-компании показали, как можно экспериментировать со всем: не только с продуктом, не только с проектом, не только с А/Б-тестом, но и с теорией изменений и со стратегией.

Когда ты не знаешь, что делать, это прекрасный момент, чтобы начать экспериментировать. Существует куча методологий эксперимента. Экспериментировать со стратегией сложно, но тоже возможно. А в случае гражданского общества мы многое знаем.

Например, мы знаем, с чем мы на самом деле работаем, кто является объектами и акторами гражданского общества. Мы работаем не с проблемой голода, не с проблемой репрессий — мы работаем с общественными практиками, которые в идеале складываются в институты, и мы работаем с головами людей, то есть с ценностями. Эти объекты всегда будут: и через 10 лет, и через 20, — люди никуда не денутся. Самая надежная инвестиция — это люди, через которых и благодаря которым изменения могут произойти.

Плохая, однако, новость в том, что ничего в этой области не делается быстрее, чем за поколение, а вообще-то лучше думать лет на сто, на двести, на триста вперед. Лично для меня это облегчение. Это разрывает мою очень маленькую идентичность российского белого цисгендерного правозащитного активиста в области репрессий, меняет ее на нечто гораздо более масштабное, где мне комфортнее. Но для большинства медлительность изменений — неприятный факт.

Чуть больше про людей. Как гражданский активист, я верю в то, что все зависит от людей. Есть два разных типа людей, которые принципиально важны для стратегирования, то есть создания стратегии.

Первый — это люди, которые предъявляют спрос на изменения; мы работаем, чтобы таких людей было больше, чтобы наши ценности разделяло все большее количество людей. Без этого спроса снизу ничего не произойдет.

И второй тип — те, кто готов на этот спрос отвечать своим предложением, то есть это мы, активисты, которые что-то делают, политики и чиновники, которые что-то делают в департаментах, министерствах и международных организациях.

Мы занимаемся общественно-политическим действием, а оно гораздо сложнее, чем физика, химия и биология вместе взятые

Это очень надежная стратегия: такие люди будут всегда, в этом я совершенно уверен.

Дальше я хочу передать микрофон вам. Что вы думаете про стратегию, какую вы видите стратегию для своих обществ и своих инициатив?

Дискуссия: вопросы и ответы

Савелий, Киев, Берлин: как вы справляетесь, когда в какие-то кризисные моменты ощущаете, что то, что вы хотели или планировали сделать, у вас не получается и руки опускаются? Как вы с собой работаете, как себя мотивируете идти дальше?

Г. Охотин: Миндаль, фитнес, хорошая музыка, сон. В остальном у меня есть стратегия, я в нее верю, я адаптирую ее к реальности, и все выхо-

Главное – знать, что ты хочешь делать

дит. Конечно, огорчает, что выходит меньше и не так быстро, но это вопрос психологии, и с ней можно работать перечисленными методами. Искать и пробовать, искать и пробовать. Если не выходит, то

попробуй еще. Главное — знать, что ты хочешь делать. А как делать — совершенно неважно. Вот так не работает — давай попробуем действовать как-то иначе.

Надя: Я родом из Беларуси, но работала в России. У меня два вопроса.

Вы сказали, что инвестиции в людей самые надежные. В моей голове это не укладывается, потому что люди выгорают, уходят, стареют, у людей меняются приоритеты. У меня часто бывало: вкладываешься в сотрудников и сотрудниц, а через какое-то время они уходят, и получается, что нужно искать новых людей. Я просто хочу понять, что вы имели в виду.

И второй вопрос — про горизонт планирования. Я отношусь, несомненно, к категории людей отчаявшихся, потому что все, над чем мы работали, рушится. Я ЛГБТ-активистка, и все, что мы по крупицам выстраивали последние 20 лет, было уничтожено. И насколько вообще вероятно, что то, что я планирую на год, получится — это совершенно непонятно.

Г. Охотин: Люди... Венчурное инвестирование построено так: мы проинвестируем сто стартапов, и только один из них принесет нам миллиард. Нам надо инвестировать в очень большое количество людей. Сошлюсь на пример, имеющий отношение к России.

В России, как и в Беларуси, в 1991 году ничего не вышло, потому что людей не было: ни тех, которые предъявляют реально глубокий спрос на изменения, ни тех, которые были бы по-настоящему готовы что-то делать и у которых были бы компетенции и знания. Недостаточно трех PhD-студентов из Оксфорда — нужно 30 тысяч таких PhD-студентов в области права, экономики и так далее, чтобы в стране что-то удалось изменить.

Сотрудники, в которых вы вкладываетесь, никуда не деваются, не исчезают из экосистемы, пусть даже они выгорели, пусть даже ушли из НКО. Они есть, у них большой опыт, у них есть ценности, они как-то дальше их будут распространять.

Кроме того, есть еще и аудитория, с которой мы работаем. Стоит вкладываться в то, чтобы становилось больше людей, разделяющих наши ценности, повышающих политический спрос на изменения, и тех людей, которые знают, как реформировать тюрьму и судебную систему — и не в общем виде представляют себе, а знают, как это делать с инструментами в руках. Нам нужно таких хотя бы 5 тысяч, если иметь в виду масштабы России.

На второй вопрос отвечаю так: все нелинейно. В нашем гражданском обществе тоже все разбомбили к чертям, но оно сегодня сильнее, чем 20 лет назад. Что происходило с правозащитниками и диссидентами в 1960–70-е годы, знаете? Казалось, они ничего не достигли — но нет, достаточное число людей, как олимпийский факел, передали свои ценности, знания, чтобы потом появились крупные российские правозащитные организации, медиа, преподаватели конституционного права в университетах. Люди передают свои знания и ценности через время.

Если мы посмотрим на борьбу за гражданские права, за гендерные права в США, то увидим долгий процесс накопления опыта. Борьба шла уже в конце XIX — начале XX века и казалась тогда абсолютно бессмысленной. Может быть, права ЛГБТК-людей начнут соблюдаться в Беларуси только в XXII веке, но если вы не будете ничего делать сегодня, то они и в XXII веке точно не будут соблюдаться.

И. Березкина: У нас в библиотеке Школы есть очень хорошая книжка Андрея Колесникова ровно об этом — об истоках гражданского самосознания.*

Медет, Казахстан: В последние годы в Казахстане мы больше помогаем местным неправительственным организациям развивать стратегии, и при этом государство выдает больше грантов. Ежегодно на эти цели из бюджета выделяется от 12 до 28 млн тенге. Но государство одновременно дает понять, что не надо делать упор на обсуждение политических тем. То есть НПО получают возможность стратегического планирования на 5–8 лет и развиваются в основном в сфере экологических и гендерных прав без политической составляющей. Как вы к этому относитесь? Насколько это приемлемо стратегически?

*Недостаточно трех
PhD-студентов из
Оксфорда, чтобы
в стране что-то
удалось изменить*

* Колесников А. Археология гражданского (само)сознания: истоки, идеи и лица. М.: Школа гражданского просвещения, 2019.

Г. Охотин: Ну, это слегка кастрированное гражданское общество, и тем не менее это лучше, чем ничего.

Мне сложно ответить на этот вопрос, потому что я видел, как это все происходило в России, — ни к чему хорошему это пока не привело. Когда участники ориентированных на социальную помощь благотвори-

Когда участники благотворительных организаций, чтобы выжить, говорят: «Мы вне политики», происходит кластеризация гражданского общества, а потом и их запрещают

тельных организаций, чтобы выживать, говорят: «Мы вне политики», происходит кластеризация гражданского общества, а потом и их запрещают.

Я не знаю казахстанского контекста. У меня лично довольно оптимистичные взгляды на будущее Казахстана, более оптимистичные, чем на будущее России или Беларуси. Если у вас нет жесткого ограничения на свободу ассоциаций и другие НКО не очень репрессируются, то рядом

все равно появятся те, кто будет более политизирован и кто будет решать более системные проблемы. Потому что, хотя еще с советских времен считалось, что социальные права — это классно, а политические — не классно, на самом деле их разделять нельзя.

Ольга: У меня к вам довольно практический вопрос и как к представителю ОВД-Инфо, и как к стратегу. Я по своей работе занимаюсь в том числе тем, что связываю гражданских активистов из России с российскими правозащитниками и с международными правозащитными организациями, то есть с теми и с другими работаю довольно много. И какое-то время назад я заметила, что иногда конкретный кейс российские правозащитники не могли уладить по несколько месяцев, а потом проблема решалась буквально в течение суток. Оказалось, что есть недостаток выстраивания стратегий внутри правозащитных российских организаций, а кроме того, нет метаподхода, чтобы они могли свои стратегии как-то объединить в общей стратегии. Чтобы можно было «не тушить пожары», не замедлять «падение старушек», а сделать так, чтобы «старушки не падали».

И когда я сказала об этом в международной организации, мне заявили: «Нет, не сейчас». Но через несколько месяцев я пришла к ним еще раз и услышала: «Это очень нужно. Мы видим, что у вас с этим проблема».

Таким образом, запрос как будто бы есть, люди не против стратегий, но при этом почему-то не очень охотно идут на то, чтобы создать механизм выработки общих стратегий. Может ли это объясняться конкуренцией? И как можно решить эту явно существующую проблему?

Г. Охотин: Я не думаю, что это связано с конкуренцией. Скорее, с целеполаганием. Мне кажется, что стратегия в конечном итоге всегда субъектна. Она может быть у меня, может быть у организации. У ООН — уже

с трудом. И не может быть стратегии у гражданского общества. Вернее, гражданское общество само по себе — это гигантское поле эксперимента, где стратегии и вырабатываются. Но нельзя объединить всех: и политиков, и активистов, и правозащитников — и выработать общую стратегию. Можно про это говорить: кто, что и как видит, какие вещи важны... Но даже общей правозащитной стратегии не может быть. У стратегии есть субъект, который для себя ее создает. У всех правозащитных организаций, которые я знаю, есть стратегии, но они разные — и это хорошо, а не плохо. Гражданское общество — пестрое, и это не значит, что не надо работать вместе и что нет стратегических тем, которые имеет смысл обсуждать вместе. Но все-таки стратегия — это более субъектная вещь.

*Гражданское общество — это
гигантское поле эксперимента,
где вырабатываются
стратегии*

Алина, Прага: Вы говорили, что путь к глобальным изменениям может длиться не одну сотню лет. По вашему мнению, настанет ли «прекрасная Россия будущего»? Если да, то через 20 лет или через 200 — к чему вы склоняетесь?

Денис: У меня вопрос по вашему слайду о спросе и предложении. Всем хочется верить, что у людей появится спрос на какие-то позитивные изменения. Однако у вас или, может быть, у ваших коллег не было такого ощущения, что, когда выходишь из пузыря близких знакомых, все из которых более или менее общих с тобой взглядов, и с горящими глазами пытаешься осчастливить других, — обнаруживаешь, что за пределами пузыря спроса на твои идеи нет, что людям они не очень нужны? И начинается выгорание, опускаются руки: мы делаем-делаем, а им вообще по барабану... Что с этим делать? Как себя переключать?

Г. Охотин: «Прекрасная Россия будущего» — не знаю, что это такое, поэтому не знаю, когда это придет. Меня занимают другие вещи. Меня не интересует Россия — меня интересуют люди, гражданские права, права человека. Я верю, что люди, которые живут на территории нынешней России, будут в той или иной степени наслаждаться гражданскими правами и вообще правами человека не через 300 лет, а раньше; мне очень хочется дожить до того времени, когда Путин помрет.

Мне интересно другое: посмотреть на результаты тех экспериментов, которые я успел поставить. Мой научный интерес — в том, чтобы успеть это увидеть. Я думаю, что увижу результат, и надеюсь, что он будет позитивным.

Но при этом для меня важно, что права человека, ценности — это не то, что можно один раз инсталлировать и о чем забыть. Их надо защищать. И возможно, через 25 лет в России или в тех образованиях, которые на ее месте появятся, уровень прав человека будет выше, чем сегодня. Сейчас же глобальный тренд — увеличение репрессивности,

в том числе в странах НАТО: с правами человека там хуже, чем 10 лет назад. Это глобальная проблема; я надеюсь, что и в мире, и в России станет лучше.

На второй вопрос ответ: и да, и нет. Честно говоря, я наблюдаю на своей практике, что вокруг много хороших людей, они никак «пузырями» не определяются. И с ценностями все неплохо, они меняются пусть медленно, но в лучшую сторону. Спрос на свободу слова вообще-то рос до 24 февраля 2024 года. И можно ли назвать «пузырем» 37% населения страны в 145 млн? Это очень большой «пузырь».

Я говорю про 24 февраля, потому что дальше не очень понятно с опросами. Политическая апатия, десубъективизация людей, когда как бы нет гражданского общества — глобальная проблема, но с ней можно работать. Step by step: людей, которые осознают свои права, осознают, что им нужны гражданские права, становится скорее больше, а не меньше. Это связано не только с нашей работой, но и с экономикой.

Короче говоря, меня устраивают 37%, от этого можно расти, это достаточный для меня «пузырь», я пока дотянулся до 3,7%.

Захар: Я режиссер театра и кино и хотел бы поделиться тем, чем мы занимались более 20 лет. По сути, все это время длился один эксперимент, который только сейчас дает плоды.

Я был совсем молодым человеком, когда все начиналось. Я имею в виду «Театр.doc», театр документальной пьесы. Независимый, негосударственный театр в Москве, который создали драматурги Елена Гремина и Михаил Угаров в 2002 году. Вначале это был маргинальный театр, но спустя шесть лет на его базе возник фестиваль «Любимовка» с участием известных драматургов. Мы стали ездить по России, к нам тоже приезжали, но после захвата Крыма в 2014 году на театр начались гонения, нам не продлевали аренду, нас закрывали: приходил ОМОН, проводились аресты. Однако театр продолжал существовать, десятки новых пьес, спектакли — «Война близко», «Болотное дело» и т. д. Все это сразу становилось фактом театрального искусства, возникла большая аудитория. Но в какое-то момент в театре стало опасно находиться, и на пике облав умерли и Михаил, и Елена — по сути, основатели этого активизма. Сейчас я понимаю стратегическое мышление драматурга Михаила Угарова. Сегодня это единственный театр, который существует в Москве подпольно.

И о нашей стратегии: выпускники «Театра.doc» продолжают свою работу.

Мы разъехались кто куда: Михаил Дурненков в Америке, Казачков в Израиле, Настя Патлай в Испании, я в Вильнюсе. Это режиссеры и актеры, мы создаем в каждом городе «Эхо Любимовки», до сих пор есть отборочные комиссии, работающие онлайн. Пишутся антивоенные пьесы. Максим Курочкин уехал в Украину, был там в теробороне, сейчас

Сцена из спектакля «150 причин не защищать Родину». Театр.doc, режиссер Елена Гремина. 2013

собирает свидетельства о военных преступлениях, мы переводим все это в драматургию, в образы, в истории, все снимается, можно смотреть в России.

Вопрос: является ли это стратегией? Определяется эта стратегия локальными группами, инициативами людей. «Театр.doc», документальный театр, стал особенно важен сейчас, в военное время.

Можете прокомментировать это с точки зрения стратегии: что это такое? По сути, центра нет, руководители умерли — а дело продолжается.

Г. Охотин: Спасибо за то, что вы делаете, я очень люблю «Театр.doc». Спасибо Угарову и Греминой за то, что у них было стратегическое мышление: у них оно было, и именно поэтому вы все еще живы. Есть ли оно у вас, я не знаю, но судя по тому, что вы рассказываете, — похоже, что есть. Я понимаю их замысел, то, что они задумали более 20 лет назад, и мне кажется, что, несмотря на все гонения, им удалось добиться того, чего они хотели. Не обязательно стратегию называть «стратегией». Я думаю, что Угаров и Гремина называли это как-то иначе.

Участница: Гриша, спасибо за презентацию, мы с вами созвучны: я руководитель НПО, и для разработки стратегии мы привлекли специалиста из Казахстана, он обучал нас онлайн. Сначала у нас была инициативная группа, затем мы зарегистрировали организацию, и потом появились проблемы, которые уже потребовали системного изменения. Мы сделали шаг в этом направлении. А сейчас новый этап развития — поиск сотрудничества с НПО из других стран.

Ваша презентация была отличная. Можете назвать работы о том, как построить стратегию? Какие для этого нужны ресурсы?

Дмитрий: Я занимаюсь гражданскими инициативами, у меня похожий вопрос. Когда работаешь с инициативами, то часто имеешь дело с людьми, которые все делают на энтузиазме, не обладая ни навыками стратегического мышления, ни пониманием того, что оно необходимо. Есть какая-то светлая идея, но в лучшем случае стратегия разрабатывается интуитивно, либо она представляет собой кальку с каких-то коммерческих книжных историй. И когда общаешься с такими людьми, хотелось бы им что-то посоветовать, рассказать и самому поучиться. Что рекомендуете почитать в качестве starter pack — стартового пакета?

Евгений: Когда началась война, мы были свидетелями того, что крупные гуманитарные организации со своими отлично разработанными стратегиями оказались к ней не готовы. Как я понимаю, одна из причин — их прежняя нацеленность, скорее, на решение абстрактных стратегических задач. Вопрос такой: есть ли механизмы, чтобы это предотвратить или этого избежать?

Г. Охотин: Все вопросы близкие, и ответ один: стратегия должна соответствовать вашему запросу и вашей проблеме. Какого размера ваша инициатива, как мыслят люди? Стратегия — это то, что вам помогает, а не то, чего от вас требуют доноры или что написано в бизнес-книжках. Это может быть очень простая вещь, но надо сесть и подумать: зачем

*Какого масштаба
организация и проблема,
такого масштаба
и стратегирование*

мы это вообще делаем? И как придем из точки А, где мы находимся, в точку С, в которую хотим прийти, и что будет посередине, какие будут наши действия. Если ваша инициатива состоит, скажем, из трех-семи человек и вы начали ее неделю назад, то у вас есть стра-

тегия: может быть, она проигрышная, но она есть, потому что вы уже поговорили. И не надо, как только вы зарегистрировали НКО, сразу нанимать консультанта за дикие деньги: он не придумает для вас чего-то особенного.

Когда у вас международная НКО или, еще хуже, агентство ООН, стратегический процесс проходит каждый год, у него есть циклы, на него отпущена куча денег, — тогда работа над стратегией обрастает бюрократией. Избежать этого легко: стратегия должна быть простой, гибкой, и ее надо менять, когда понимаешь, что она уже неактуальна.

У нас с этим не было проблем после начала войны, потому что мы смогли очень быстро адаптироваться к ситуации, что-то пересмотреть, что-то поменять. Хотя главное — это не стратегирование, а дело, но ты не можешь делать дело, если не понимаешь, как и зачем. Это неразрывные вещи. И лучше всегда составлять стратегию самому. А когда ты заказываешь ее на стороне фасилитатору, то у тебя очень большие ожидания, и

потом получается что-то не то. Имеет смысл позвать внешнего специалиста, чтобы помочь себе, но *ты* актер (я имею в виду — твоя команда), *ты* должен думать о стратегии, никто кроме тебя ее не придумает. Это не должен быть тяжелый и сложный процесс: какого масштаба организация и проблема, такого масштаба и стратегирование.

Лиза: Вы сказали, что хотели бы дожить до того момента, когда увидите результаты своих стратегий. Мой вопрос как раз про это. Какие инструменты анализа эффективности вы используете, и как они различаются на разных временных дистанциях?

Андрей Жвирблис, *Declarator.org*: Вы говорили про изменения в стратегии. На ваш взгляд, как часто это должно происходить, как вы могли бы описать этот процесс адаптации? Понятно, что ответ будет: «Каждому свое» — но все-таки какое видение этого у вас?

Игорь: Я несколько лет занимаюсь ЛГБТК-активизмом и сталкивался с очень неприятным опытом. У нас был запрос снизу, что мы не понимаем, к чему идем, и нужна какая-то сессия, где бы мы все это обсудили. Нам это организовали, мы даже обсудили и разработали документы, а через пару месяцев нам сказали что-то вроде следующего: «Что вы паритесь, это все была история для доноров». Как сделать так, чтобы в инициативной группе стратегии работали? Как их внедрить в системную работу организации?

Ната: У меня простой прикладной вопрос: могли бы вы привести два-три примера хороших, с вашей точки зрения, стратегий, чтобы нам стало понятно?

Г. Охотин: 1) Как мерить. 2) Как часто менять. 3) Как внедрять. 4) Классные примеры.

Классный пример — «One Acre Fund» («Фонд одного акра»), который занимается борьбой с бедностью в Африке. Это не НКО, это social entrepreneurship (социальное предпринимательство). Они изучают, какие семена в каких регионах хорошо растут, продают семена фермерам, фермеры их сажают и наращивают свою прибыль. А фермеры в Африке — это зачастую семья, которая таким образом становится богаче, может позволить себе образование, электричество и более хорошую еду. Эти предприниматели очень много экспериментируют, проверяют — много чего делают, но все для того, чтобы бедности в Африке было меньше. Можно посмотреть их сайт, они просто передовики труда в нашей области.

К вопросу о том, как мерить. Они меряют, вырос ли у людей доход или нет. Любое измерение сводится к вопросу: какой у вас impact, как вы его определили. Impact — это результат всего, что вы делаете.

В нашем случае это, например, количество людей, вовлеченных в защиту гражданских прав и в помощь политическим заключенным.

Потому что наша теория как раз про людей: чем больше будет людей, которые этим занимаются, тем лучше. Или изменение ценностей и общественного мнения по поводу гражданских прав.

Менять надо часто. Об этом надо думать все время — и менять, как только появляется потребность что-то изменить. Поскольку существует процесс внедрения, ты меняешь стратегию, когда на уровне практики, уровне внедрения, уровне имплементации стратегии понимаешь, что что-то пошло не так, что-то не работает, и ты слушаешь: почему не работает.

Что на самом деле работает, а что не работает, знают люди, которые занимаются практической деятельностью, а не те, которые сидят в кабинетах и придумывают стратегию. И постоянная, хорошо имплементированная в команду стратегия — это та стратегия, которая уже разрабатывается down-top — top-down, снизу вверх и сверху вниз, то есть с учетом того, что понимает и чего хочет вся команда, — в противоположность тому, когда какой-то секретный орган говорит: «Мы теперь будем заниматься не бедностью в Африке и не семенами, а экологически чистой водой в Азии».

В идеальном случае сам процесс разработки — это уже процесс внедрения.

Стратегия — это способ мыслить, а именно:

- это о чем вы думаете,
- это как вы думаете,
- это что вы думаете,
- это как ваши дела связаны с вашими мыслями,
- это постоянный процесс общекомандной рефлексии над настоящим положением, желаемым будущим и возможными методами перейти из одного в другое,

— это набор связанных между собой документов (ценности, миссия, видение, стратегические приоритеты и цели, action plan — план деятельности), в совокупности задающих координаты для работы всего проекта,

— это система практик и инструментов, помогающих вырабатывать, реализовывать, мониторить и обновлять приоритеты и цели проекта.

Естественно, в любой команде мы все разные, но про наши профессиональные дела нам нужно думать примерно одинаково. Мы должны понять друг друга, понять, что мы знаем из внешней среды, что из своего опыта, и действовать по задуманному плану. Документ, сессия — это всё элементы стратегирования. Стратегия — это то, как думает вся команда.

Настя: Я тот человек, который за большие деньги пишет стратегии для некоммерческих организаций (как говорится, «по поводу сотрудничества — в директ»). У меня вопрос про степень ответственности

человека, который выступает модератором на стратсессии. По понятным причинам я в лиге тех, кто считает, что это может сработать лучше, чем когда организация сидит в вакууме. Но я периодически сталкиваюсь вот с чем: организация или проект ждет, что мы вместе создадим какую-то стратегию и даже каким-то образом ее инкрустируем, например, во время менторского сопровождения на протяжении месяца-двух. Но мне не кажется, что я могу быть ответственна за то, как она будет функционировать дальше. Что по этому поводу думаете вы?

Г. Охотин: Стратегию рождает организация, стратегию рождает команда или лидер. И вся ответственность лежит на организации. А внешний специалист поможет разобраться в том, как именно это делать. Хороший фасилитатор, хороший стратегический консультант знает много разных техник. Он поможет организации сформулировать ее запрос. На мой взгляд, сфера ответственности фасилитатора, тренера — прежде всего помочь организации понять с точки зрения стратегии, что ей надо и надо ли вообще. Я в большинстве случаев отказываюсь работать со сторонними организациями, потому что, послушав их, говорю:

— Ага! Вам стратегия не нужна.

Они отвечают:

— Нет, очень нужна!

Я говорю:

— Ну я понял: вам вот этот фонд сказал, что вам нужна стратегия?

— А как ты догадался?

— Нет, вам не нужна стратегия.

Стратегия вам нужна, только если вы сами себе сказали, что она вам нужна. Фасилитатор лишь помогает вам, он не автор вашей стратегии и точно не имплементатор. Пишите в директ Насте.

Был еще вопрос о том, как поучиться и что почитать. Тут есть очень много всего. Ну вот одна книжка, которую очень рекомендую, она классная: Стивен Бангей «Искусство действия».*

* Бангей С. Искусство действия. Как преодолеть разрыв между планами и их реализацией / Пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2020.

*Совету Европы 75 лет**

*Клаудиа Лучиани,
директор Конгресса
местных и региональных
властей Совета Европы*

Вы даже не представляете, как я рада быть здесь, видеть Лену, Юру, Инну, всех наших друзей и познакомиться со всеми вами!

Тема моей презентации — Совет Европы.

Когда в 1949 году был создан Совет Европы, Европа была в полном беспорядке. Вторая мировая война, казалось, нанесла смертельный удар по европейскому проекту, который жил в умах и сердцах европейцев со времен Древней Греции. Его появление в 1949 году — это не только ответ на призыв «Никогда больше!» — направленный против ужасов, разрушений, геноцида, но и воплощение европейской мечты, космополитического правового порядка, задуманного Иммануилом Кантом за два века до этого. Благодаря своей оригинальной и до сих пор уникальной системе защиты прав личности Совет Европы создал многостороннюю систему, которая ограничивает власть государства, основанной на верховенстве закона. Международный Европейский суд по правам человека, о котором, я уверена, вы слышали, возводит верховенство права в основу отношений между людьми, между государством и его гражданами.

Прошло 70 лет с момента вступления в силу международного соглашения о Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), когда в сентябре 1953 г. вступил в силу этот амбициозный проект, под которым ранее подписались страны-основательницы. Далеко не устаревший Совет Европы в наши дни стал еще более актуальным, чем раньше, даже за пределами европейского континента. Почему? Потому что он в состоянии внести свой вклад в решение по меньшей мере трех сложных, фундаментальных задач, стоящих перед континентом. Назову их.

Первая — поиск выхода из тупика продолжающейся войны в Украине. Вторая — откат демократии. Так назвала ее Генеральный секретарь Совета Европы

* Выступление на семинаре Школы в Риге 1 июня 2024 г.

Мария Пейчинович Бурич в своем ежегодном докладе в мае 2023 года, обратив внимание европейских лидеров на сокращение основных свобод в некоторых европейских странах. И третья задача, а точнее, вызов — появление искусственного интеллекта и его влияние на основные права человека, в частности, женщин и уязвимых групп, а также на свободные и справедливые выборы.

Какое отношение имеет к этому Совет Европы и какова его реакция?

Война России против Украины была и остается самым большим оскорблением международного права и фундаментальных принципов Совета Европы, на которых он был построен. Как вы знаете, Россия была членом Совета Европы, но после 24 февраля 2022 года стало ясно, что Комитет министров, руководящий орган Совета Европы, примет решение о ее исключении из Совета Европы после 25 лет членства. Этот шаг был беспрецедентным. Изгнание из международной организации — очень редкое явление в международном праве. Более того, из-за открытого характера большинства договоров, в которых участвовала Россия, будучи членом Совета Европы, политические и юридические последствия этого изгнания вышли далеко за рамки компетенции Совета Европы, и с ними до сих пор разбираются. Тем не менее два года спустя война все еще продолжается (и конца ей не видно), создавая физическое и моральное опустошение на континенте. Именно поэтому год назад главы государств и правительств Совета Европы собрались в Рейкьявике на саммит и решили направить всю свою энергию и усилия на обеспечение справедливости для жертв и ответственности за серьезные нарушения, совершенные Российской Федерацией, путем создания реестра ущерба, который сейчас действует в Гааге. Этот реестр будет служить для регистрации доказательств и требований о возмещении ущерба, как физического, так и морального, и станет первым шагом к созданию международного механизма компенсации для жертв. Кроме того, после получения Украиной 23 июня 2022 года статуса страны-кандидата на вступление в ЕС наша работа сейчас в значительной степени сосредоточена на оказании помощи стране в соблюдении очень требовательных европейских стандартов, в частности, в области борьбы с коррупцией, независимости судебной системы, защиты меньшинств. Совет Европы помогает также Украине подготовиться к переходу от военного положения к гражданскому управлению и к критериям, которые будут лежать в основе проведения выборов после окончания войны.

Война России против Украины была и остается самым большим оскорблением международного права и фундаментальных принципов Совета Европы

Но это не единственное, что решили главы государств в Рейкьявике. Они решили найти пути (цитирую) «укрепления сотрудничества с российскими и белорусскими правозащитниками, демократическими силами, свободными СМИ и независимым гражданским обществом на основе их приверженности принципам международного права и противостояния войне». И, кстати, тот факт, что я нахожусь здесь, свидетельствует об этой воле.

Что касается второй задачи, связанной с противодействием откату демократии и росту крайне правых движений, ставших лидерами в ряде правительственных коалиций. И добавлю: накануне предстоящих 9 июня европейских выборов... На уже упоминавшемся саммите в Рейкьявике главы наших государств приняли Рейкьявические принципы демократии. Именно так они и называются. Это служащие общим стандартом

Особое внимание в Рейкьявических принципах уделено повышению роли молодежи в процессах принятия решений, что заставит государства-члены больше инвестировать в их будущее

десять принципов, которые переведены в контрольные показатели, чтобы отслеживать их реализацию.

При этом особое внимание в них уделено повышению роли молодежи в процессах принятия решений, что заставит государства-члены больше инвестировать в их будущее.

Помимо общего определения демократии, в Рейкьявических принципах делается акцент на гендерном равенстве и недис-

криминации. И, кроме того, они призывают государства-члены использовать процессы совещательной демократии, такие как собрания граждан или случайно выбранных групп граждан, помогающих вернуть доверие к избранным институтам.

И позвольте теперь перейти к третьей задаче, к третьему новому вызову, в контексте которого Совет Европы, несмотря на свой возраст, показал, что он справляется со своими задачами. А именно с влиянием искусственного интеллекта на демократию и права человека. Благодаря своим мощным вычислительным и предсказательным возможностям искусственный интеллект, безусловно, может быть полезен для демократии и уже широко используется многими администрациями, но он также может представлять и реальную угрозу для наших фундаментальных принципов и глубоко вмешиваться в жизнь людей.

Новая конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, о правах человека, демократии и верховенстве права — это первый в истории международный юридически обязывающий договор, который устанавливает четкие правила для государств, использующих системы искусственного интеллекта на основе тестов по оценке рисков, которые должны быть проведены до их развертывания.

Дорогие участники семинара, дорогие друзья, это лишь некоторые примеры, иллюстрирующие, что в свои 75 лет Совет Европы как организация по-прежнему необходим нашим государствам-членам и гражданам, которые пытаются справиться с войной, проходя через лабиринт задач и вопросов, для которых необходимы общие ориентиры.

Дискуссия: вопросы и ответы

Алексей, журналист Deutsche Welle: Спасибо большое за то, что вы сегодня с нами. Вы сказали, что война в Украине — одна из самых больших, если не самая большая проблема для сегодняшней Европы. И также упомянули, что Совет Европы продолжает кооперацию с российскими и белорусскими гражданскими активистами.

В этой связи я хотел бы затронуть вопрос о санкциях, применяемых иногда непосредственно против членов этих сообществ, и привести пример. Один мой друг, политик, решил остаться в России после начала вторжения настолько долго, насколько это возможно. Он открыто высказался против войны, и когда за ним пришла полиция, у него было буквально пять минут, чтобы сбежать из России, имея туристическую шенгенскую визу, через открытую в то время границу между Россией и Норвегией. Что он и сделал.

Теперь Норвегия стала последней страной, граничащей с Россией, которая закрыла границу для российских туристов с любым видом шенгенской визы. Технически мне тоже могут отказать во въезде в Норвегию, несмотря на то, что я являюсь жителем Германии. Поэтому у меня возникает вопрос: почему европейские страны спустя два года после вторжения не отменяют названные санкции против гражданских сообществ России и Беларуси?

К. Лучиани: Совет Европы как международная организация имеет свои требования, и это обусловлено волеизъявлением всех его стран-членов, включая Украину. На самом деле таких санкций нет. Совет Европы открыт, как я уже сказала, для встреч с российскими и белорусскими независимыми силами гражданского общества, и мы с ними встречаемся. Кстати, Елена была приглашена в конце апреля на неформальную дискуссию в Комитет министров, но, к сожалению, не смогла приехать. Были только два правозащитника. Конечно, это очень мало. Но это только начало дискуссии о хрупком балансе различных интересов.

Мариам, Грузия: У меня конкретный вопрос: какие меры принимает Совет Европы для борьбы с ростом популизма и национализма в странах-членах и как он обеспечивает эффективность этих мер в продвижении демократических ценностей и прав человека?

К. Лучиани: Большая часть того, что мы делаем, направлена, повторю, именно на то, чтобы предотвратить откат демократии, попытаться решить эту проблему.

К сожалению, некоторые страны-члены уже отступили от основополагающих принципов — таких, в частности, как борьба с дезинформацией и защита журналистов. Но у нас есть платформа, где благодаря медиапартнерам Совет Европы получает оповещения о нарушениях прав журналистов. И мы их направляем в те страны, где угроза исходит от государства. А когда не от государства, тогда все становится сложнее.

Это что касается действий в области свободы СМИ. Но мы не забываем и о свободе ассоциаций, часто нарушаемой при откате демократии. Европейский суд по правам человека проводит активную политику осуждения государств, нарушающих свободу ассоциаций. Мы работаем с гражданским обществом в странах-членах и поддерживаем проекты

Мы работаем с гражданским обществом в странах-членах и поддерживаем проекты в большинстве новых демократий

в большинстве новых демократий, где стараемся сотрудничать с местными органами власти, так как свертывание демократии часто происходит именно на местном уровне.

Сегодня уже говорилось, что образование имеет основополагающее значение. Потому что люди должны знать, как

защищать свои права. Но при этом я не могу не подчеркнуть значение гендерного равенства. Существует строгая зависимость между гендерным равенством в наших странах-членах и состоянием демократии. Это еще одна очень важная область — недискриминация.

Вся деятельность Совета Европы сосредоточена на демократии и правах человека. Как применяются санкции к государствам? Через судебные решения, когда они должны устранить нарушение или заплатить жертвам. Вот почему было важно создание реестра ущерба для Украины, который сейчас действует в Гааге. Это первый шаг. Нужно доказать ущерб, предъявить претензии, убедиться, что жертвы не останутся без правосудия.

Участник: Вопрос про Армению. Вы говорите, что с точки зрения международного права поведение России по отношению к Украине ужасно, но Азербайджан практически делает почти то же самое в отношении Армении. Публично президент Алиев называет суверенную территорию Армении Западным Азербайджаном. Армянам интересно, почему Совет Европы не ведет себя так же строго в отношении Азербайджана, как к России? Будет ли принимать Евросоюз такие же санкции против Азербайджана в случае нападения на Армению?

К. Лучиани: Я не представляю Европейский союз. К сожалению, у нас нет института санкций с подобными полномочиями. Но когда речь идет об Азербайджане, вы, возможно, не следили за тем, как несколько месяцев назад в отношении парламентской делегации Азербайджана были приняты жесткие меры. Она больше не может участвовать в заседаниях Парламентской ассамблеи.

Что касается свободы выражения мнений: причина, по которой такая большая разница, — у Совета Европы нет международного права, места, где можно было бы судить страну. Нет специального трибунала, подобно Нюрнбергскому, где рассматривалось бы преступление агрессии.

Михаил, выпускник Оксфордского университета: Позвольте мне задать вопрос, учитывая ваш многолетний опыт работы в регионе. Как вы считаете, каков уровень и состояние демократии в нашем постсоветском регионе, где все пошло не так? Как все могло бы быть по-другому и где именно?

К. Лучиани: Вы задали очень сложный вопрос, над которым мы бьемся с 24 февраля. Что мы сделали не так? Что мы не увидели в Российской Федерации? Ведь Российская Федерация была членом Совета Европы. Что не видели другие? И что не видим сейчас, скажем, в Армении тоже? Или в Грузии, где несколько дней назад был принят закон об иностранном влиянии, который полностью противоречит тому, на что Грузия подписалась в Совете Европы?

Честно говоря, у меня нет ответа. Может быть, у вас есть, но я определенно могу сказать, что из-за различных событий мы более осторожны, скажем так, чем раньше, в попытке использовать, как я пыталась объяснить, меру измерения, одинаковую для всех. То есть вернуться к международному праву, к тому, что было согласовано, потому что не можем иметь разные стандарты для разных стран. Но сделать это крайне сложно. Вопрос из Армении показывает, что это очень трудно, но это единственный путь. Мера измерения должна быть одинаковой, идет ли речь об Украине или Ближнем Востоке. Поэтому наши усилия, как я уже сказала, направлены на то, чтобы убедиться, что у государств есть общие стандарты, которые они соблюдают по отношению друг к другу и к своим гражданам. Но это очень трудный процесс. И на данный момент все выглядит не очень оптимистично.

Наши усилия направлены на то, чтобы убедиться, что у государств есть общие стандарты, которые они соблюдают

Инна Березкина, модератор: Я хотела бы добавить, потому что этот вопрос затрагивает очень важную для Школы тему — о представленности гражданского общества в международных отношениях и в большой политике. То, чего не видит международное сообщество, объясняется оптикой международного сообщества. Оптика гражданского общества другая. Траектория, по которой двигалось Российское государство, внутри гражданского общества была более-менее ясна уже в 2012 году. Но его голос недостаточно громок, когда идет принятие политических решений. Для нас в Школе это принципиальный момент. Роль гражданского общества должна быть пересмотрена. Оно должно занимать более заметное место в международной политике.

Лилия: Я сейчас живу в Германии по гуманитарной визе и представляю феминистское антивоенное сопротивление. Насколько я знаю, в Германии осталось два российских представительства, которые перестали выдавать дополнительные заграничные паспорта. А тем, на кого заведено уголовное дело, в принципе не светят заграничные паспорта. Ни первые, ни вторые, никакие. Судя по всему, похожая ситуация и в других странах Евросоюза. То есть через год-два тысячи политических эмигрантов из России окажутся без документов в серой правовой зоне, с неясным статусом. И то же самое происходит с белорусами, насколько я знаю. Они тоже зависли без документов, в непонятном статусе. И ребята-украинцы, которых два года назад шестнадцатилетними привезли сюда. Сейчас им по восемнадцать и они стали военнообязанными,

Роль гражданского общества должна быть пересмотрена. Оно должно занимать более заметное место в международной политике

но им перестало оказывать консульские услуги их государство на территории Евросоюза. Вот в рамках того, что все государства равны и для всех должны быть одинаковые условия, будут ли предприниматься какие-то меры, чтобы решать эту проблему? Десятки тысяч человек без документов.

Юлия: Я российский адвокат по правам человека, работаю с политзаключенными. Сейчас в России очень много уголовных дел против адвокатов, которые их защищают. И у меня вопрос: может быть, Европарламент поможет нам начать переговоры с европейскими странами об особом статусе адвокатов по всему миру, защищающих права человека? Нам нужна защита.

Ксения: Я работаю исследователем в Лондоне, но родом из Украины и понимаю важность расследования военных преступлений России. Но как насчет того, что Украина тоже нарушает права человека собственных граждан? Ведь украинцы подвергаются преследованиям — их буквально похищают с улиц, чтобы отправить на линию фронта без соблюдения каких-либо юридических процедур. Так нужно ли нам предпринимать какие-то действия или хотя бы давать какие-то комментарии и высказывать какую-то позицию по поводу этих нарушений прав человека? Или мы просто игнорируем и не вмешиваемся во внутреннюю политику Украины, потому что идет война?

К. Лучиани: Постараюсь ответить. Начну с последнего вопроса. Да, идет война. И здесь вклад Совета Европы, как я уже говорила, заключается в обеспечении ответственности и защиты жертв. Это постоянная наша работа, потому что Украина должна соблюдать права человека, как и любая другая страна — член ЕС. Так что тот факт, что она находится в состоянии войны, не означает, что все закрывают глаза на нарушение прав. Конечно, работать в Украине гораздо сложнее из-за военной ситуации.

Зал Освобождения. Арх. Фридрих фон Гертнер и Лео фон Кленце. Бавария, 1863

Теперь об адвокатах. Совет Европы сейчас завершает работу над конвенцией о профессии адвоката, так как мы понимаем, что действительно те, кто защищает жертв нарушений прав человека — диссидентов, политических заключенных, — часто находятся в проигрышном положении. После семинара я более подробно могу рассказать об этом.

Поскольку речь идет о документах и визах, то это одна из прерогатив стран-участниц — выдача паспортов и пограничный контроль. Я знаю, что некоторые страны рассматривают этот вопрос, но на них оказывается давление в том числе и со стороны их собственных граждан, которые боятся наплыва в страну иммигрантов, откуда бы они ни приехали по разным причинам. Это одна из тех областей, где государства-члены, к сожалению, остаются строго суверенными в своих решениях, и мы можем лишь пытаться подтолкнуть их к тому, чтобы они выполняли принятые решения.

Европейский суд по правам человека и судебные решения. Решения со стороны суда могут быть разного характера. Бывают нарушения, за которые назначают денежную компенсацию, а бывает, что необходимо изменить закон. Россия, когда она была членом Совета Европы, имела фактически один из лучших показателей исполнения, как правило, несложных решений суда. Так, например, многие чеченские дела, которые передавались в суд, Россия выполняла без особых проблем. Но когда они стали более сложными, как в случае дела Навального, решения перестали выполняться. Комитет министров, конечно, постоянно следит

за государствами-членами, но поскольку Россия не является членом Совета Европы, решения Европейского суда больше не оказывают на нее никакого влияния.

Так что какие-то действия суд, конечно, может предпринять, но в конечном итоге, когда речь идет о сложных, деликатных постановлениях, государство может (что оно и делает) долго ждать, прежде чем их выполнить.

Инна Березкина, модератор: Я хочу обратить внимание на одну важную деталь, о которой мы не сказали в начале: Лена (Немировская) открыла нашу встречу рассказом об истории Школы и отношений Школы и Совета Европы — в этих отношениях есть важная и неочевидная линия. Школа стала частью Совета Европы раньше, чем это сделало Российское государство. Когда маятник качнулся в другую сторону и в 2014 году Российская Федерация включила Школу в первый список организаций — иностранных агентов, Школа была вынуждена приостановить свою деятельность в России. Тогда Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы стала для всех нас и наших участников и домом, и той самой безопасной крышей, где вплоть до 2020 года мы смогли работать если не полностью в безопасном пространстве, то хотя бы в иллюзии безопасности. В 2020 году Российское государство, назвав Ассоциацию школ нежелательной организацией, по факту назвало нежелательной организацией и сам Совет Европы. Абсурдностью момента трудно кого-то удивить, есть куда более абсурдные и страшные сюжеты в нашей реальности. Мы, естественно, пытались это решение опротестовать в суде, а позже направили жалобу в Европейский суд по правам человека*.

Здесь нет специальной морали, кроме того, что история Школы на самом деле показывает гипотетическую траекторию развития России как нормального государства, которой Россия не стала следовать.

Совет Европы может не все, и Европейский союз может не все. Но мы все как представители своих обществ, как граждане глобального гражданского общества, все присутствующие в этом зале украинцы, которые держат военный фронт, россияне и белорусы, которые оказались выброшенными из своей страны, без земли, без документов, часто без языка, грузины и армяне, которые отстаивают демократию каждый день, каждый в своей стране, — все мы так или иначе ссылаемся на правовые

* N. V. Три недели спустя после этой дискуссии, 18 июня 2024 г., Европейский суд по правам человека вынес решение в пользу Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы. Суд осудил Российскую Федерацию, которая 25 декабря 2020 года внесла ассоциацию в список «нежелательных организаций» согласно принятому в 2015 году закону, единственной целью которого является подавление гражданского общества, медиа, правозащитников.

нормы, которые сформулированы в рамках европейского международного права, опираемся на европейскую систему защиты прав человека и правовые нормы европейских международных договоров. Мы говорим о решениях, вынесенных Европейским судом по правам человека, ссылаемся на договоренности, которые существуют между европейскими странами, и это важнейшая связь с идеей мира, который стоит на нормах права, с идеей, которую мы должны удерживать, несмотря на то, что автократические режимы будут стараться поставить на этом точку.

Спасибо огромное всем участникам дискуссии за вопросы и за ответы на них.

К. Лучиани: Спасибо большое. Надеюсь, с вашей, друзья, помощью мы получим нужный результат. Будем продолжать обсуждать наши общие проблемы.

Российские суды пришли к выводу, что Ассоциация школ, объединяющая 22 школы политических исследований в Европе и Северной Африке, представляет угрозу конституционному порядку и безопасности страны. В частности, они посчитали, что продвижение демократической культуры среди молодых российских лидеров является открытым вмешательством во внутренние дела страны.

Страсбургский суд постановил, что Российская Федерация нарушила статью 11 (свобода собраний и объединений) Европейской конвенции по правам человека, толкуемой в свете статьи 10 (свобода выражения мнения). В своем заявлении Ассоциация школ утверждает, что внесение организации в список «нежелательных» ограничивает ее свободу выражения мнений и объединений.

Комментируя решение суда, президент Ассоциации школ Нилс Муйжниекс сказал: «Мы приветствуем решение, которое оправдывает нас и другие подобные организации, подвергшиеся несправедливым нападениям со стороны российских властей. Хотя Россия больше не является членом Совета Европы, это решение является сильным сигналом для других правительств и может служить одним из многих ориентиров для России, если и когда она захочет вернуться в демократическое сообщество наций».

Василий Жарков,
историк, политолог

Тупик без выхода: останавливаться или продолжать?

Пока все стороны конфликта в Украине будут видеть рациональные основания для его продолжения, прекращение огня останется благим пожеланием меньшинства.

В последнее время стали довольно часто звучать призывы к перемирию в Украине. Если исключить радикальные и взаимонеприемлемые на текущий момент требования Москвы и Киева, то наиболее реалистичное предложение сегодня выглядит так: взаимное прекращение огня по линии соприкосновения войск с их возможной частичной передислокацией и замораживание конфликта на неопределенный срок — а территориальные споры предстоит решать будущим поколениям.

В этом контексте события августа 2024 года в Курской области представляются крайне рискованной игрой украинского руководства. С одной стороны, наступление и захват части российской территории выглядят как попытка улучшить переговорные позиции и совершить некий обмен землями при заключении перемирия. С другой стороны, в результате растягивания линии фронта положение Украины в зоне боевых действий может только ухудшиться. Сами по себе подобные шаги ведут к эскалации. Вскоре после вторжения в Курскую область Путин фактически заявил, что в сложившейся ситуации не видит оснований для диалога с Киевом: «О чем с ними вообще можно говорить?» Сейчас, через месяц после вторжения ВСУ в Курскую область, трудно прогнозировать перспективы очередного витка российско-украинского противостояния, но условия перемирия по его итогам могут оказаться даже более жесткими, чем могли быть в ситуации середины лета.

Бессмысленная бойня

Так или иначе, наступление ВСУ в Курской области и бомбардировка военных объектов в сопредельных регионах лишь откладывают переговоры еще на какое-то время, но не отменяют их вовсе. Напротив, последний демарш с большой долей вероятности подтвердит уже известное: обе стороны конфликта не имеют достаточно сил для победы над противником, боевые действия зашли в тупик и служат безжалостным механизмом ежедневного взаимного перемалывания молодых мужчин двух воюющих стран. К ним добавляются растущие жертвы среди мирного населения: женщины, дети, пенсионеры — и разрушенные населенные пункты, теперь с обеих сторон. Согласно проведенному в октябре 2023 года исследованию ООН вооруженный конфликт в Украине каждый день уносит жизни не менее шести мирных жителей. Вряд ли эта цифра сократилась за прошедший год. При этом, по самым скромным оценкам «Медиазоны», ежедневно в зоне боевых действий погибает не менее 120 российских солдат. Читатели могут сами сосчитать, скольких человеческих жизней эта «военная операция» будет стоить, если продлится еще два года, пять или десять лет.

Бессмысленность продолжения боев между Россией и Украиной должна была бы стать очевидной для любого наблюдателя. Продвижение на 10–15 километров в ту или иную сторону ценой уничтожения множества населенных пунктов, смерти и инвалидности десятков и сотен тысяч человек в обеих странах — такова картина тупика, в который плотно зашли обе стороны конфликта. Казалось бы, глядя на это, любой ответственный политик должен был бы призывать только к одному: к немедленному прекращению огня и началу переговоров. Однако идея перемирия пока что вызывает скепсис как у обеих сторон конфликта, так и у значительной части внешних наблюдателей. Западный альянс практически полностью поддерживает любые действия Украины, в том числе те, которые ведут к эскалации. Китай обвиняют в поддержке России, хотя Пекин все эти годы выступал за прекращение огня в Украине последовательнее, чем кто-либо. Почему же голоса за мир, даже несмотря на чудовищные потери, звучат пока что слабее, чем требования ястребов продолжать боевые действия до некоего никому не ясного победного конца?

Замораживание конфликта в постколониальном мире путем перемирия на неопределенный срок имеет немало примеров за последние без малого 80 лет. Опыт Джамму и Кашмира, Корейского полуострова и Западного берега реки Иордан показывает, что подобная стратегия, хотя и выглядит гуманно, окажется скорее всего, очередным заимствованием у потомков. Замороженные конфликты постоянно балансируют на грани возобновления страшной бойни, следующие поколения привыкают к отсутствию решения и передают их своим детям. Появление еще одной

зоны неопределенности на годы и десятилетия в центре Европы, причем в масштабах, значительно превышающих Северный Кипр, может нарушить международную стабильность и окончательно опрокинуть существующий мировой порядок в бездну территориальных споров по образцу Европы XVIII века.

Появление зоны неопределенности на годы и десятилетия в центре Европы может нарушить международную стабильность и окончательно опрокинуть существующий мировой порядок

Спор сторонников и противников перемирия тем временем продолжается и набирает обороты. Состоявшийся в июле визит министра иностранных дел Украины Кулебы в Пекин в целом подтвердил, пусть и с оговорками, готовность к началу переговоров. Сторонники и противники перемирия тем временем приводят аргументы в свою пользу и оспаривают аргументы противной стороны. Давайте попробуем,

суммируя имеющийся материал, обобщить существующие позиции и на их основании сделать вывод о возможных ключевых предпосылках перемирия, как они видятся в начале осени 2024 года.

Аргументы за перемирие

Первый аргумент сторонников прекращения огня апеллирует к тому, что военные действия зашли в тупик, ни одна из сторон не может получить решающего преимущества и при этом несет существенные потери. Войну нужно прекратить ради сохранения жизни людей и критически важной для их существования инфраструктуры, отдав решение территориальных споров будущим поколениям.

Оппоненты, в свою очередь, признают, что для Украины текущий кризис фактически является войной за независимость. Она носит экзистенциальный характер для государства и должна длиться столько, сколько нужно будет для его сохранения. Если провести аналогию с Великой Отечественной войной, положение на фронтах сейчас соответствует стадии 1941–1942 годов, для победы потребуется еще много лет и усилий. Однако, если Украина продолжит получать помощь западных союзников, в перспективе от двух до десяти лет у нее есть шанс переломить соотношение сил в свою пользу и вернуть все захваченные территории, включая Крым.

В ответ на это сторонники перемирия приводят следующий аргумент: поскольку Украина значительно слабее России демографически и экономически, продолжение войны может ее полностью истощить и обескровить даже в случае сохранения помощи Запада. При этом сегодня совершенно непонятно, каким образом и какой ценой Украина сможет вернуть потерянные территории. Заключение перемирия позволит ей избежать дальнейших существенных потерь в людях и

инфраструктуре, вернувшись к развитию собственного экономического и военного потенциала.

По мнению противников такого решения, перемирие при нынешнем положении дел станет еще большей экзистенциальной угрозой для Украины, ведь цель Путина заключается в полной ликвидации суверенитета этой страны и подчинении ее себе с последующим переходом к экспансии против стран ЕС и НАТО в Центральной Европе. Окончание войны неизбежно приведет к политической нестабильности в Украине: она будет вызвана вполне вероятным падением власти президента Зеленского, который заключит перемирие на условиях фактической потери восточных территорий. Очередная «замятня» в Киеве окажется на руку Москве, которая будет действовать с помощью своей агентуры в интересах полного разрушения украинской государственности.

Тогда сторонники перемирия приводят свой третий аргумент, основанный на возможных планетарных последствиях конфликта: дальнейшее продолжение военных действий чревато эскалацией и перерастанием в войну глобального уровня, вплоть до применения ядерного оружия, в результате чего из-за спора за степи Северного Причерноморья рискует погибнуть человечество и все живое на Земле.

Контраргумент противников звучит, возможно, бездоказательно, но вполне

Конфликт в Украине носит захватнический характер. В этой ситуации мы должны различать в нем агрессора и жертву

уверенно: угрозы применения ядерного оружия со стороны Кремля звучат так часто, что все больше выглядят как блеф. Вместе с тем война в Украине в глазах ее западных союзников представляется удачным способом удерживания России от экспансии по другим, более чувствительным направлениям, таким как страны Балтии и Польша. Пока российские войска скованы в Украине, у ЕС и НАТО будет время подготовиться к возможному российскому вторжению на восточном фланге. Нужно продолжать помогать Украине, спокойно наблюдая, как Россия расходует свой людской и промышленный потенциал и подрывает свою мощь на десятилетия вперед.

Наконец, четвертый, добавочный аргумент в пользу перемирия носит сугубо этический характер: мир в любом случае лучше войны, поэтому призывать к ее продолжению в высшей степени аморально, какая бы сторона это ни делала. Моральный же контраргумент утверждает, что в ситуации войны мы не можем не учитывать ее характер. Конфликт в Украине носит однозначно захватнический характер. В этой ситуации мы должны различать в нем агрессора и жертву. Справедливый исход такого противостояния может быть достигнут только в случае поражения и соразмерного совершенным военным преступлениям наказания агрессора. Перемирие же позволит ему уйти безнаказанным и торжествовать победу.

Как видим, обе стороны по-своему апеллируют к экзистенциальному характеру конфликта для Украины и даже всего мира, но при этом делают прямо противоположные выводы. Посмотрим теперь на аргументацию противников перемирия.

Аргументы против перемирия

Первый, наиболее распространенный аргумент против перемирия состоит в том, что оно будет крайне неустойчивым. Передышка позволит Кремлю компенсировать понесенные потери и снова начать войну с большей вероятностью успеха для себя. Контраргумент выглядит вполне симметрично: Украина тоже получит передышку, а в случае сохранения действующих санкций России будет сложнее собрать силы для сдерживания соседа и придется решать проблему спорных территорий дипломатическим путем.

Второй аргумент против прекращения огня апеллирует к империалистической и агрессивной природе кремлевского режима. Освободив боеспособные и закаленные на украинских полях сражений части, Россия может напасть на Балтийские страны. Контраргумент предполагает ответственность и солидарность стран евро-атлантического альянса: в случае военного нападения на страны Балтии Россия получит гарантированный ответ со стороны США и их союзников по НАТО, причем, возможно, практически по всему периметру своих границ — от Кольского полуострова до Камчатки, включая Крым, а не только в Балтийском регионе.

Наконец, у противников перемирия тоже имеется глобальный аргумент: если Россия сможет сохранить за собой формально присоединенные территории на востоке Украины, это создаст опасный прецедент в мире и позволит другим странам начать перекройку политической карты мира в свою пользу. Контраргумент напоминает нам, что подобные прецеденты были раньше. Сама Россия косвенно апеллирует к оккупации Израилем Западного берега реки Иордан в 1967 году и последующей аннексии Иерусалима и Голанских высот. Другой пример нерешенных границ в постколониальном мире — спорная территория Джамму и Кашмира между Индией и Пакистаном — тлеет, время от времени разгорается, но не взрывается уже несколько десятилетий подряд. Оба случая не привели к массовому пересмотру государственных границ в мире, и вряд ли случай спорных территорий в Восточной Европе моментально обрушит режим границ в сопредельных с регионом странах Европы и Азии. Вопрос о «несправедливых границах» может быть решен в отдаленном будущем благодаря международной торговле и кооперации по аналогии с Европейским объединением угля и стали, положившим конец долгому спору Германии и Франции за Эльзас и Лотарингию.

Тем временем четвертый, добавочный аргумент против перемирия — специально от российской оппозиции в изгнании — гласит, что

сохранение за Россией контролируемых территорий на востоке Украины будет подано как победа Путина. Это упрочит его власть в стране, поэтому военные действия должны вестись до поражения Кремля.

Резонным ответом на это выглядит констатация того, что военные неудачи не обязательно приводят к смене авторитарных режимов. Самым очевидным примером здесь может служить сохранение власти у Саддама Хусейна после неудачной попытки захвата Кувейта и операции «Буря в пустыне» в 1991 году. Вместе с тем прекращение боевых действий оставит российский режим один на один с целым рядом острых и нерешаемых социальных и экономических проблем, обусловленных общей неэффективностью существующей модели управления. В послевоенной ситуации разные слои общества могут потребовать решения своих трудностей, в том числе за счет большей демократизации страны и допуска их к принятию решений. Вернувшиеся с фронта ветераны совершенно не обязательно будут сохранять лояльность власти, вовлекшей их в бессмысленную бойню. Золотой дождь, пролившийся на тех, кто отправился служить на передовой, забудется, а ранения и память о погибших товарищах останутся. В этой ситуации окончание так называемой «СВО» для Кремля может оказаться более опасным решением, чем ее продолжение.

*Военные неудачи
не обязательно приводят
к смене авторитарных
режимов*

Дилемма неопределенности

Таким образом, обе стороны — сторонники и противники перемирия — имеют похожий набор аргументов. Они апеллируют одновременно к собственным расчетам и прогнозам соотношения сил на поле боя, возможным глобальным последствиям конфликта и моральной составляющей проблемы. Одни рассчитывают на пусть нескорое, но неизбежное истощение России. Другие опасаются, что людские и военно-экономические ресурсы Украины могут истощиться гораздо раньше. Одни боятся ядерной войны, другие видят угрозу международному режиму границ во всем мире. Наконец, сторонники перемирия говорят об аморальности войны как таковой, а их оппоненты настаивают на необходимости ее справедливого исхода.

*России, Украине и всему
миру предлагается
выбирать между перемирием
с непредсказуемыми
последствиями и
изматывающей войной
с результатом не более
очевидным*

По сути дела, России, Украине и всему миру предлагается выбирать между перемирием с непредсказуемыми последствиями в будущем и очень долгой, изматывающей войной с результатом не более очевидным. Те, кто выступает за мир, страшатся новых многочисленных жертв

и возможности «всеобщей истребительной войны» по Канту. За продолжение огня выступают, скорее, те, кто мечтает о крушении путинского режима. И здесь мы, кажется, можем найти точку согласия сторон.

В пользу перемирия говорит нарастающая усталость от военного конфликта в России, Украине и в ЕС. Современные европейские общества, к которым, несмотря ни на что, относится и Россия, не готовы к затяжному военному конфликту посреди Европы, о чем свидетельствует растущее недовольство и подавляемые с обеих сторон низовые инициативы в пользу прекращения огня. Что может открыть дорогу к переговорам?

Главным препятствием на пути перемирия служит отсутствие доверия, в особенности со стороны Украины и ее союзников — к российскому руководству. Нежелание «победы Путина» пока выглядит сильнее угрозы новых жертв и разрушений, неизбежных в случае продолжения

Вопрос, вынесенный на референдум, должен быть сформулирован так, чтобы на него можно было однозначно ответить «да» или «нет»

войны на истощение, которую ведет Россия. Министр иностранных дел Украины Кулеба заявил в Китае о готовности к диалогу в случае перехода Москвы к «добропорядочным переговорам». Это напоминает интенцию президента США Рейгана, незадолго до прихода Горбачева в Кремль говорившего о готовности к разрядке в случае

перемены позиции Москвы. Начавшим «СВО» руководителям России будет крайне трудно ее завершить путем мирных переговоров в силу крайней степени недоверия к ним не только в Киеве. Первым шагом к мирному урегулированию в Восточной Европе могли бы стать мирные перестановки в российском руководстве, которые повысили бы доверие к нему.

Однако нельзя не признать, что Запад не делает ничего для четкой артикуляции возможного выхода для российских элит. Напротив, почти все ведущие западные эксперты говорят о неизбежности противостояния с Россией (неважно, с Путиным или без него) из-за «столкновения интересов». Никакой дорожной карты возвращения к мирному сосуществованию никому в России фактически не предлагается. Элиты и общество тотально признаны виновными.

Американский истеблишмент и европейские союзники практически хором говорят о необходимости долгосрочной политики сдерживания России по аналогии с холодной войной. Такая политика, очевидно, должна привести к поражению противника, как в случае с СССР. Вероятно, это следует понимать так: за украинскую авантюру заплатит не только Путин — вся Россия должна заплатить за эту войну распадом. Но понимают ли западные партнеры, что подобная угроза способна сплотить не только российские элиты, но и все российское общество вокруг действующего президента в долгом противостоянии с Западом,

частным случаем которого является украинский конфликт? При этом американская экономическая и военная гегемония в сегодняшнем мире далеко не столь очевидна, как во времена автора доктрины сдерживания Джорджа Кеннана.

К сожалению, похоже, что они всё прекрасно понимают. Хуже того, Россия как «воображаемый другой» во внешнеполитической стратегии США прочно заняла нишу удобного врага, угрожающего американским ценностям. В этой связи обращает на себя внимание наблюдение историка-американиста Ивана Куриллы. В недавно опубликованной книге* он написал, что уже при следующем президенте США декларированное ранее «окончание эры крупных военных операций» по переустройству других стран «легко может оказаться пересмотренным», особенно если «российско-украинский конфликт будет представлен как экзистенциальная угроза американским идеалам». Войну двух крупнейших ядерных держав по-прежнему трудно себе представить, но сегодня они гораздо ближе к прямому военному столкновению, чем в 1985 году. Борьба с внешним врагом в лице России может снова сплотить американское общество, достигшее предельной степени поляризации за последнее десятилетие.

Этот контекст необходимо учитывать, говоря о перспективах российско-украинского перемирия. Ближайшие месяцы покажут, насколько оправданны ожидания и устремления выступающих за мир идеалистов и во что обойдется желание реалистов достичь поражения России за счет украинского конфликта. Предстоящие осень и зима обещают быть долгими и трудными для всех.

Войну двух крупнейших ядерных держав трудно себе представить, но сегодня они гораздо ближе к прямому военному столкновению

* Курилла И. Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. М.: Альпина Паблишер, 2024.

Яннис Кунеллис (Jannis Kounellis). Без названия. 2006

Симуляция избирательных процедур в условиях военного положения: причины, риски и последствия*

Иван Преображенский: Я бы хотел начать с выборов 1996 года. На мой взгляд, это был как раз первый прецедент псевдоэлекторальной процедуры в истории Российской Федерации. Тогда речь не шла о победе на выборах, которые в тот момент однозначно воспринимали как цирк. Кто-то, наверное, помнит исчезновение кандидата Ивана Рыбкина, а затем его таинственное появление с фингалом и ту странную историю, которую он рассказывал. Это, как и многое другое, вело к делегитимизации электоральной процедуры в глазах россиян. И привело постепенно к отказу российских властей от выборов как инструмента внутренней политики.

Сейчас мы видим, что происходит на так называемых выборах. Ни у кого из присутствующих, я думаю, нет сомнений, что мы вообще не говорим о выборах в Российской Федерации. Это спецоперация или, как правильно называет это Григорий Юдин, плебисцит по доверию Владимиру Путину. Именно так ее воспринимают как противники выборов, так и условные сторонники Владимира Путина.

Сейчас в Российской Федерации идет имитация электоральных процедур в условиях военного положения на временно оккупированных территориях Украины, которые не являются территорией Российской Федерации. Кремль считает их своей территорией, а международное сообщество и мы с вами так не считаем. То есть возникает правовая коллизия. Российский режим не соблюдает никаких электоральных и законодательных процедур с 2020 года, когда конституционный переворот открыл возможности для совершения всего, что режиму угодно. И эти

Иван Преображенский,
политолог

* Выступления на семинаре Школы в Праге 12 февраля 2024 г.

*Российский режим
не соблюдает никаких
электоральных
и законодательных
процедур с 2020 года*

псевдовыборы допустимы с точки зрения закона, который, по сути, отменяет ограничения военного положения и ограничивает в том числе действие Конституции. В результате сами выборы являются нелегальными и нелегитимными. Они проводятся на территориях, на которых не проживают граждане Российской Федерации, и голосуют на них не-

граждане Российской Федерации. Все это технические детали. Но на самом деле сегодня история с российскими псевдовыборами и состоит из технических деталей.

России пришлось подстраивать под актуальную ситуацию процедуру, которая была отработана на так называемых выборах 2012 и 2018 годов. Ни те, кто тогда был за эти выборы, ни те,

кто был против, не воспринимали их как электоральную процедуру. Но Кремлю надо соблюдать видимость электоральной процедуры, а Путину важно формально продлить свой мандат в условиях военных действий, особенно когда в Украине действует военное положение и тоже должны пройти президентские выборы. Так возникает идея проведения электоральной спецоперации, которая должна минимально соответствовать стандарту выборов, но в которой не должны участвовать никакие участники, способные потенциально возродить электоральную процедуру. У этой операции было три этапа.

На *первом этапе* предпринималась попытка сымитировать некие околоэлекторальные процессы. Это в первую очередь была информационная кампания. Как будут проходить выборы? Какую программу напишут Путину? Кто именно будет писать программу? Кто возглавит теневой штаб? Кто возглавит официальный штаб? Кто у него будут доверенными лицами? Все это вместе должно было показать, что происходит какая-то борьба. И в общем и целом российской власти это удалось. Даже российские оппозиционные медиа, находящиеся за пределами России после 24 февраля 2022 года, включились в эту игру, периодически освещая происходящее именно в тех контекстах, которые хотел бы Кремль, позволяя себе публиковать кремлевские «сливы» со ссылками на источники, легитимизируя постепенно таким образом эту процедуру.

На *втором этапе* происходит выдвижение кандидатов. Тогда же возникает «кандидат против всех». Он собирает весь антивоенный электорат, и внезапно начинается общественное движение, которое ведет себя так, как будто выборы существуют. Это не входит в планы властей: они рассчитывали на то, что общество абсолютно запугано, инфраструктура протеста разрушена еще в 2020–2021 годах. Соответственно, никакого самообъединения в условиях полицейского государства, стремительно уходящего в тоталитаризм и возрождающего тоталитарные практики, не должно было произойти. Власти пытались дополнить своих номинальных участников выборов еще одним кандидатом с условным

рейтингом 1–2%, который бы позволил потом сказать, что никакой антивоенной повестки в Российской Федерации нет и никакой поддержки антивоенный кандидат не получает. И этот игровой сценарий начал стремительно разваливаться, когда тысячи людей стали подписываться за Бориса Надеждина. Российская зарубежная оппозиция призывает ставить подписи за Бориса Надеждина, но не призывает поддерживать его как кандидата на выборах в чистом виде. Возникает ситуация, при которой власти вынуждены отказать Борису Надеждину в регистрации и вернуться к полностью имитационному сценарию, то есть к псевдоэлекторальной процедуре в режиме специальной операции.

Электоральное законодательство не соблюдается. Мы можем отдельно разбирать кейсы агитации на этих выборах, при этом очевидно, что никакой агитации за условно оппозиционных кандидатов не проводится. Российские власти подготовились даже

к тому, чтобы случайно появившиеся кандидаты типа Надеждина, выдвинувшиеся от существующих политических партий, не получили бесплатного эфирного времени и у них не было бы возможности публично заявить антивоенные лозунги. Количество нарушений во время сбора подписей за Владимира Путина было таково, что сам Кремль остановил публичную медийную кампанию по освещению сбора подписей: всем было ясно, что никакого сбора не проводится.

На *третьем этапе* происходит голосование — опять трехдневное и электронное. Голосуют также и на временно оккупированных территориях Украины. Соответственно, никакого настоящего голосования не проводится. С одной стороны, Кремль достигает своей главной цели, то есть вновь утверждает мандат Владимира Путина. А с другой — у Кремля возникла проблема в долгосрочной перспективе. Те, кто готов был пойти поставить подписи за Бориса Надеждина, стали основой новой инфраструктуры протеста. Эта проблема возникла из-за того, что они пытались имитировать электоральные процедуры.

Кремлю с большой долей вероятности придется на долгое время отказаться от режима электоральной автократии, потому что для него даже имитировать электоральные процедуры «себе дороже».

Отчасти похожие процессы происходили и в Украине, которая защищается от российской агрессии. Там тоже возник риск потенциальной имитации электоральных процедур, при этом мы понимаем, что воюющей стране провести демократические выборы практически нереально.

Количество нарушений во время сбора подписей за Путина было таково, что сам Кремль остановил медийную кампанию по освещению сбора подписей

*Георгий Чижов,
политолог*

Георгий Чижов: Я бы не назвал процессы похожими. Однако такой риск действительно существовал, который не реализовался. За решением проблем, связанных с отражением полномасштабного вторжения, мы, очевидно, не заметили, как много прошло времени и как подошли сроки плановых выборов. Минувшей осенью, то есть в 2023 году, должны были пройти выборы в Верховную раду, а выборы президента Украины должны были состояться в конце марта. Никак не реагировать на эти сроки общество не могло. Что касается выборов в Верховную раду, то в Конституции указано, что во время действия военного положения они проводиться не могут. Относительно выборов президента это забыли указать, поэтому формально можно было трактовать так, что, может быть, их можно провести.

У действующих украинских властей было большое искушение хоть какие-нибудь выборы провести в условиях военного положения, когда фактически невозможна полноценная конкуренция и по естественным причинам ограничена свобода слова. И результат таких выборов был бы предрешен. Выборы в Украине могли бы стать действительно имитационными — таких выборов не было никогда за всю историю ее постсоветской независимости.

Обсуждение началось с выступления экстравагантного американского сенатора-республиканца Линдси Грэма, который сказал, что очень надеется, что украинские власти проведут все выборы вовремя и покажут свою приверженность демократии. Это был, конечно, такой «подарочек» определенным кругам из команды действующего президента — в первую очередь тем, кто боится потерять власть. И поэтому началось забрасывание этой темы в публичное пространство: «А может быть, надо провести выборы, если уж Запад от нас требует?» Об этом говорил Давид Арахамия, лидер фракции «Слуга народа», который иногда делает всякие спорные заявления. Об этом даже говорил и сам президент Зеленский. Правда, он говорил очень осторожно: «Если Запад настаивает, то, возможно, он и поможет профинансировать проведение этих выборов? А также организовать голосование украинских граждан за рубежом». При этом это высказывание надо было понимать сложнее: «Если Запад согласится финансово помочь нам провести выборы, значит, тем самым он покажет, что он это поддерживает». Реакция западных политических кругов последовала достаточно быстро: никто, разумеется, на этих выборах не настаивает. Все знают, что в демократических странах выборы во время войны не проводятся по совершенно очевидным причинам: из-за отсутствия конкуренции, из-за невозможности полноценно организовать участие в выборах воюющих людей, то есть самой

активной в текущий момент части общества. Кроме того, нынешняя война характеризуется огромным количеством беженцев, которые фактически оказались бы отсечены от электорального процесса.

Самой главной в этой ситуации была реакция украинского общества. Большая его часть поняла, что если такие выборы состоятся, то это будет попытка избежать политической конкуренции. К нынешней украинской власти можно относиться по-разному, но ее несомненным положительным качеством является то, что она ориентируется на мнение народа. Социологические опросы проводятся регулярно, и в соответствии с ними корректируется государственная политика — для россиян, например, это немыслимо, такого там не было и в более вегетарианские времена.

Увидев неприятие этой затеи, украинские власти от выборов отказались и заявили, что, в общем, ничего подобного не планировали. И даже Верховная рада приняла специальное постановление о том, что выборы не могут проводиться в стране раньше чем через шесть месяцев после окончания военного положения. Юристы, кстати, говорят, что тут Верховная рада превысила свои полномочия: она не может решать такие вопросы. Но никому не нужно сейчас это оспаривать. Главное, что мы поняли, что выборов до конца войны не будет. Правда, тут же появились другие голоса. Возникли вопросы: «А может быть, Владимир Зеленский хочет таким образом продлить свою президентскую каденцию? Пока у нас идет война, хочет оставаться в кресле президента?»

Я не могу сейчас предложить правильное решение. Но если война еще затянется на годы, то это будет определенным вызовом. Более того, очевидно, что общественные настроения за прошедшие с прошлого избирательного цикла годы сильно поменялись и сегодняшний состав парламента не соответствует текущим настроениям избирателей. Другой вопрос, что во время войны настроения избирателей меняются очень быстро, а фиксируются так тяжело, что непонятно, как вообще обеспечить справедливое представительство. Тем не менее украинская демократия, основанная на наличии гражданского общества и на его готовности отстаивать свои гражданские интересы в любой ситуации, обеспечила невозможность какой-либо имитации выборной процедуры.

К нынешней украинской власти можно относиться по-разному, но ее положительное качество — то, что она ориентируется на мнение народа

Украинская демократия, основанная на наличии гражданского общества, обеспечила невозможность какой-либо имитации выборной процедуры

Вопросы и ответы

М. Заботкин: Почему мы так уверены, что выборы в военное время в демократиях невозможны в целом и в Украине в частности? Я согласен, что есть мотив провести их так, чтобы у власти осталась правящая партия. Это рационально, но не потому, что она против демократии, а потому, что во время войны нужна сильная исполнительная власть. Во время Второй мировой войны в США совершенно спокойно выбирали президента — и в 1940-м, и в 1944-м. Впрочем, у них была другая ситуация — ни пяди американской земли не было оккупировано. Организовать выборы в Украине было бы технически очень сложно, но возможно. Насколько я понимаю, у правительства Зеленского и у его партии потенциально много возможностей осуществлять манипуляции. Но, как вы сказали, украинское общество довольно критично настроено к любой власти. Есть достаточно долгая традиция соревновательных выборов и противостояния попыткам власти сделать эти выборы менее соревновательными. Почему вы считаете, что если выборы все-таки пройдут, то, значит, они будут управляемы? Вы не допускаете ситуацию, когда удастся провести эти выборы относительно честно и конкурентно?

Г. Чижов: Почему, на мой взгляд и взгляд большинства украинского общества, не стоит проводить эти выборы сейчас? *Во-первых*, существенно ограничена соревновательность тем, что нет свободного информационного пространства из-за военных ограничений. Существуют серьезные риски «раскачивания» внутривнутриполитической ситуации, если конкурирующие партии

начнут критиковать друг друга. И это обуславливает в какой-то мере ограничение свободы слова. *Во-вторых*, крайне сложно организовать выборы непосредственно на линии фронта среди воюющих солдат и среди мирного населения, которое находится в непосредственной близости к зоне боевых действий. *В-третьих*, возникнут огромные сложности с организацией голосования миллионов украинских граждан, выехавших за рубеж.

С другой стороны, начинается шестой год пятилетнего срока. Если пройдет еще год или два (хотя хочется верить, что война закончится раньше), возможно, встанет вопрос о том, что украинская власть совершенно потеряла легитимность просто из-за растяжения сроков. И тогда придется искать некие электоральные технологии, которые позволили бы провести выборы так, чтобы не возникло сомнений в легитимности и в адекватности результатов этих выборов. Тут готовых рецептов среди развитых стран пока нет. Пример США времен Второй мировой войны нам не подходит, потому что на территории США не велись боевые действия, а часть американских граждан, которые не могли принять участие в выборах, была незначительной. Возможно, придется придумывать специальные процедуры и специальные условия. И, возможно, электоральным юристам есть смысл задуматься об этом уже сейчас.

И. Преображенский: Вы привели пример США, поэтому я бы обратился к Алексису де Токвилю и его книге «Демократия в Америке». Сложившаяся ситуация подпадает под описанную им

проблему — то, что сегодня мы охарактеризуем как «силовые органы в демократическом государстве». Подобные выборы невозможно провести без прямого участия военных — даже не полицейских — структур. Прямое участие военных уже не позволит называть эти выборы демократическими, потому что принцип действия военных, особенно в условиях боевых действий, — это выполнение приказа. Это приблизительно то же самое, что попытаться говорить о демократических выборах (в полном смысле демократических, как мы их сейчас понимаем) в религиозной структуре, где главный принцип — это иерархия.

Марина, Украина: Если в Конституции Украины написано, что во время военного положения не может быть выборов, то их и не будет. Я принимаю участие в выборах с 2000 года. Я работала начальником юридического отдела областной государственной телерадиокомпании и проходила через все этапы предвыборных кампаний. Сейчас и намек на выборы не было, потому что предвыборная кампания началась задолго до ее объявления, а сейчас и приблизительно ничего похожего не было. В упомянутом вами интервью, в котором Зеленский говорил про деньги и выборы, это было сказано с иронией, потому что сейчас невозможно обеспечить безопасность людей на выборах. Я очень сомневаюсь, что вообще кто-то серьезно об этом думал.

Юля, Сумы (Украина): Я из областного центра, который находится в 24 км от границы. У нас сначала идет прилет — в школу, в садик, в университет, а только потом включается сигнал воздушной тревоги. Мы даже не успеваем

решить, спуститься в убежище или нет. Если будет огромная территория, где будут собираться люди, чтобы сделать свой выбор, то они даже не почувствуют, что их уже нет, и не узнают о сигнале воздушной тревоги.

Прямое участие военных не позволит называть эти выборы демократическими, потому что принцип действия военных — выполнение приказа

Тимур, Вроцлав: Что вы думаете об отставке Залужного? Это политическое решение? То есть будто бы Зеленский избавляется от более популярных конкурентов? Или это решение, продиктованное военной целесообразностью? Есть много противоречащих друг другу мнений.

Г. Чижов: Марина, я был бы рад с вами согласиться. Но насколько я знаю, все-таки обсуждались не только парламентские выборы. Хотя в том самом интервью Зеленский сослался на Конституцию, которая запрещает парламентские выборы, но он также сказал, что в действующем законодательстве прописан запрет и без изменения законодательства провести выборы невозможно.

Была активизация потенциальных кандидатов по всей Украине. Еще весной началось много переговоров, на некоторых из них мне даже приходилось присутствовать. Я им говорил, что выборов не будет. Но возбуждение такое было. А то, что кампания не вылилась в привычные формы, — это, я думаю, специфика военного положения.

В остальном я с вами и Юлей согласен. Невозможно провести выборы на

территориях, непосредственно прилегающих к зоне ведения боевых действий и к российской границе, откуда прилетают ракеты.

Однако часть по крайней мере политического класса Украины всерьез думала о том, что выборы могут случиться. Сейчас эти разговоры затихли, никто из кандидатов не хочет вкладывать ресурсы. Это, кстати, тоже очень интересно, что во время войны политическая конкуренция не снижается.

Теперь к вопросу о Залужном. Мое личное мнение: основная причина отставки Валерия Залужного все-таки политическая. Но вот копаться в мотивах я бы предпочел не публично, потому что мы стараемся не критиковать политическое руководство публично. Президент не вышел за рамки своих полномочий, то есть он сделал то, на что имел право, и это было обосновано перезагрузкой военного руководства. Новые руководители сейчас только назначены, и, соответственно, о результатах этой перезагрузки пока говорить рано.

Общеизвестно, что Валерия Залужного в Украине любят. Очень многие украинцы серьезно напряглись, когда его заменили. Но утверждение «все пропало, и теперь мы проиграем и подпишем мир на условиях Путина» — это серьезное преувеличение, никто сдаваться не собирается.

У нового главнокомандующего Александра Сырского репутация в армии гораздо хуже, мягко говоря. И тем не менее вместе с Валерием Залужным и другими он является соавтором всех операций ВСУ за последние два года.

И. Преображенский: У меня нет ответа на вопрос Тимура. Я не военный

эксперт и не берусь говорить о том, насколько велики были какие-то ошибки, — ошибки бывают всегда. Я согласен с Георгием, что отставка была политической, потому что она произошла тогда, когда это политически стало возможным. В прошлом году отставка Залужного привела бы к отставке Владимира Зеленского или к очень серьезному политическому кризису. Сейчас ситуация другая, отставка стала возможна. По каким внутренним причинам Владимир Зеленский принимал это решение, сейчас обсуждать бессмысленно. Мы увидим эти причины приблизительно к середине весны 2024 года, в зависимости от того, что будет на фронте и во внутренней политике. Как правильно говорит Георгий, в какой-то момент вопрос легитимизации власти все равно встанет.

Николай, Беларусь: Я представляю кампанию «Говори правду» и являюсь заместителем председателя партии «Белорусская социал-демократическая Грамада». В Беларуси выборов нет с 1996 года, проходят только электоральные кампании. Напомню, что в 2006 и в 2010 годах проходили президентские выборы, в 2010-м протесты жестко разогнали. В 2015 году, понимая, что выборы бессмысленны и проходят электоральные кампании, большинство оппозиции решило их бойкотировать. И выборы прошли тихо-мирно, и даже Запад признал, что Лукашенко в 2015 году стал президентом: «Выборы были честными, просто никто не участвовал». В 2018 году у нас были местные выборы, а в 2019-м — парламентские выборы, наша партия в них участвовала. Нас критиковали за то, что своим участием мы легитимизируем эти выборы,

Джим Уоррен (Jim Warren). Война и мир. 2000-е гг.

играем на стороне Лукашенко. Но когда в 2020 году бойкота не было, у Беларуси появился какой-то шанс. В России сегодня складывается такая же ситуация. На мой взгляд, бойкот — это тоже не выход. А что тогда делать?

Антон, Варшава: Мой вопрос переключается с предыдущим. Сейчас и в активистском сообществе в России, и в эмигрантском сообществе в диаспоре ведется дискуссия о предстоящих «выборах». Существует ли возможность использовать выборы в их текущем виде и состоянии для выражения протеста? Если да, то какие возможности вы видите и считаете эффективными? Например, команда Навального предлагает своим сторонникам приходиться в определенное время. Насколько это эффективно, на ваш взгляд?

Олег: У всех политических акторов, даже авторитарных, есть определенная логика действий. Когда мы говорим о том, что в России уже много лет выборы превращаются в электоральную процедуру, и кажется, что каждый раз это уже что-то совсем окончательное, они потом придумывают еще какое-то новшество. Но неужели с помощью всех этих «коллективных Киселевых» и прочих им удастся без негативных последствий де-факто ликвидировать выборы? Какие теоретически существуют негативные последствия для режимов типа путинского от фактической ликвидации выборов? Или это рациональное, с их точки зрения, поведение и миноусов для них никаких нет?

И. Преображенский: Мне кажется, что белорусский пример как раз очень хорошо показывает, что имитация электоральной процедуры может создать потенциальную проблему в момент,

когда значительная или большая часть общества видит возможность для коллективного политического действия. Обычно это происходит абсолютно спонтанно. Так, Тихановская оказалась лидером сопротивления, совершенно не планировав ничего подобного.

С другой стороны, в условиях, когда выборы разрушены как процедура, на выборах власть не берут. И вопрос в 2020 году решался не на выборах. Возникла абсолютно легитимная электоральная надежда у значительной части населения, но отстаивать свои интересы необходимо было в других формах. Одной формы голосования оказалось недостаточно. И на следующем этапе общество, победив на имитационной процедуре, не смогло защитить результат, к сожалению.

На мой взгляд, в России ситуация абсолютно похожая. Если вдруг у общества возникнет запрос, то оно само выберет себе условную Тихановскую. Так оно пыталось выбрать себе Бориса Надеждина как «кандидата против всех». А дальше все зависит от адекватности властей, которые удерживают режим. Александр Лукашенко не мог всерьез воспринимать Тихановскую, так как она женщина. Это было личностным фактором, связанным с патриархальностью самого Лукашенко, одна из причин, почему ее не посадили, почему ее не сняли и так далее. В российской ситуации мы видим, что фактор Дунцовой таким же образом не сыграл. Ее восприняли как потенциальную угрозу и не допустили ни до каких электоральных процедур даже близко. И Бориса Надеждина, как только на него переключился фактор общественной поддержки, тоже дальше не допустили. С этой точки зрения

российский режим, скажем так, «эффективнее и адекватнее» в существующей ситуации. Мы видим, что с учетом того, как быстро теряет адекватность российский диктатор, ситуация может измениться. Влияние Путина нельзя недооценивать: в какой-то момент оно неизбежно становится деструктивным для этого режима.

Безусловно, имитация электоральных процедур, как в белорусском случае, таит в себе потенциальную опасность. Она состоит в том, что можно не распознать момент консолидации общества для решения какой-то задачи неэлекторального плана, которая приводит к тому, что выборы начинают использовать совершенно в других целях. То есть государство имитирует выборы, и общество начинает имитировать участие в этих выборах совсем для другого. Так, в очередях за Бориса Надеждина практически все говорили: «Мы пришли, чтобы подписаться “против войны”». Там разве высказывался кто-нибудь за то, чтобы Борис Надеждин был президентом РФ?

Безусловно, негативные последствия есть и в другом — это утрата легитимности. Пока режим действует и сам себя осмысливает как электоральная автократия, пока Путин уверен, что ему необходимы псевдоэлекторальные процедуры, чтобы подтвердить свою власть, пока он считает, что ему нужны выборы, чтобы своим собственным подчиненным показывать, что за него 90%, есть шанс использовать эти псевдоэлекторальные процедуры против действующей власти. Большинство тех, кто условно голосует за Путина, то есть те, кто сам приходит, кого не принуждают, они приносят присягу действующему режиму. Они не думают,

что они назначают Путина президентом. Они не мнят себя гражданами, у них совершенно другие отношения с властью — более близкие к монархии, хотя это не монархия, конечно, а диктатура, ее противоположность. Соответственно, в тот момент, когда носитель власти меняет представление о своих собственных основах легитимности, на чем она держится?

Возможен в принципе полный отказ от электоральных процедур. И тогда их уже никаким образом использовать нельзя. Сейчас есть вероятность, что Россия на следующем этапе вообще откажется от имитации выборов. Это будет уже прямой референдум — даже не по белорусскому сценарию, а по сценарию азиатских диктатур, когда это честно называется плебисцитом: вы за или против. И дальше это уже как раз чистая диктатура. Давайте вернемся к Платону и Аристотелю и вспомним, что противоположность диктатуры — это монархия, а противоположность монархии — это диктатура. Так вот, через монархию и выходят из диктатуры. Через демократию из диктатуры обычно не выходят.

Соответственно, здесь возникает проблема того, что мы все как условная российская демократическая оппозиция оказываемся без почвы под ногами, и нам надо пересматривать свои собственные установки.

Г. Чижов: Самое интересное, что в глазах украинцев Надеждин не выглядел антивоенным кандидатом. Разумеется, его провоцировали и задавали вопрос: «Вы готовы отдать Крым и Донецк, если станете президентом?» И он вынужден был говорить разное, иногда говорил глупости. Я лично знаю Бориса Надеждина, это умный человек.

Если бы он стал президентом (но это невозможно ни при каких раскладах, ни при каком политическом режиме), то он отдал бы и Крым, и Донецк. Но его риторика, к которой он обращался, чтобы не сесть в тюрьму и хоть как-то выглядеть разрешенным кандидатом на выборах, украинцами, конечно, воспринималась негативно. Кто-то комментировал: «Россия безнадёжна». Кто-то говорил: «Если они такого человека считают демократом и антивоенным кандидатом, то о чем с ними разговаривать?» Понятно, что там был элемент политического цирка,

Сейчас есть вероятность, что Россия на следующем этапе вообще откажется от имитации выборов. Это будет уже прямой референдум

а сам Надеждин не рассчитывал стать президентом. То же можно сказать и про Екатерину Дунцову. Про нее тоже нашли, что когда-то, в 2022 году, она в телепередаче на своем ржевском телевидении что-то говорила о героях СВО.

Конечно, с точки зрения Украины и украинцев, с точки зрения цивилизованного мира все эти имитационные процедуры выглядят просто как какой-то парад уродов и дикость. Но если это перевести на язык, понятный россиянам, то они все-таки подписывались за Надеждина не потому, что видели его президентом, а потому, что видели в нем альтернативу и хотели показать власти (хотя бы в такой относительно безопасной форме), что они не согласны. Именно поэтому кампанию Надеждина пришлось свернуть, толком не дав ему

развернуться: оказалось, что это несогласие начинает выходить из-под контроля.

И. Преображенский: Здесь самая большая опасность в том, что те, кто считал Надеждина кандидатом, больше всех работали на легитимацию российского псевдоэлекторального процесса. Кто-то делал это, исходя из своего очень правильного европейского представления: «Если есть выборы и если есть процедура, то, значит, есть и какая-то демократия». Кто-то думал, что надо в очередной раз напомнить, что на территории России существует абсолютно нездоровое общество, в котором ни один кандидат не может озвучить ничего нормального и там, грубо говоря, сплошные «орки».

Это помогало Кремлю легитимизировать выборы и не дать российской оппозиции — важный момент, который здесь не прозвучал! — убедить хоть кого-нибудь на Западе не признавать Путина президентом РФ после марта 2024 года. Моя киевская приятельница сказала: «По моим ощущениям, чтобы этого добиться от европейских политиков, надо как минимум взять у них в заложники детей».

Юлия: Я живу в Барселоне и представляю нежелательную организацию «Свободные россияне Испании». Совместно с Антивоенным комитетом мы продвигаем кампанию по делегитимизации всей электоральной процедуры и пятого мандата президента Путина. Мы работаем с испанскими и с европейскими политиками. У нас есть сомнения по поводу эффективности нашей работы. Как вы думаете, если на европейском и на международном уровне электоральная процедура будет

признана нелегитимной, то будет ли это иметь какие-то практические последствия для окончания войны?

Максим, Беларусь: Насколько уместно говорить о том, что в России сформирован механизм коллективного Путина, в котором от физической оболочки Путина не зависит ни продолжение СВО, ни вражеская риторика по отношению к соседям? И если вы в курсе про Беларусь, можно ли говорить, что существует коллективный Лукашенко? Насколько это персоналистские диктатуры и изменится ли все после их ухода?

Олег, Вильнюс: Мой вопрос похож на вопрос Юлии. Какую роль в легитимизации следующей каденции Путина играет признание результатов выборов со стороны международного сообщества, в частности, западных государств? Я понимаю, что это признание происходит, потому что не признать человека, который буквально сидит на ядерной кнопке, — небезопасно. Но есть ли у западных государств инструмент для того, чтобы показать, что они не признают эти выборы, но сохранить дипломатические отношения? А если он есть, то почему они его не используют?

Даша, журналист (Вильнюс): Вы достаточно скептически относитесь к вопросу участия в грядущих выборах президента в России. Однако меня больше интересует не мнение, а практические вещи. Какие есть риски для эмигрировавших россиян, которые собираются принять участие в выборах президента и посетить посольство Российской Федерации? И чем это может грозить?

И. Преображенский: Отвечаю на вопрос Юлии. Делегитимизация выборов

как процедуры никакого смысла не имеет, потому что ее нет в России. Единственное, что имеет смысл, — это требование непризнания Путина президентом по итогам этих выборов.

Теперь к тому, что говорил Олег Путин — глава мафиозного клана, и он защищает его интересы, в том числе на внешней арене. Если вор в законе не может контактировать с другими ворами, то, соответственно, нужен новый вор для того, чтобы сохранять связь. Полностью закрыть Российскую Федерацию невозможно. Соответственно, для Путина непризнание будет потерей, и у него начнутся потенциальные проблемы — пусть небольшие, но это «маленький камушек», который, может быть, когда-нибудь вызовет какой-то обвал. Они могут, например, заявить, что Путин — не президент. Заявить, что он не является президентом до тех пор, пока не будут отменены результаты выборов на оккупированных территориях, может быть, еще что-то, то есть обставить это какими-то условиями. Путину это было бы более неприятно, чем выданный ордер на его арест. Другой вариант — можно не признавать назначение новых послов. Но при этом не отзываться своих послов и не разрывать дипломатические отношения. Или не давать представителям Российской Федерации, непосредственно назначенным Владимиром Путиным, выступать от лица Российской Федерации. Разрешить выступать, но при этом ни на каких международных мероприятиях не позволять им говорить от лица России. Вот это минимальный набор, который, мне кажется, теоретически осуществим.

Что касается рисков, то я не вижу никаких рисков в связи с посещением

российского консульства. Ни у кого дополнительных сложностей не возникнет. Паспорта изымать не будут. Если кому-то паспорт и испортят, то таким «национальным предателям» типа меня. И то это будут какие-то очень смелые консулы. При этом при выходе с территории консульства или посольства проблем не возникнет, потому что нигде такой охраны нет, и это просто может привести к потенциально опасным последствиям для них самих. Если есть

Единственное, что имеет смысл, – требование непризнания Путина президентом по итогам этих выборов

опасения попасть в какие-то базы, то нас внесут в базы и так. Сейчас законодательство под это специально подготавливается, все должны будут встать на консульский учет, а кто не встанет, у тех начнутся проблемы с продлением документов и так далее. Так что никакого существенного дополнительного риска нет.

И теперь про коллективного Путина и коллективного Лукашенко. Мне кажется, что здесь существует проблема, связанная в том числе с личным представительством Путина. Сейчас это все-таки персоналистский режим. Владимир Путин постоянно оказывается в ситуации, когда его личные интересы в какой-то момент входят в противоречие с интересами системы, которую он строит. Тогда он разрушает эту систему в той части, в которой она ему мешает, и подстраивает ее под себя.

Я уверен, что когда нам специально показали запись с расширенного заседания Совета безопасности РФ

21.02.2022, на котором участники тряслись, когда надо было что-то отвечать Путину, это был не спектакль. Его явно физически боялись. Я полагаю, что коллективного Путина не существует: нет какого-то олигархата, который управляет от имени Путина. Попытки его создать с их стороны, мне кажется, были, например, сразу после так называемого мятежа Евгения Пригожина. Но Путин эту проблему решил и восстановил, что называется, всю полноту власти.

Существует риск в долгосрочной перспективе — в случае исчезновения Лукашенко и Путина. И это проблема времени. Чем дольше будет существовать режим в таком виде, тем больше вероятность, что после ухода, скажем, Путина сформируется коллективный Путин, потому что режим становится все более непроницаемым, взаимоотношения между участниками все более и более личными, неформализованными.

Другой вопрос: почему нас это пугает? Потому что у коллективного Путина будут другие интересы, чем лично у Путина. У коллективного Путина, скорее всего, не будет тех психиатрических заболеваний, которые есть лично у Путина. Но, так или иначе, будут какие-то изменения.

Я с начала войны говорю, что самый большой риск состоит в том, что те 70% россиян, которые не «за войну», не «против войны» и «вообще отстаньте от меня», в какой-то момент скажут: «Да, мы нацисты! Вы нас так достали, что мы такие, и нет у нас никаких моральных границ, которые бы нас остановили». Возможно ли это, я не знаю. Но именно это серьезный риск в этой ситуации, а не коллективный Путин.

С Лукашенко история примерно такая же. Только проблема в том, что за

Лукашенко есть коллективный Путин, который всегда заинтересован в создании коллективного Лукашенко. Поэтому исчезновение самого Лукашенко однозначно ухудшает, а не улучшает ситуацию в Беларуси. У Лукашенко еще есть какая-то система неформальных договоренностей с Путиным и с коллективным Путиным, а у того, кого поставят на его пост после его исчезновения, такой свободы рук не будет.

Г. Чижов: Я согласен с Иваном. Добавлю только про коллективного Путина и Лукашенко. В коллективного Путина мы долго верили. Я даже до сих пор верю, что Путин какое-то время из своей бесконечной каденции был коллективным. Но с течением времени он становился все менее коллективным, и вот 21 февраля 2022 года как раз коллективного Путина не стало. Нападение на Украину было его личным решением. Когда они голосовали за признание независимости ДНР и ЛНР, это было фактически голосование за полномасштабное нападение на Украину — об этом даже проговорился Сергей Нарышкин. И судя по тому, как выглядели эти все-таки сильные люди, привыкшие, что никто им не указ, кроме самого Путина, они действительно в этот момент поняли, что отныне они никто. Это, безусловно, его личная война. Но трагедия в том, что сторонники этой войны есть и среди этих людей. И большинство в нынешней России является сторонниками власти, что бы она ни творила.

Другое дело, что если из этой конфигурации, где коллективного Путина нет, этот самый Путин физически выпадает — умирает, например, в силу естественных причин, — то изменения будут огромные. Но мы не знаем какие, потому что система замкнута и

непредсказуема. В лучшем случае они действительно пойдут очень сильно на попятную или вообще попытаются с сохранением лица и гарантиями личной безопасности уйти из Украины. Но могут быть и совершенно другие решения. Одно несомненно: изменения будут.

С Лукашенко всё хитрее, потому у него еще не отвалился этот его основной инстинкт — в любой ситуации пропетлять и между всеми пролезть. Понятно, что сейчас его возможности ограничены как никогда. С одной

*Существует риск
в долгосрочной перспективе —
в случае исчезновения
Лукашенко и Путина*

стороны, он держится до тех пор, пока существует российский режим. Переключись завтра российский режим на что-то другое — и Лукашенко не станет за два дня. С другой стороны, он понимает, что этот российский режим ему лично тоже угрожает. И вот в таких ужасных условиях он пытается играть в какую-то политику. И рядом с ним как раз есть некая команда, которая помогает ему осуществлять этот маневр. Но, как и любая автократия, нелегитимная белорусская власть тоже уязвима.

Катерина, Украина: Почему вы считаете нашу власть нелегитимной? Вы сказали, что у нашего президента сейчас идет шестой год из пяти, но при этом говорили, что проводится социология и власть постоянно держит руку на пульсе и узнает состояние граждан Украины. И большинство поддерживает эту власть.

Людмила: Как вы считаете, планирует ли Путин установить «русский мир» на территории всей Европы, или он хочет «осчастливить» только Украину?

Г. Чижов: Катерина, тут вы меня, видимо, неправильно поняли: я ни в коем случае не считаю нынешнюю власть нелегитимной. Даже то, что начинается

*21 февраля 2022 года
коллективного Путина не
стало. Нападение на Украину
было его личным решением*

шестой год пятилетнего срока — а это происходит в объективно обусловленной ситуации, — не делает власть нелегитимной. Я сказал, что она может начать терять легитимность, если эта ситуация затянется.

И тогда придется думать, как пройти между этой Сциллой и Харибдой. «Сцилла» — это невозможность проведения выборов в условиях военного положения. А «Харибда» — это невозможность без конца продлевать пятилетний срок (как у Махмуда Аббаса: у него 14-й год первого пятилетнего срока). На сегодня я считаю украинскую власть вполне легитимной.

*Как и любая автократия,
нелегитимная белорусская
власть тоже уязвима*

Что касается Путина и границ «русского мира», то сейчас на российском телевидении говорят в шутку: «Россия не кончается нигде». Но на самом деле он съест столько, сколько ему дадут. Я не думаю, что есть четкий план.

В интервью Такеру Карлсону Путин пытался сказать, что «никому, кроме Украины, он больше не угрожает». Однако все, кто немножко следит за ситуацией, уже прекрасно знают, что верить его словам нельзя. Более того, если он на что-то обращает внимание, то, скорее всего, думает он ровно наоборот. Путин практически всегда врет. Ему сложно сказать правду, он лучше промолчит.

Я не могу ничем подтвердить, но у меня есть инсайдерская информация о планах мягкой и частичной инвазии в Казахстан, если бы Путин достиг больших успехов в 2014 году на Донбассе. Были планы и насчет Беларуси, но там была другая ситуация. Они говорили о том, не разыграть ли карту почти сто процентно русскоязычного населения в Северо-Восточной Эстонии. Но Эстония — это все-таки НАТО, там как-то неудобно.

Там, где отступают международные демократии, туда приходит Путин. Поэтому сейчас в Украине решается судьба если не всего мира, то всей Европы на ближайшие десятилетия.

И. Преображенский: Если заставить Путина объяснить, что такое «русский мир», он точно не сможет этого сделать. Нет никакого представления о «русском мире», кроме того «русского мира», который описывала в свое время Русская православная церковь. И это не имеет никакого отношения к тому значению, что сейчас получило словосочетание «русский мир».

Вацлав Гавел говорил: «Проблема в том, что Россия точно не знает, где начинается и где заканчивается». В 2014 году мои украинские друзья спрашивали меня: «Где вы остановитесь?» И я

отвечал: «Там, где остановят!» Это не имеет тормозов, и это уже не вопрос Путина. Это вопрос самого государственного устройства. Поэтому без переустройства государства эта проблема будет реплицироваться раз за разом.

Можно привести в пример башкирские протесты вокруг экологии, земли и мифологии. Священная для башкир гора стала священной, давайте скажем честно, в последние 30 лет. За этим стоит экологическая проблема. «Где будут жить наши дети, как они будут дышать? И вообще, кто позволил трогать нашу землю?» Перед этим самым мощным был ингушский протест из-за передвижения границы и могил. Российское общество крайне архаично в этом смысле. И Путин — либо плоть от плоти этого общества, либо он его очень хорошо чувствует. Мы все смеемся и говорим: «Зачем ему эта выжженная и уничтоженная земля, где и людей-то нет?» А он понимает, что перед своими условными избирателями он этим куском земли и отчитается.

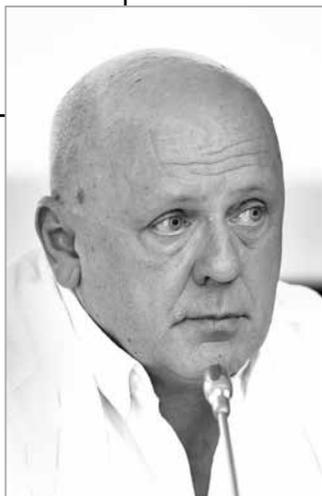
Я думаю, что стык границы Польши с Литвой и Болгария — следующие две точки. В первом случае это позволит сразу полностью обрубить все связи стран Балтии с НАТО. При этом есть определенная легитимность из-за Калининграда, населенного русскими и теперь полностью заблокированного из-за вступления Финляндии и Швеции в НАТО. Можно даже не вводить войска, а просто объявить транзит.

Болгария — это один из крупнейших поставщиков оружия советского

производства на мировом рынке сейчас. «Болгарский слон — младший брат русского слона». Связи между странами до сих пор тесно сохраняются. Страна настолько же коррумпированная, как и Россия. Соответственно, на неформальном уровне эти связи позволяют России «держаться» Болгарию, как в свое время Россия много лет «держала» Украину.

Г. Чижов: Я бы добавил к этим странам Молдову. Там есть определенные сложности с тем, что Молдова не имеет границы с Россией, и пока непонятно, как россияне их решат. В последнее время молдавские спецслужбы выгнали оттуда изрядно агентов. Но Путин рассчитывает, что близкие ему силы выиграют там очередной избирательный цикл и это упростит ему проникновение.

Беларусь, как ни странно, в любой момент может подвергнуться либо аннексии, либо еще какой-то форме агрессии. Если Путину покажется, что для поддержания своего реноме ему надо показать реальные результаты, то можно сыграть эту белорусскую карту. Все время существует искушение получить кого-то более управляемого, чем Лукашенко. Мы помним, как Россия пыталась если не свалить Лукашенко, то хотя бы серьезно ослабить. Мой прогноз — Молдова и Беларусь в первую очередь могут оказаться под ударом. Еще в Грузии неочевидная ситуация, там Путин уже кое-что имеет, но может попытаться воспользоваться моментом, когда Грузия окажется слаба политически.

Руслан Лошаков,
доктор философских наук

Разум имеет онтологические границы*

Мой доклад будет не политологическим, а философским. Я дал бы ему такое провокационное название: *Aufklärung versus Lumière*, то есть «Просвещение против Просвещения». Потому что в центре доклада — статья Канта *Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?* («Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»). В своем докладе я надеюсь показать, что статья Канта содержит не столько декларацию Просвещения, сколько его критику, причем критику именно в кантовском смысле этого слова.

Казалось бы, ответ на вопрос, что такое Просвещение, дан Кантом в этой его статье, где он определяет Просвещение как «совершеннолетие рода человеческого». Я позволю себе процитировать определение: «Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. *Несовершеннолетие* — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — Имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения»**.

Таким образом, несовершеннолетие определяется Кантом отнюдь не как отсутствие рассудка или ума и не как отсутствие такого навыка, который позволяет пользоваться рассудком и который именуется способностью суждения. Никто ведь не станет упрекать ребенка в том, что он не может рассуждать как взрослый. Совсем другое дело — несовершеннолетие по собственной вине, когда взрослый человек

* Выступление на семинаре Школы в Риге 2 июня 2024 г.

** Здесь и далее цит. по: Кант И. Собр. соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29. — Ред.

Николя Ланглуа (Nicolas Langlois). Пале-Рояль. XVII век

оказывается застрявшим в своих инфантильных грезах недорослем. В этом случае речь уже идет не об отсутствии рассудка как такового, а о малодушии как отсутствии решимости пользоваться собственным умом. Вспомним в этой связи такого персонажа комедии Грибоедова «Горе от ума», как Молчалин, который в разговоре с Чацким говорит: «В мои лета не должно сметь // Свое суждение иметь», на что Чацкий воз-

*Леность и трусость –
главные враги человека,
оставляющие его
пожизненным недорослем*

ражает: «Помилуйте, мы с вами не ребята! // Зачем же мнения чужие только святы?»

Однако что же мешает человеку вырасти и войти в совершеннолетие? Кант указывает на двух врагов рода человеческого: «Леность и трусость — вот причины того, что столь

большая часть людей, которые уже давно освободились от чуждого им руководства природы, все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами».

Итак, леность и трусость есть главные враги человека, оставляющие его пожизненным недорослем, которым, однако, он остается по собственной вине, поскольку в нем нет мужества и решимости пользоваться собственным разумом.

Как здесь не вспомнить горькую реплику Пушкина, обращенную к русскому обществу: «Мы ленивы и нелюбопытны...» Девизом Просвещения являются для Канта слова Горация: «*Sapere aude!*» («*Решись быть мудрым!*»), которые Кант переводит на свой родной немецкий язык как «*Have Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!*» («*Имей мужество пользоваться собственным умом!*»).

Именно на эти слова уже не Горация, а Канта — «*Имей мужество пользоваться собственным разумом!*» — я хотел бы обратить ваше внимание, потому что «пользование разумом» представляет собой довольно устойчивый троп, который мы встречаем в «Рассуждении о методе» Рене Декарта, представляющем собой подробную инструкцию по надлежащему использованию разума. Поскольку, как уверен Декарт, люди наделены разумом в равной степени, то различия между ними объясняются лишь неправильным употреблением разума, исправить которое как раз и призвано декартовское учение о методе. Так, в самом начале своего рассуждения Декарт говорит: «...различие наших мнений происходит не от того, что один разумнее других, а только от того, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем не одни и те же вещи. Ибо недостаточно просто иметь хороший ум (*esprit*), но главное — это хорошо применять его»*.

Декарт пишет на французском языке, вводя оборот *usage de la raison*, означающий применение разума, его использование. Правильно

* Цит. по: Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. С. 252. — Ред.

используемый разум, то есть разум, очищенный от предрассудков, становится источником естественного света — *lumière naturelle*. По языку и лексике Декарт остается в значительной мере схоластическим мыслителем, и употребляемый им оборот *usage de la raison* — «пользование разумом» — является переводом на французский язык схоластического оборота *usus rationis*. Говоря об использовании разума, схоластические философы также имели в виду необходимость его культивации. Поэтому нужна *schola* (то есть школа): ибо разум может стать *просвещенным*, только лишь будучи *вышколен*.

Однако здесь полагается принципиальное различие между декартовским *usage de la raison* как методом, следуя которому сам разум становится источником света, и схоластическим *usus rationis*, который также является методом, но в радикально ином, чем у Декарта, смысле. Поскольку греческое слово «μέθοδος» образовано из приставки *μετά* и существительного *ὁδός* (то есть «путь»), то метод включает в себя *метафизическое измерение*. Метод в схоластическом его понимании есть путь разума, ведущий его к такому пределу, за которым разум утрачивает присущую ему доказательную силу, уступая место вере. В отличие от истин разума, истины веры не доказательны, а экзистенциальны. Так, по Канту, истины веры охватывают то, на что я могу надеяться, хотя то, что является предметом моей надежды, никак не может стать предметом моего знания. Однако именно истины веры насыщают разум тем светом, которого разум в схоластическом его понимании сам по себе не имеет. В этом смысле антитезой «Рассуждения о методе» Декарта может служить «Путеводитель души к Богу» Бонавентуры, схоластического мыслителя XIII столетия, который начинается такими словами: «Вначале я взываю к Первоистоку, откуда исходит любое озарение (*a quo cunctae illuminationes descendunt*), к Отцу светов, от Которого нисходит “всякое даяние доброе и всякий дар совершенный”...»

Таким образом, у Бонавентуры разум просвещен только в причастии его истинам веры. Поэтому просвещение в схоластическом его понимании сводится к тезису: *подлинно есть только то, что выходит за границы разума*, тогда как просвещение в новоевропейском, идущем от Декарта понимании можно представить тезисом: *то, что не может быть охвачено разумом, не существует*. Новоевропейский разум полагает бытие как *реальный предикат* того, что он способен мыслить ясно и отчетливо. Здесь именно разум является источником света, которым, однако, он смог стать, только погасив в себе свет истин веры. Это понимание новоевропейским разумом самого себя очень хорошо высказано во второй части трагедии Гете «Фауст» устами Бакалавра, самонадеянно считающего себя мериллом всего сущего:

Иду, восторга полный! Предо мною
Свет впереди, мрак — за моей спиной!

*В отличие от истин
разума, истины веры
не доказательны,
а экзистенциальны*

Но поскольку прошлое остается во мраке, то разум объявляет беспощадную войну прошлому, в котором он видит источник всего неразумного и непросвещенного. В этой борьбе с неразумием разум становится Конвентом, объединяющим в своих руках законодательную и исполнительную власть, поскольку всему неразумному, не обладающему предикатом бытия, уже вынесен приговор, который самим же разумом приводится в исполнение. Таково рациональное оправдание практики террора. Религия неразумна, и, стало быть, нужно упразднить религию. Монархия неразумна, и, стало быть, нужно уничтожить монархию. Крестьянский патриархальный уклад неразумен, и, стало быть, нуж-

Может быть, кантовское Aufklärung на самом деле является критикой французского Lumière?

но его разрушить, выбросить массы крестьян из деревень в города и «переварить» их в котле пролетарской жизни, в которой находит свое выражение совокупный разум истории. Прошлое должно исчезнуть, чтобы как можно ярче воссияла заря будущего. В этой связи уместно привести одно место из работы молодого 26-летнего Карла Маркса «К критике гегелевской философии права», в которой Маркс призывает сменить оружие критики на критику оружием: «Война немецким порядкам! Непременна война! Эти порядки находятся ниже уровня истории, они ниже всякой критики, но они остаются объектом критики, подобно тому как преступник, находящийся ниже уровня человечности, остается объектом палача».

Однако вернемся к статье Канта «Что такое Просвещение?», в которой он определяет Просвещение как совершеннолетие рода человеческого. Веком Просвещения именуют XVIII век, отмеченный созвездием таких блестящих умов, как Вольтер, Дидро, Даламбер, отчасти Руссо. В Германии это сам Кант, Лессинг, Николаи, Мендельсон, Гердер. В России Просвещение было представлено именами Новикова и Радищева, причем Новиков был отправлен в Петропавловскую крепость, а Радищев был сослан в Илимский острог. Но не вводит ли нас в заблуждение сам термин «Просвещение» тем, что объединяет весьма различные философские позиции? Не обстоит ли дело так, что Кант говорит о каком-то другом Просвещении, а совсем не о том, о котором идет речь у французских просветителей, объединившихся вокруг «Энциклопедии», этого поистине просветительского проекта? Может быть, кантовское Aufklärung на самом деле является критикой французского Lumière?

Исследование этого вопроса возможно лишь в том случае, если мы берем понимание Кантом Просвещения как совершеннолетия рода человеческого в контексте главных задач всей философии Канта. Прежде всего заметим, что в главном своем произведении «Критика чистого разума» Кант вводит в структуру классического, новоевропейского разума то, что можно было бы назвать *поправочным онтологическим коэффициентом*, а именно — «вещь саму по себе», *Ding an sich*, которая

есть не что иное, как онтологическое различие мышления и бытия. Тем самым бытие выводится из-под власти объективирующего мышления и уже не может быть реальным предикатом. Классическому разуму положен онтологический предел, о чем Кант говорит уже во введении к «Критике чистого разума»: «Я не могу... даже *допустить* существование Бога, свободы и бессмертия для целей необходимого практического применения разума, если не *отниму* у спекулятивного разума также его притязаний на трансцендентные знания, так как, добываясь этих знаний, разум должен пользоваться такими основоположениями, которые, будучи в действительности приложимы только к предметам возможного опыта, все же применяются к тому, что не может быть предметом опыта, и в таком случае... превращают это в явления... Поэтому мне пришлось ограничить (*aufheben*) знание, чтобы освободить место *вере*».

Здесь Кант говорит, что вопросы о бытии Бога, свободы и бессмертия не могут быть нами даже допущены, покуда не положен предел всемогуществу теоретического разума. «Вещь сама по себе» и есть такой предел. Только в этом контексте мы можем понять, какой смысл Кант вкладывал в слово «Просвещение», определяя его как возраст совершеннолетия. Мы очень легко понимаем несовершеннолетие как неспособность пользоваться своим разумом, вследствие чего несовершеннолетний нуждается в воспитании, опеке и наставничестве. Соответственно, мы понимаем совершеннолетие как вступление в обладание своим разумом, когда мы не нуждаемся уже в руководстве со стороны другого. Взрослый человек является хозяином своего разума и автором своих поступков. Однако нет ли здесь более глубокого смысла, который обнаруживается, как только мы задаемся вопросом о той культуре разума, которая отличает взрослого, духовно зрелого человека от застрявшего в своих инфантильных грезах недоросля? Что вообще значит «пользоваться своим разумом»?

Расширим рамки этого вопроса и спросим: а что вообще отличает взрослого человека от ребенка, подростка или от инфантильного переростка? Во-первых, взрослый человек понимает, что он находится в окружении изначально данных обстоятельств, которые не им выбраны и не им созданы. Во-вторых, взрослый человек понимает пределы своих возможностей — как в признании им ограниченности диапазона своей жизни, так и в понимании того, что есть вещи, о которых предпочтительнее молчать, нежели говорить. Существует масса бессмысленных разговоров, и, напротив, встречается молчание, наполненное глубоким смыслом. Таким образом, совершеннолетие как вступление в

Кант говорит, что вопросы о бытии Бога, свободы и бессмертия не могут быть нами допущены, покуда не положен предел всемогуществу теоретического разума

Что вообще значит «пользоваться своим разумом»?

право пользоваться своим разумом включает в себя ясное понимание его границ. Мы отчетливо видим здесь, что Кант рассуждает о *другом* Просвещении — совсем не о том, о котором рассуждал весь просвещенный XVIII век. Так, для французских просветителей Просвещение есть разум, ставший суверенным. Но для Канта Просвещение есть разум, осознавший границы своей суверенности. Разум, сознающий границы

Разум, сознающий границы своей суверенности, есть разум, вступивший в свое совершеннолетие

своей суверенности, есть разум, вступивший в свое совершеннолетие.

В самом деле, ребенок отличается от взрослого человека тем, что он еще не понимает своих границ; наталкиваясь на них, он реагирует капризами, плачем, гневом. Закрепляясь, эта манера действий приводит в дальнейшем

к формированию такого образа мира, в центре которого стоит мое суверенное «Я», с которым мир должен сообразовываться, притязания которого он должен удовлетворять, принимая их как нечто само собой разумеющееся. Получается, что мир должен уважать мой суверенитет, не нарушая его границ, очерченных красными линиями, но лишь от меня зависит, где эти красные линии будут проведены: да где угодно! где захочу! И поэтому, как сказал один известный всем нам политический деятель Российской Федерации, «границы России нигде не заканчиваются». Это всецело инфантильная установка по отношению к миру, которую выдающийся психоаналитик XX века Карен Хорни определила как «привлекательность господства». Когда такой человек или группа лиц сталкиваются с противодействием мира, не считающего себя обязанным потакать их инфантильным притязаниям на господство, то

«Век самодовольных недорослей» — это время специалистов в своих областях, невежественных во всем, что выходит за рамки их специализации

реакцией на это обычно является переживание глубочайшего оскорбления, порождающее жажду мести за понесенный ими психологический ущерб. Люди такого психотипа живут в постоянном ощущении, что их оскорбили, а оскорбляются они всякий раз, когда чувствуют себя ущемленными в своем желании господства. Так, на недавние

слова президента США Байдена, назвавшего Путина «жестоким тираном», мгновенноотреагировал посол России в США г-н Антонов: «Джо Байден оскорбляет весь российский народ».

Поскольку просветители XVIII века видели источник зла в невежестве, то издание «Энциклопедии» как раз и было задумано ими с целью сделать знания доступными для как можно большего количества людей. Однако энциклопедистам XVIII века не могла прийти в голову мысль, что появится тип человека, хорошо информированного и вместе с тем всесторонне невежественного, что наступит время, которое Ортега-и-Гассет определит как «век самодовольных недорослей»: это

время специалистов в своих областях, невежественных во всем, что выходит за рамки их специализации, но преисполненных самонадеянной решимости прилагать ограниченный масштаб своих знаний к вопросам, понимание которых предполагает наличие опыта совсем иного, куда более высокого уровня, при этом несокрушимо уверенных в том, что только наука может дать ответы на все вопросы, стоящие перед человечеством. В этой связи я хотел бы обратиться к идее «центрального порядка», которую развивал великий физик XX века Вернер Гейзенберг — один из творцов квантовой механики. Суть этой идеи для Гейзенберга заключается в том, что наука есть лишь одна из проекций порядка, центр которого образуют Единое, Истинное и Благое (Unum, Verum и Bonum), притом что центр этого порядка, будучи единым светочем, остается трансцендентным для научного познания. Автономизация науки, полагание ею себя как наивысшего канона истины приводит к ее сепарации от этого центрального порядка, следствием которой является *помраченный мир*. Поэтому Гейзенберг пишет: «В помраченном мире, который уже не освещается этим центральным светочем, “Unum, Bonum, Verum”, технические успехи... едва ли могут быть чем-либо, кроме отчаянных попыток сделать ад более удобным местом жительства».

Вместе с тем Unum, Verum, Bonum относятся к онтологическому уровню, принадлежность к которому Кант и обозначает при помощи оборота *Ding an sich* — «вещь сама по себе». Средневековые философы определяли Единое, Истинное и Благое как *трансценденталии*, отражающие нечто такое, что выходит за границы категориальной структуры нашего языка. Платон именовал это «идеями», подчеркивая, что *мы видим все сущее в свете идей*. Идея для Платона — это вид, но не в значении логического предиката, а в том изначальном смысле, что именно идея позволяет нам вообще что-либо *видеть*. Видеть — значит *быть в идее*. Так, мы способны видеть проявления добра в нашем мире, отличая доброе от злого, но только потому, что мы изначально пребываем в *идее добра*. Однако хотя мы и можем до известной степени ориентироваться в своей жизни, отличая добрые поступки от поступков гнусных, но мы не можем знать, что есть *добро само по себе*. Претензия на знание добра есть такое искушение, которым Мефистофель в трагедии Гете «Фауст» как раз и соблазняет Ученика — будущего Бакалавра, когда пишет ему в альбом: «Будете, как Бог, знать добро и зло».

Мы не знаем, *что есть добро*, но способны видеть доброе *в свете идеи добра*; мы не знаем, *что есть истина*, но способны отделять истину от лжи, поскольку мы пребываем *в свете идеи истины*. Претендовать на знание добра или истины — значит вводить эти идеи в категориальные матрицы нашего языка, вследствие чего идея мутирует в *понятие*. Помраченным является такой мир, когда мы живем уже *по понятиям*, а

*Помраченным
является такой мир,
когда мы живем уже
«по понятиям»,
а не в свете идей*

не в свете идей. Идея блага, низведенная до понятия, становится целью, для достижения которой теоретический разум предлагает прагматику различных средств. Именно этими благими намерениями и вымощена дорога в ад, ибо идея, ставшая понятием, уже не излучает никакого света. Но если видеть — значит быть в идее, то отсутствие идеи есть греческий *Аид* — подземное царство мертвых, тьма крошечная, куда не проникает свет. Поэтому Гейзенберг в согласии с Кантом говорит о помраченном мире, в котором все достижения науки являются лишь попытками сделать ад более или менее удобным местом нашего пребывания.

Дискуссия: вопросы и ответы

Марина Солнцева: Я занимаюсь политической теорией в Свободном университете Берлина. Как мы можем из сегодняшнего дня рассматривать кантовскую идею Просвещения критически? Она определенно не является инклюзивной и точно легла в основу европейского права. Как я поняла, ваш доклад сравнивает французскую перспективу с немецкой перспективой, но все-таки мы остаемся в рамках европейского права. Мне бы хотелось предложить какую-то конституционализацию — более современную, может быть. Есть книга *The Racial Contract* замечательного философа с Ямайки Чарльза Миллса, который критикует Канта. Он в целом критикует идеи европейских просветителей, таких как Кант, Жан-Жак Руссо, Джон Локк. Эти идеи легли в основу европейского права, потому что они создали какую-то рамку, но эта рамка не была инклюзивной. Она не включала, например, женщин или *black people*. И Чарльз Миллс пишет, что вместо понятия «Justice» получилось понятие «Just us» — очень ограниченное понятие права, европейского тоже. И что понятие «Просвещение» со временем стало основой колониальных процессов: какие-то общества развитые, а какие-то недостаточно развитые.

Мой вопрос: можем ли мы сегодня контекстуализировать Канта и предлагать к понятию Просвещения какую-то дополнительную оптику, чтобы оно оставалось актуальным?

Р. Лошаков: Я отвечу так: нельзя Канта критиковать за то, что он жил в XVIII веке. Нельзя прилагать к Канту те требования, которые вызваны именно нашей сегодняшней ситуацией. Это первое.

Во-вторых, кантовское понятие права как раз и вытекает из критического анализа Просвещения в понимании французских просветителей. Почему? У Канта есть очень емкое выражение — термин, в котором сосредоточена вся кантовская мысль, — *Faktum der Vernunft* (факт разума). То есть разум фактичен. Но что значит «разум фактичен»? Разум — это свобода. Свобода безосновна, ее нельзя ниоткуда вывести. Также и разум нельзя ниоткуда вывести. Поэтому получается, что разум как форма, в которой мы объясняем некую совокупность явлений мира, сам из этой совокупности не выводится.

Я говорю это к тому, что поскольку разум есть свобода, то политической реализацией этой свободы является право. Кант именно в своем учении о праве развивает эту идею разума как свободы, потому что право — это самоограничение свободы, которое необходимо в том случае, если моя свобода имеет дело со свободой другого. Я бы так ответил.

Инна Березкина: Я добавлю, что было много любопытных текстов, которые появились в связи с празднованием трехсотлетия Канта. Один из них был в *Financial Times* — как раз о том, как вел бы себя Кант и где бы он оказался в этот день. Поехал бы, например, в Калининград на празднование, организованное Российской Федерацией?

Михаил Минаков: Вопрос, который продолжает, в общем-то, логику предыдущего. Если с начала Просвещения мы заявляем, что ищем универсальную позицию — позицию, которая одинаково важна и ценна для всех — не только для всех рас, гендеров, но вообще для населения (это уже в XVIII веке обсуждалось) планеты Земля, то есть для Vernunftwesen, для любого существа, обладающего разумом, — то у нас есть набор предписаний, правил. Но в таком случае может ли быть Просвещение прусское или немецкое и Просвещение французское, можем ли мы поделить Просвещение на Lumière и Aufklärung?

*Разум есть свобода,
и политической
реализацией этой
свободы является
право*

Р. Лошаков: Я думаю, что все-таки это одно Просвещение, это один феномен. Но Кант вводит поправку, и, как я пытался показать, он ограничивает разум, то есть он полагает онтологические границы разума. Да, разум универсален в своей области. Но, тем не менее, он имеет онтологические границы. Экстенсивно расширяясь, охватывая все более и более широкий круг явлений, он в то же время остается онтологически ограниченным. Он не может охватить то, что Кант именуется «вещами самими по себе», как некие объекты, потому что в этом случае попадает в собственные ловушки паралогизмов и антиномий.

Юля, адвокат: Все-таки Кант развивает немецкую протестантскую версию Просвещения. Скорее, это ближе к идеологии Руссо.

Кант утверждает, что человек находится в непросвещенном состоянии по собственной вине. Мой вопрос: не слишком ли много Кант требует от человека, когда утверждает, что самостоятельное, без опеки извне, решение вопроса веры могут принять только сильные люди, при том что мы все в основном слабые?

Р. Лошаков: Когда Кант говорит о вере как о некоей границе разума, то он не имеет в виду церковные инстанции. Напомню еще одну, уже более позднюю работу Канта — «Религия в пределах только разума». Казалось бы, здесь Кант входит в противоречие с собой, он полагает веру границей разума. Но на самом деле получается следующее: разум объемлет

веру, которая становится сердцем разума, и только это не позволяет разуму вырождаться в холодную рассудочность, в технологизм (и даже добавлю: в искусственный интеллект).

Да, мы помним столкновение Канта с официальной ортодоксией, когда Фридрих II запретил Канту высказываться по вопросам веры. Кант написал тогда работу «Спор факультетов», где, оставаясь лояль-

*Разум объемлет веру,
которая становится
сердцем разума, и только
это не позволяет разуму
выродиться в технологизм*

ным гражданином, он говорил о праве разума ставить вопросы, не претендуя на их разрешение.

Эрик, Стокгольм: Я не очень согласен с какими-то имманентными свойствами разума, потому что, если синтезировать те знания, которые у нас есть не только из философии,

но и, например, из нейробиологии, становится очевидным, что разум — это не только какая-то бинарная категория, но и какой-то континуум, и, соответственно, есть какие-то биологические виды, у которых тоже есть consciousness, и это проблематично, потому что тогда появляется вопрос: есть ли моральная ответственность у дельфинов? На эти вопросы мы вряд ли сможем ответить. Соответственно, я не буду спрашивать про Канта, потому что совершенно в нем не разбираюсь. Я хотел вернуться к тому, чтобы подумать над вопросом о «мужестве мыслить», мне очень нравится эта идея. Но из философов мне больше нравится — потому что я больше знаю современную французскую школу — философ Лиотар и его теория метанарративов. И один из метанарративов — это Просвещение.

Так вот, это «мужество мыслить»... Как быть мужественным с учетом того, что большая идея работает на протяжении длительного времени, а потом все переворачивается, происходит революция идей, появляется новая идея, массы людей увлекаются ею и так далее?

Может быть, мы можем найти какое-то универсальное мужество?

Р. Лошаков: Можно я не буду углубляться в нарративы и в Лиотара, потому что мы туда уйдем и уже не вернемся?

Я хочу остановиться именно на понятии мужества. И Кант, и Гораций говорят: «Решись, имей мужество пользоваться разумом!» Главное здесь — это именно «решись!». Решение — это и есть акт свободы, той свободы разума, о которой говорит Кант. То есть нужно решиться войти в совершеннолетие, в пользование своим разумом. Потому что, как мы знаем, свойством обществ, в которых господствует диктатура, является глупость. На явление добровольной глупости в тоталитарном обществе обращала внимание Ханна Арендт: глупость есть способ выживания в таком обществе, стать незаметными, не выделяться. Так вот, всегда вступление в пользование своим разумом есть акт решимости,

SINAO. Автостопщик. 2023

акт мужества, и здесь уже невозможны никакие контексты: здесь нет контекста, здесь все сводится к нулевой точке, к точке «Я есть», «Я мыслю» — все! Никакая герменевтика здесь уже невозможна.

Поэтому, кстати, Михаил Бахтин не случайно говорил об отсутствии алиби в бытии для всякого этического поступка. Когда нет алиби, когда я не могу ни на что сослаться, есть лишь моя собственная решимость, которая не имеет оснований. Решимость — это основание самой себя.

Савелий, Киев, Берлин: Вы говорили про право, мужество, решимость, границы, идеи, и это все относится к взрослой личности. Есть много исследований, которые свидетельствуют о том, что средний возраст людей еще как бы подростковый, в среднем люди инфантильные и считают, что должен кто-то прийти, наладить их жизнь, спасти и так далее. Я правильно понимаю, что, по вашей мысли, надо начинать с себя, взрослеть, брать на себя ответственность и что только в таком обществе у нас возможно какое-то светлое будущее?

Р. Лошаков: Насчет светлого будущего я ничего не знаю, но в самом деле вырисовывается такой парадокс. Ведь Просвещение — это еще и проект сделать знания доступными. Он реализовался, знания стали доступными: пожалуйста, интернет. Но обратной стороной этого стала инфантилизация. Не нужно уже прилагать усилий, все за тебя решает машина, все сказано в «Википедии».

Поэтому, конечно же, необходимо именно себя полагать как начало. Человек начинается в акте решимости быть человеком, он не вытекает из каких-то натуральных оснований или из социальных обстоятельств.

*Человек начинается
в акте решимости
быть человеком*

Да, конечно же, только тогда, когда я мыслю и в своей мысли беру ответственность за то, что я мыслю, вот тогда, именно с этого и начинается человек. И без всяких ссылок, без какого бы то ни было алиби: «Я думаю так, потому что...» Не может быть никакого «потому что».

Михаил Савва, Центр гражданских свобод (Украина): У меня вопрос, он же предложение, основанный на том, что я рассматриваю философию, безусловно, как прикладную науку. Руслан говорил в лекции о такой кантовской характеристике разума, как осознание своих границ. Психиатрия уверенно говорит нам, что отсутствие представлений о границах возможного — это характеристика психопатии, то есть Российской Федерацией управляет группа психопатов. Это научный факт. При этом я подчеркну, что психопаты с точки зрения судебной медицины являются нормальными, их можно судить и отправлять за решетку.

Вопрос у меня такой. Когда речь идет о личности, о конкретной персоне, то все просто: нет понятия о границах — ты психопат. Но как быть, когда речь идет о большой политической общности, например, о многонациональном народе Российской Федерации? Я имею в виду: возможно ли прикладное исследование, основанное на кантовских принципах сегодня (по поводу коллективного наличия или отсутствия представления о границах возможного), применительно к современной России?

Р. Лошаков: Философия — это знание практическое, но я не думаю, что это прикладное знание, то есть его нельзя приложить к какой-то конкретной ситуации. Что касается сказанного вами — да, я согласен. Имеет место некая психопатия. Что такое «имперскость», когда говорится об

имперском сознании? Это раздутое эго, а во фрейдистских понятиях — супер-эго. Но для этого супер-эго уже нет границ. В этом плане здесь не философия является прикладным знанием, а именно психотерапия, в частности психоанализ. Я думаю, что в будущем предстоит огромная работа по терапии целой страны, выводу ее из того невротического состояния, в котором она сейчас находится.

Захар: Я продолжу предыдущие рефлексии. Я спрошу про разум как зло. Что такое «злой разум»? То есть мужество можно проявить и пользуясь разумом, но где эти границы, когда... Понятно, что если это инфантильность народа, то им можно управлять, но... Разум укореняется в сердце, в вере, а вы сказали, что отсутствие этого есть рациональность, искусственный интеллект... А на примере Путина: он пользуется разумом? Это что — мужество пользоваться разумом или просто клинический случай? Что такое «злой разум»? Это как бы такой вопрос Фауста.

Р. Лошаков: Кант нам говорит, что разум укоренен в экзистенции человека, то есть в факте его собственного бытия. Сам этот факт никакому рациональному объяснению не подлежит, это корень самого разума. Так вот, зло разума — это разум, лишившийся этого корня, ставший бесчеловечным, развивающийся уже по каким-то своим собственным законам, не имея представления о своих границах. Опять-таки разум должен всегда сознавать, что его границей, как и его источником, является сам человек. Нет понимания этой границы — значит, разум становится бесчеловечным, обращается против человека.

Валерий: У меня вопрос относительно несовершеннолетия разума. Российское общество имеет несовершеннолетний разум? Если да, то вы сказали, что в таком случае этому разуму требуется опека. Опека может осуществляться только совершеннолетним разумом? И в таком случае является ли Путин совершеннолетним разумом? Просто вы его обвиняли в инфантильности, и я пытаюсь понять логику.

Р. Лошаков: Я не считаю господина Путина совершеннолетним человеком. Не зря же для него такое большое значение имеют его детские травмы и воспоминания. Он все время возвращается к мысли об этих своих ранних годах в Басковом переулке Петербурга, откуда берут начало его психологические травмы. Все это для него до сих пор не изжито, он застрял в подростковых комплексах. Именно поэтому все, что он делает, есть компенсация за раны его детства. Это такое невротическое возведение себя в общемировую величину. Я упомянул Карен Хорни, немецкого и американского психоаналитика. Хорни очень хорошо разбирает все эти вещи как следствие базального конфликта, идущего из детства.

Валерий: ...А опекуном этого несовершеннолетнего разума может быть другой несовершеннолетний разум?

Р. Лошаков: Нет, опекуном в этом случае может быть только Международный суд в Гааге.

Виктория Матисон,
художница

Размышления о книге Марии Макеевой «Медвежьи уши. Янтарный человек»

Хочу поздравить читателя с тем, что на карте русской беллетристики появилась Латвия. Дмитрий Быков в своих лекциях о Габриэле Гарсиа Маркесе сказал, что настоящие писатели, как первопроходцы, открывают новые культурные пространства. Книга Марии Макеевой «Медвежьи уши. Янтарный человек», жанр которой она определила как «роман в сновидениях» (я бы назвала его «роман-видение» или даже «роман-видение»), на мой взгляд, первое произведение русской литературы, в которой Латвия выступает как личность, а латыши — как народ действительно интересный и сложный. Латвия и Рига для русской литературы перевалочный пункт, красивые места для встречи со своими: здесь жила Елена Нюрнберг, прототип булгаковской Маргариты; про эти места хамски написал Маяковский*; здесь есть море и хорошие кафе. Макеева же создала текст из независимой точки, наблюдая вещи такими, какие они есть, отмечая их уникальность.

Книга на удивление небольшая. Действие происходит в современных реалиях и одновременно в мифологическом пространстве, где, казалось бы, закономерности совсем другие; и читатель не в силах сопротивляться и вовлекается с головой, как в детектив. При этом «концептом», когда автор заведомо ведет читателя к какой-либо мысли или картине, и не пахнет, причем с первых же строк. Мир романа разворачивается на огромных географических просторах, читателя буквально уносит к истокам общей балто-славянской реки, и становится виден характер этих истоков.

* <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms4/ms4-032-.htm?cmd=p>

Современность и своевременность

Повествование Макеевой погружает читателя в атмосферу начала войны РФ с Украиной, хотя книга была задумана и написана намного раньше.

Главный герой — мужчина, покинувший все, человек не проклинающий, не ожесточенный, человек в растерянности, вопрошающий, еще не сформулировавший свои желания и ждущий встречи с самим собой. Такова же и встреченная им героиня.

Метафора Балтийского моря не только раскрывает характер происходящих событий, но и кинематографически строит пространство книги. В тексте нет шаблонных сравнений, нет описаний, употребляемых в качестве встроенного авторского нарратива, нет оценочных суждений. Эта книга открытых вопросов и скрытых ответов. Она дает свободу понять и не понять.

Осознанным стилистическим юмором мерцают знакомые современнику повседневные репортажи с места событий, переданные с журналистской точностью. Например:

«И вдруг через шуршание, как продолжение одной из новостей, произнесенных бесстрастным женским голосом, хриплый и, похоже, все-таки мужской голос с каким-то нетипичным для информационных выпусков удивлением сказал:

— Сегодня у контрольно-пропускного пункта Терехово скопилась большая очередь из фур и легковых машин, желающих покинуть территорию Латвии. Их сотни. Въехать на территорию Российской Федерации им не удастся. Причины не вполне ясны. Латвийская погранслужба распространила заявление, согласно которому приостанавливается пропуск автомобилей через границу, поскольку с российской стороны образовалось внушительное темное облако неясного происхождения. Запаха гари нет. Со стороны России автомобили на территорию Латвии не следуют, вербальный и визуальный контакт с российской стороной отсутствует.

Он зафиксировал эту частоту и пожалел, что нет компьютера. В твиттере наверняка уже часа два как пишут про это облако, есть всякие официальные заявления, да и просто в Яндексe в новостях может быть».

Удивительно точно автор передает характерные черты общения латышей и через их призму рисует настроение момента:

«— Это недалеко, ты можешь ходить на море хоть каждый день и по лесу, только в деревню не ходи. Мы пройдем через нее сейчас, потому что так

М. Макеева. Медвежьи уши. Янтарный человек. Рига: Jūra & Laiki, 2024. 128 с.

нужно. Им просто надо на тебя посмотреть. А потом ты лучше обходи ее. Впрочем, людей ты там в следующий раз уже не встретишь... <...>

Лес редел, они шли через зеленое по-весеннему поле, за которым виднелись дома. Обычные латвийские дома — не новодел, а старенькие, ухоженные, с красивыми почтовыми ящиками, которые можно было бы и сменить на новые, но на новые не было денег. В каждом дворе, у каждой калитки стояли люди. Это было очень необычно. В местных деревнях, как он понял из ежедневных разъездов, вообще не очень принято слоняться без дела или сидеть на завалинке, как у нас. А тут по латвийским меркам целая толпа. И все эти люди смотрели не на здоровенную Чайку, которая деловито шла перед человеком (хотя могла бы уже и лететь), а смотрели именно на него».

Человеку из России, чтобы составить понятие о некоторых чертах латышского характера, стоит задуматься о распространенности в Латвии *viensēta* — это слово на русский переводят как «хутор». Буквально это можно перевести как «одnodвор», хотя даже русское «двор» имеет много значений и ни одно из них не передает полностью того смысла, который несет слово «*sēta*» в латышском понимании. *Viensēta* — это «остров» среди полей или у моря, дом под старыми деревьями, где есть все, чем можно заниматься круглый год: свой амбар, скотный двор, ма-

Понимание границ и дистанций — свойство латышской культуры

стерская, огород, сад и поле вокруг, — это семейное гнездо, рабочее царство семьи. Дорога от такого дома идет к главной дороге, и редко эти «острова» имеют пути друг к другу. Они размещены так, чтобы как можно меньше видеть

соседа. Русскому читателю может прийти на ум мысль о безопасности подобного существования. Упоминание о таких хозяйствах на территории Латвии появляется в хрониках XIII века, и ни революция, ни 50 лет советской власти не смогли уничтожить эту традицию. Понимание границ и дистанций — свойство латышской культуры. В Латвии даже в городе можно днями передвигаться вне дома, не произнеся ни слова.

Непереводимо на русский язык и понятие *lauki*. *Lauki* — это не пригород, но и не деревня. Это поля, но именно те поля, где растут те самые острова-хозяйства *однодворцев*.

Какова картина мира горожанина, который все лето проводит на таком острове, у которого множество знакомых родственных островов по всему *pagasts*? *Pagasts* — это и волость, и приход, и кладбище, где в установленные с языческих времен дни зажигают свечи. Если вы никогда не видели лица современного латыша, обнаружившего, что он забыл о неделях предков (*Veļu laiks*), вы не поймете, какая связь со «своими», своей семьей заложена в латышской бытовой культуре.

В прозе Марии Макеевой все эти оттенки общения людей переданы с многомерностью и насыщенностью, свойственными поэзии. Не случайно эпиграфом для некоторых глав книги Мария Макеева взяла латышские дайны.

Когда русский читатель знакомится с латышскими дайнами в переводе, он видит перед собой какие-то незатейливые песенки с невероятным количеством диминутивов. Кто-то поймет их как частушки, кто-то вообще не поймет, о чем они. Ибо смыслов у дайн много: это зашифрованная карта звездного неба, это этические и эстетические заповеди потомкам, это рецепты и сезонные аграрные советы, это юмор на тему родственных отношений, это заговоры, утешения и заклинания. Мария Макеева не претендует на толкование дайн, но как поэт, вдохновившись открывшейся ей изнутри картиной, интерпретирует дух этих стихов и вводит в сюжет романа-видения. Видения писателя, который смог полюбить иное.

*Мария Макеева
не претендует на толкование
дайн, но интерпретирует дух
этих стихов и вводит
в сюжет романа*

О литературе неакадемически

Как художник и поэт, то есть человек, извлекающий смыслы из сотворенного, которое мы называем природой — природой видимой и невидимой, я не вправе анализировать творимое человеком, ведь в культуре создано много методов анализа, о которых человек без специального образования может не знать. Следовательно, я лишь постараюсь сформулировать свои личные открытия.

Последние лет десять я постоянно слышу от разных интеллектуалов, что они не читают ныне живущих авторов, пишущих на русском языке. Я не исключение, долгие годы мне тоже что-то не позволяло выходить из поля англоязычной литературы. А ведь писатель-современник в счастливом случае — друг.

Много лет я работаю как книжный дизайнер, и через мои руки проходит много разных текстов, в том числе и новых. Для создания дизайна книги я должна вникнуть в характер текста, его структуру и особенности — от этого зависит вся концепция оформления.

Получив текст «Медвежьих ушей», я с первых строк почувствовала: это что-то живое в русском литературном пространстве, есть нечто свежее во взгляде, точке зрения автора. Примечательным оказалось и то, что, читая текст, я не знала ни имени автора, ни его достижений и наград и только удивлялась, откуда взялось такое чудо.

О своей позиции

Я редко смотрю фильмы, сериалы для меня неподъемны, поскольку они требуют много пассивного присутствия. Так же трудно мне читать книги, потому что этот процесс требует физической неподвижности. Открытием собственных свойств для меня был эпос о Сунь Укуне — царе обезьян. Учитель в пещерах ругает Сунь Укуна за то, что тот не может усидеть на месте: «— Сунь Укун! — обратился к нему патриарх.

— Почему ты все время вертишься, вместо того чтобы слушать проповедь?» И вот тут царь обезьян произносит ключевую фразу: «Именно потому я и верчусь, что слушаю вас с огромным вниманием и не могу сдержать своего восторга. Умоляю простить меня!»*

Восприятие смысла со слуха является первичным для человека — это факт, но у защитников аудиокниг я пока такого аргумента не встречала. Отдавая предпочтение письменной речи, мы этот навык теряем. Вся наша культура рождена от звука и мелодии. Проза, как и поэзия, не только смыслы и рифмы, не игра словами — это единомоментный процесс целостного проживания присутствия. В произнесении звука есть физическое дыхание, пауза. Точки и запятые суть комментарии к смыслам. Часто зрителям-читателям поэзии не хватает информации, и они требуют еще музыки, актерского «выражения». Но гораздо больше тех людей, которые вообще не умеют воспринимать смысл со слуха, которым надо бежать по тексту глазами, как по инструкции по сборке механизма. Они боятся что-то пропустить, понять не так, как было задумано автором, хотя, быть может, автор в момент написания данной строки и сам не знал, куда она ведет, и уже после, добравшись до финала, оставил этот неясный, блуждающий след, чтобы читатель пережил то же состояние. Такие фрагменты текста могут иметь множественные смыслы, свидетельствуя о поиске пути сюжета.

*Мысль не линейная вещь.
Мысль многомерна —
это зонтик, парашют
одуванчика, фейерверк*

Слишком подвижных людей мы называем гиперактивными. Тело должно знать покой для точного восприятия информации. Ученики должны уметь концентрироваться, полностью отдаваясь потоку информации, льющемуся на них. Но соответствует ли это в принципе естественному, природному условию восприятия?

Когда человек идет по лесу, собирая грибы, он видит не только грибы — он видит и контролирует множество событий одновременно. И это природное свойство цельного человека — здорового существа. Мысль не линейная вещь, как полагают приверженцы печатных текстов. Мысль многомерна — это зонтик, парашют одуванчика, фейерверк. Только несколько дорожек, рожденных целостной мыслью, мы можем зарегистрировать, да и то линейно, логически последовательно, во времени. А мысль — мгновенна и одновременна.

После пяти лет слушания аудиокниг я стала слышать людей и письменные тексты — и только после этого опыта могу зафиксировать, что такое интонация в письменном тексте. Интонация встроена в текст самой позицией автора. Она проявляется в оттенках речи, эпитетах и сравнениях, в длине предложения и дыхании пауз. Подробный анализ этого эффекта потребовал бы создания целой азбуки, подобной музыкальной грамоте.

* Перевод А. Рогачева.

Илона Гонсовская. Мыс Колка. 1999

Чем менее осознан автор, тем шаблоннее его интонация, это та самая невидимая клетка-тюрьма сознания. Как увидеть себя со стороны? Как понять, что ты бегаешь по замкнутой траектории, что чередование эмоций воспринимаешь как нечто новое и это дает тебе ложное ощущение жизни?

Интонация текста Марии Макеевой нейтральна. Читатель наблюдает события, ведóмый взглядом документалиста, полностью доверяющего свой материал зрителю. Бесстрашный и беспристрастный взгляд, ровное дыхание трезвости. Но вихри сюжета, сама суть происходящего таковы, что читателю не остановиться.

Текст озадачивает, вызывает желание спросить, сверить понимание — и тем же самым дарит чувство реальности, достоинства и ценности жизни.

Это взрослый/зрелый текст о том, как можно делать общее дело, оставаясь самим собой, без забвения себя. О том, как дистанция дает возможность быть внимательным и видеть. Об одиночестве, которое есть факт существования. Об умении отпускать и понимании, что ты ничего не можешь потерять, ибо ничем не владеешь.

КОНЕЦ РЕЖИМАКак закончились
три европейские диктатуры**АЛЕКСАНДР БАУНОВ**

Александр Баунов. Конец режима: Как закончились три европейские диктатуры. М.: Альпина Паблшер, 2023. 534 с.

Диктатуры и люди

*А дальше — больше, дальше смерть.
А перед тем — преклонный возраст.*

Дмитрий Пригов, российский поэт

Диктатуры — они как люди: рождаются, взро-
слеют, ветшают, а потом умирают. И, слава богу,
ни одного исключения из этого правила история
пока не знала. Конечно, краткодневному «мысля-
щему тростнику», который оказался по воле рока в
объятиях пышущей жизнью и распираемой самодо-
вольством конкретной и живой диктатуры, иногда
трудно представить себе, что она не навсегда, что
она смертна, — тем более что ее приспешники все-
ми способами пытаются убедить его в обратном.
Бесспорно, плоха та диктатура, которая не верстает
себя в перспективе Вечности, но факт остается фак-
том, причем многократно подтвержденным эмпири-
чески. Как раз на эмпирике и сосредотачивается ав-
тор этой замечательной книги — филолог-античник,
переквалифицировавшийся в специалиста по политическим наукам
и перенесший в политологию свою изначальную любовь к красивому,
правильному, богатому русскому языку.

Александр Баунов предлагает читателю хроники жизни и смерти
трех европейских диктатур прошлого столетия: португальского режима
Антониу Салазара, испанского режима Франсиско Франко и греческого
режима «черных полковников». Каждая из этих самобытных политиче-
ских форм была наделена специфическими признаками, позволяющими
без труда выделить ее из обширного семейства диктаторских режимов
XX столетия; у каждой наличествовала какая-то изюминка, делавшая
отдельно взятый авторитарный режим непохожим на другие режимы
того же типа, — но, как говорил римский классик, omnes una manet nox,
«всех ожидает одна и та же ночь». Перечисленные диктатуры Южной
Европы, независимо от того, продержались ли они несколько долгих де-
сятилетий или же несколько коротких лет, не просто рухнули, но при
издыхании своем запустили механизмы демократизации, которые смог-
ли превратить терзаемые ими страны в «нормальные» демократические
государства, где безоговорочно уважаются права человека и регулярно
сменяется власть. «Испанская демократия родилась из диктатуры Фран-
ко, как Афина из головы Зевса», — заключает автор (с. 27). Этот вывод
не только правилен, но и универсален: его можно распространить на
любую (или почти любую) диктатуру, ибо рано или поздно всякая дик-
татура уходит.

Но блистательная книга Баунова убеждает читателя не только в том, что Левиафан, этот земной бог, как называл его Томас Гоббс, смертен. Она вносит ясность еще в один очень важный аспект бытования стандартной диктатуры, а именно аргументированно показывает, что проводы авторитарных режимов всегда были и впредь будут занятием долгим и хлопотным. Отчаяние и ожесточение, рождаемые в здоровой части любого живущего под ярмом общества, понятным образом формируют «синдром завышенных ожиданий» — безосновательную, но сладкую убежденность в том, что тирана можно спровадить по-быстрому, как по щелчку тумблера, после чего власть мгновенно преобразится, а бывшие руководители государства, щедро творившие зло, волшебным образом либо окажутся за решеткой, либо покаются. Нет, говорит автор «Конца режима», диктатуры удивительно живучи, они способны пускать свои ядовитые побеги даже спустя десятилетия после кончины очередного тирана, к беспокойству одних и радости других. Кроме того, с уходящими диктаторами — если только речь не идет о крайних случаях взрывных народных бунтов, как во времена «арабской весны» 2011–2012 годов, — всегда приходится договариваться: им, замаранным всевозможными преступлениями и вызывающим отвращение, приходится выдавать концессии, делать уступки, предоставлять отсрочки и поблажки. Это, несомненно, причиняет боль многим настрадавшимся, но иначе ничего не получится: дикий режим, пусть даже шатающийся и ослабевший, никак нельзя толкать к еще большему одичанию, итогом которого может стать гражданская война и безвозвратное разорение страны. Иногда, впрочем, аналоги круглого стола оказываются отсроченными и латентными — как было в ситуации португальской «революции гвоздик», — но тот или иной компромисс с поверженным режимом все равно остается необходимым. Повествование Баунова среди прочего лишний раз убеждает: при свержении очередной хунты приходится демонстрировать не только бесстрашие, стойкость и доблесть, но — как порой ни прискорбно — и умение прощать, по крайней мере на время.

*Диктатуры Южной Европы
не просто рухнули, но при
издыхании своем запустили
механизмы демократизации*

В сущности, один из принципиальных выводов книги состоит именно в этом. Реконструкция обществ, начинающаяся с запоздалым или, напротив, преждевременным, но в любом случае неминуемым выходом диктаторов на пенсию, в качестве своего обязательного элемента предполагает примирение с теми, с кем примиряться тягостно и больно. В этом, кстати, состоит одна из соблазнительных сторон всякой диктатуры, властно манящая очередного кандидата в единодержавцы: он не может не осознавать, что спрос с него потом, конечно, будет, — но вместе с тем уверен, что произойдет это далеко не сразу, а скорее всего, после смерти. Последняя же, как учил еще Эпикур, не имеет никакого отношения к нам, поскольку, когда мы есть, ее еще нет, а когда она есть — нас уже нет.

Не слишком ли пессимистичны все эти положения? С одной стороны, с ними трудно спорить: за долгие десятилетия пребывания у власти одного и того же «национального лидера» счет, который хочется ему предъявить, разбухает до неимоверности — ведь, как мы знаем, чем больше власти, тем больше преступлений, именно так это всегда работало, — и от бесперспективности надежд на погашение счета опу-

Повествование Баунова убеждает: в свержении очередной хунты приходится демонстрировать не только бесстрашие, но и умение прощать

скаются руки. Но, с другой стороны, счастье, в том числе и политическое, никогда не бывает абсолютным, в нем всегда найдется та или другая червоточинка. Главное же, на мой взгляд, заключается кое в чем ином. Безусловно, очень и очень важно, когда именно конкретное общество усядется за работу над ошибками, но тысячекратно важнее, есть ли у него духовные силы вообще

приняться за такую неблагодарную, хотя и жизненно необходимую деятельность — или же десятилетия диктатуры истощили его волю и совесть до такой степени, что разбирательство с безобразиями минувших дней сделалось принципиально недостижимым. Во всех трех случаях, проанализированных автором, после крушения диктатуры необходимые для анализа и исправления ресурсы были найдены — и прощение с недобрым прошлым оказалось действенным и долгосрочным. Но так, насколько мы знаем, бывает не всегда.

Сочинение Баунова отнюдь не история, поскольку аллюзии, отсылающие к настоящему, встречаются в нем на каждой странице. Завершая книгу, автор предельно четко объясняет, ради чего он взялся за свое исследование: «Назвать свою страну, свой народ, свою цивилизацию исключительными и противопоставить их остальным — этот механизм до сих пор работает. Обвинить в своих проблемах внешних врагов и их внутренних пособников — инструмент, который редко дает сбой. Сказать, что нас не любят за то, что мы лучше, честнее, глубже, праведнее, духовнее, и на этом основании позволить себе ненавидеть других — отличный план. <...> Очень действенный прием — говорить от имени группы, нации, культуры, церкви, исключая тех, кто хочет сказать что-то другое. Править, противопоставив одних граждан другим, объявить одних хорошими, а других плохими... — это дает неизменный результат. Использовать давнюю или новую войну для патриотической мобилизации населения и уничтожения противников власти — до поры до времени безотказно действующий прием» (с. 527).

Мне кажется, тут даже дисклеймер не поможет; никто все равно не поверит, что черты сходства испанской, португальской, греческой диктатур с некоторыми прелестными режимами современности являются чисто случайными. Но если так, то лучшей рекламы для книги Александра Баунова и придумать трудно. Читая же ее, не будем забывать о том, с чего начинался этот коротенький текст: диктатуры, к счастью, умирают.

Контрапункт

Ностальгия

Один из ответов на вопрос, почему у отцов-основателей США получились США, а не как это обычно бывает у государственных деятелей из бывшего СССР, звучит следующим образом: потому что они уже много раз это делали.

У отцов-основателей была достаточно богатая и разнообразная практика. В течение своей жизни они основывали все подряд: от водяных мельниц и начальных школ до бульварных газет и пожарных команд. И даже когда они ушли на покой, то не стали сидеть сложа руки: одни занялись написанием истории основания своей страны, в то время как другие — созданием парков. Такая же ситуация была и у их отцов. И у отцов их отцов. Все двести лет перед своей революцией американцы были заняты основанием чего-то важного и комплексного. И когда в 1776 году появилась возможность, они основали новую страну на принципах нового после Magna Carta официального документа — Декларации независимости, в которой колонии именовались Соединенными Штатами Америки.

Иными словами, если бы они и захотели сделать, «как у постсоветских», у них вряд ли получилось бы. Чтобы начать основывать, «как в бывшем СССР», им пришлось бы серьезно переучиваться, получать иные «навыки и умения».

В книге историка с гарвардским прошлым Джона Фредерика Мартина «Выгода в дикой местности: бизнес и строительство городов Новой Англии в XVII веке»* описывается, как инвесторы с Британских островов основывали новые города в Америке и учились извлекать из них прибыль. Книга была опубликована в 1991 году уважаемым Omohundro Institute и вошла в шорт-лист Пулитцеровской премии.

Эта книга важна, поскольку показывает, насколько рационально были устроены первые колонии с самого

Максим Горюнов,
философ

* John Frederick Martin. *Profits in the Wilderness: Entrepreneurship and the Founding of New England Towns in the Seventeenth Century*. Williamsburg, Virginia: Omohundro Institute and University of North Carolina Press, 1991. 392 p.

начала. Колонии начинались как компании, были узко ориентированы на прибыль и управлялись скорее как предприятия, чем как старосветские графства и епископства.

Джон Мартин начинает книгу с мягкой критики популярных представлений о том, как появлялись первые колонии на новом континенте. С его точки зрения, известный всем сюжет о трудолюбивых крестьянах-

*Первые города
основывались
и заселялись для
прибыли*

протестантах, которые, переплыв океан в поисках религиозных свобод, строят на берегу Гудзона уютный городок с молельным домом и живут благополучной и тихой жизнью, не совсем совпадает с тем, о чем говорят документы.

Джон Мартин изучил архивы шестидесяти трех городов Новой Англии, которые были основаны в самом начале заселения континента, и утверждает, что картина была иной.

Безусловно, среди переселенцев было много крестьян. В XVII веке, за двести лет до промышленной революции, иначе и быть не могло. И некоторая часть из этих крестьян была крайне религиозной. Но, как водится, это далеко не все, что следует знать.

Для начала автор предлагает обратить внимание на практические вопросы. Как именно переселенцы пересекали океан? Как нанимался корабль? Где они брали инструменты, чтобы построить свой новый город? Кто защищал новое поселение от французского и испанского королей? Между прочим, даже шведский монарх держал небольшой гарнизон недалеко от нынешнего Нью-Йорка.

*Как именно переселенцы
пересекали океан? Как
нанимался корабль? Где
они брали инструменты,
чтобы построить свой
новый город?*

В популярной истории об этом мало что говорится, поскольку это сильно усложнило бы картину, сделало бы ее менее яркой. Если вообразить, что Америка — это история о том, как финансисты из Лондона наняли тысячи работников для плантаций табака на новых землях, это было бы слишком холодно и слишком похоже на реальность, которая и так у каждого сразу за окном.

По мнению Мартина, первые города в Северной Америке основывались и заселялись именно для прибыли.

Религиозные и политические свободы не были среди главных приоритетов основателей колоний. Даже если колонию основывала религиозная община, ее практические действия мало отличались между собой. Протестантская колония — это как любая другая колония, но протестантская. Разница могла быть разве что в упорстве. Религиозно мотивированные работники вроде бы легче переносили неустроенность американской жизни. С другой стороны, простое человеческое желание выжить тоже многое может.

Что еще интереснее, как показывает автор, получатели прибыли от колоний не всегда жили в колониях. Когда новый город наконец-то начинал приносить доход, его делили не только между жителями.

Как правило, самые значимые инвесторы продолжали жить в Лондоне или в усадьбах неподалеку и за всю свою жизнь ни разу не посещали Америку.

Лондонские инвесторы были нужны американским фермерам, потому что основать город было им не под силу. Новый город на новом континенте — это много сложных практических задач, о которых переселенцы, как правило, не имели представлений. Для людей, не имеющих замков и родственников в ближайшем окружении монарха, переселение с опорой только на свои ресурсы, обычно означало переход к более примитивным практикам выживания.

В экстремальных случаях переселенцы начинали жить как собиратели и охотники, имитируя индейцев, — не самый желанный результат пересечения океана, мягко говоря.

Чтобы адаптация к новым условиям прошла без технологического отката в темные века, нужны были ресурсы и компетенции, которые могли быть либо у государственных, либо у крупных коммерческих сервисов. По мнению Мартина, каждый новый город и был результатом тесного взаимодействия инвесторов и государственных учреждений.

Чтобы город появился на карте, для начала нужно было выбрать место для нового поселения. Новый континент пока только наносился на карты, и достоверные координаты места, подходящего для заселения, еще нужно было искать.

Потом нужно было получить разрешение у британских властей на основание. Учитывая, что речь идет о властях из XVII века, разрешение не было автоматизировано. Нужны были личные — желательно родственные — связи.

Потом требовалось наметить дороги, которые свяжут будущий город с портами, с соседними городами, с гарнизоном.

Потом следовало заключить мирный договор с коренными жителями; в XVII веке без такого договора поселение вряд ли было возможно. Основание поселения без заключения мира было чревато набегами и войнами, которые могли полностью разрушить колонию.

Потом нужно было приобрести сотни и сотни инструментов, без которых жизнь на новом месте больше походила бы на пещерную. Поселенцам, спустившимся на берег, сразу нужны были лесопилки, мельницы, кузницы, пивоварни, гончарни, церкви, бондарни, школы, пожарные команды, оружейные мастерские — сотни сервисов, которые необходимо было как можно скорее перевезти через океан и запустить на новом месте.

Чтобы город появился на карте, для начала нужно было выбрать место для нового поселения

Кроме того, нужны были лошади, овцы, коровы, козы, свиньи, домашняя птица. Все это должно было быть куплено еще в Британии: в Америке проще было найти живого мамонта, чем дойную козу.

Потом нужно было найти людей, готовых переехать в новый мир. Обычно пишут, что во времена первых колоний Британия была перенаселена и желающих уехать было достаточно. Автор с этим не спорит, но уточняет, что в колониях не нужны были просто переселенцы. Колонии были ориентированы на прибыль и остро нуждались в тех, кто

Уже в первой половине XVII века на американском континенте действовал целый класс людей, которых можно было бы назвать классом отцов-основателей

ускорит ее появление. Другими словами, колонии вели себя как компании и искали квалифицированных сотрудников. За колониями стояли вкладчики, инвесторы: ни в наше время, ни четыре века назад им не нравилось, когда дивиденды приходят с опозданием.

Как быстро выяснилось, перевозка всех желающих без разбора не приносила пользы. Переселенцы без специальностей были обузой и мешали остальным. Некоторые из не нашедших себе места уходили к коренным обитателям континента, меняли одежды, образ жизни и даже язык. Оба варианта не сулили инвесторам быстрого возвращения вложенных средств. Как вернуть одолженные на билет через океан деньги, если пассажир теперь среди индейцев? Или в перманентном запое? Или уклоняется от выплаты долга и отчаянно ищет возможности вернуться обратно в королевство?

Чтобы найти подходящих кандидатов, нужна была реклама — в XVII веке она уже была и стоила недорого. В качестве рекламы могли выступать книги и даже песни. И поверх всего, нужно было найти деньги на все эти операции. Поскольку в первые десятилетия монарх расценивал новые колонии как слишком рискованное занятие, средства нужно было искать у частных лиц.

Чтобы справиться со всеми этими задачами, нужны были люди с особыми компетенциями. Спрос, как известно, рождает предложение. В случае с новым континентом спрос на людей, знающих, как запустить новый город, рос неуклонно в течение десятилетий, и это создало уникальную ситуацию.

Как утверждает автор, уже в первой половине XVII века на американском континенте действовал целый класс людей, которых можно было бы назвать классом отцов-основателей. Это были специалисты, которые умели организовать жизнь людей заново. Как правило, речь шла об основании городов с населением в несколько сотен человек. Тем не менее то, как именно эти города основывались, говорит о том, что отцам-основателям было у кого заимствовать практические решения и общее видение.

Историк Малкольм Гаскилл в своей книге «Между двух миров: как англичане стали американцами»* описывает ностальгию первых британских поселенцев по Британии. Если Джон Мартин сосредоточен на том, как в XVII веке в Америке усложнялась культура городского управления, то Гаскилл описывает, как тогда выглядели колонии и как прочно эта культура была связана со Старой Европой.

Нужно отметить, что на текущий момент М. Гаскилл написал семь книг: одна о том, как в разное время законодательство Британии определяло уголовные преступления; две об истории охоты на ведьм на Британских островах; одна о самом жестоком британском охотнике на ведьм; еще две об охоте на ведьм, но уже в американских колониях; и одна о неожиданном перерождении британцев в американцев.

Автору, очевидно, малоинтересны истории успеха в современном смысле слова. Ничего блестящего, быстрого, уникального. Его интересуют сюжеты, когда действительность оказывается хуже ожиданий, а улучшения появляются так медленно и так постепенно, что их легко не заметить. С этой точки зрения у него много общего с теми историками, которые видят в дореволюционной Америке скорее частные земельные компании, представляющие финансовые интересы короля и лордов, чем будущую демократию.

*За XVII век 350 000 жителей
королевства переебрались
через океан и осели на новом
континенте*

Как пишет Гаскилл, за XVII век триста пятьдесят тысяч жителей королевства переебрались через океан и осели на новом континенте. Переезд не всегда был удачным. Трудности, с которыми сталкивались переселенцы, часто превосходили их ожидания.

Разница между тем, что им обещали в Лондоне и что они увидели, сойдя на берег, могла быть более чем радикальной. Иногда финансовые сложности — это единственное, что удерживало переселенцев от возвращения обратно сразу же после прибытия.

Неправильно выбранное время переезда на новый континент, ледяные бури, слишком холодная зима, высокая влажность, неизвестные болезни и воинственные племена были самыми частыми причинами неудач.

В книге много частных историй, восстановленных автором в архивах. К счастью для историков, уже в XVII веке среди колонистов нередко оказывались люди с привычкой вести дневники и регулярно писать своим близким. Личные переписки и дневники, подкрепленные документами из архивов, позволяют намного точнее представить, как на практике выглядело освоение Нового Света.

К примеру, одна из историй, о которой упоминает Гаскилл: некий Уильям Трейси в сентябре 1620 года покинул Британию, чтобы

* Malcolm Gaskill. *Between Two Worlds: How the English Became Americans*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 484 p.

Личные переписки и дневники позволяют намного точнее представить, как на практике выглядело освоение Нового Света

возглавить небольшую колонию в Америке. Среди колонистов были его жена Мэри, сын Томас и дочь Джойс с мужем. Они направлялись на частную плантацию на юге, в Вирджинии. Перед их отправкой инвесторы организовали закупку всех необходимых инструментов, оружия, съестных припасов, Библий, молитвословов и даже трех томов «Пути простого человека на небеса» от известного проповедника Артура Дента. Тридцать четыре колониста подписали контракты сроком от трех до восьми лет. Помимо семьи Трейси, в списках колонистов были бондарь, повар, портной и три джентльмена. Указанный в списке мальчик по имени Томас Пирс не имел специальности, но по прибытии на место должен был пройти обучение на плотника — соответствующий договор был заключен с его отцом. Один из переселенцев перед отплытием получил аванс: ему нужно было вернуть свои инструменты, оставленные ранее в залог, и обеспечить уход за женой в его отсутствие.

Как следует из письма одного из колонистов, сойдя на берег, они сразу занялись работами, которые были указаны в контрактах: выращивание кукурузы и табака, строительство домов, посадка виноградника и шелковичных деревьев. Религиозные праздники соблюдались, Евангелие среди индейцев посылно распространялось, шумные праздники с танцами и выпивкой были запрещены. Согласно письму, новоприбывшие вели себя, как было оговорено в их контрактах. Их отношение к веселью порадовало бы самого строгого пуританина. Колония должна была бы процветать, но действительность оказалась строже.

В письме не было сказано, что незадолго до их приезда в эту колонию уже прибыло сорок пять человек. За короткий период времени индейцы убили шестерых из них, четырнадцать умерли от других причин. Новоприбывших ждала не менее печальная судьба.

В течение следующих двух лет двадцать восемь из тридцати четырех были мертвы. Один человек утонул, двое были убиты индейцами; остальные, включая мальчика-плотника Томаса Пирса, погибли от болезней. Четверо мужчин из первой партии, встречавшие прибывших на берегу, тоже скоро умерли от болезней.

Глава колонии Уильям Трейси прожил на новом месте меньше шести месяцев; его жена Мэри Трейси, которая волновалась во время отплытия из Бристолья, их беременная дочь и ее муж также были среди погибших. Их сын Томас Трейси был единственным членом семьи, который выжил. В финале колония превратилась в кладбище, и, когда появилась возможность, последний Трейси вернулся в Британию. Пастор колонии тоже вернулся в королевство, и двое джентльменов с ним. Один из них купил билет на тот же корабль, на котором и прибыл.

Такого рода истории расходились широко среди американцев. Были еще истории внезапных ночных набегов, в результате которых одна часть колонистов была к утру убита, другая бежала в лесную чащу и исчезла там без следа. Были истории детей, которых участники набега забирали с собой, и через пару лет они забывали не только свои христианские имена, но и английский язык.

Все эти истории, считает автор, позволили британцам, оказавшимся в Америке, по-новому увидеть свою страну. Нет никаких сомнений, что у многих из них был длинный список претензий к королю и парламенту. Британия не была совершенной, и они об этом знали из своего опыта. Но по сравнению с колониями она точно была развитой, безопасной и комфортной. Даже если переезд был удачным и трудности скоро оставались позади, жизнь на краю бесконечного леса сама по себе пробуждала тоску по прошлому комфорту. Гаскилл упоминает, как в письмах к родственникам переселенцы просили прислать им вещи, у которых не могло быть иного применения, кроме как приглушить тоску по комфорту.

*Новые колонии должны
были стать Британией без
британских недостатков*

Как это иногда бывает с теми, кто сменил место жительства, переезд только усилил привязанность к родине.

У этой новой привязанности было важное отличие: переехавшие точнее понимали, к чему именно они привязаны. И в случае с Британией это была налаженность государственных сервисов, если можно так выразиться.

По мнению автора, они уезжали туда, где у них была возможность не создать новое общество, но вспомнить то, которое они уже знали и с которым так во многом были не согласны.

На новом месте они строили именно Британию, но не копию, а следующую, более продвинутую версию. Их интересовала такая версия Британии, в которой они хотели бы прожить свои жизни и завещать своим детям. Новые колонии должны были стать Британией без британских недостатков, о которых переселенцы были более чем в курсе.

И в XVII веке британцы в Америке не собирались меняться и сооружать себе новую идентичность. До самого последнего момента, до начала революции, они продолжали считать себя британцами и упорно отказывались принимать в расчет три тысячи миль океанской глади между их новым домом и их старой столицей.

Каждый раз, когда британские власти намекали им, что придерживаются другого мнения, это вызывало возмущение, переходящее в ярость.

В этом желании оставаться британцем было много больше, чем естественная привязанность к месту своего рождения. Да, во время революции в ответ на Декларацию независимости американские сторонники короля составили декларацию зависимости — не всякий британский

монархист согласился бы на такой шаг. Тем не менее речь шла о куда более зрелых вещах, чем сентиментальная привязанность к монарху.

Для переселенцев быть британцем значило иметь доступ к британским правам и свободам. В течение многих веков на Британских островах шла политическая борьба, шел процесс, который медленно, но верно двигался в сторону того, что мы сейчас называем правами человека. Как пишет Гаскилл, для британцев это движение стало еще очевиднее после пересечения океана. Нужно было оказаться один на один с силами дикой природы, столкнуться с хаосом и произволом, чтобы это понять. Собственно, к движению в сторону прав британцы в Америке и хотели быть причастны. Просто потому, что это движение явно было в сторону света и прочь от тьмы.

*Выход из Британии
был единственным
способом сохранить
доступ к британским
свободам*

В некотором отношении британцы в Америке стали американцами, когда почти случайно смогли дистиллировать свою естественную эмигрантскую ностальгию по родной Британии до необходимости прав и свобод, навечно зафиксированных в конституции. И нельзя сказать, что сама Британия не помогала им в этом. Регулярные грубости британского парламента в адрес колоний, отстраненность монарха, высокомерие генерал-губернаторов значительно ускорили интеллектуальную дистилляцию. С некоторой натяжкой можно сказать, что во время революции американцами стали те британцы, кто уже видел суть Британии в одной лишь возможности обсуждать свои налоги с правительством. И когда британский парламент очередной раз заявил, что у британцев в Америке такого права нет, британцы в Америке решили выйти из Британии: в 1776 году выход из Британии был единственным способом сохранить доступ к британским свободам и всем последующим их обновлениям.

Париж – Олимпиада

Наташа Омелькова: «Праздник свободных людей»*

Сшить в единое полотно историю, литературу, моду, политику, поп-культуру и только что прошедшие в стране выборы — открытие Олимпиады наделало вчера шума, и многие задаются вопросом о его символах и смыслах.

Олимпийскую эстафету от легендарного Зинедина Зидана принимает персонаж в маске Ассасин, герой популярной французской видеоигры и не только. Это еще и человек в железной маске, и символ несущегося по миру призрака разрушения и смерти...

Стремится в небо трехцветная дымовая завеса — поднимается занавес грандиозного спектакля.

Часть первая — *liberté* — конечно же, про свободу быть собой. Изящное и вызывающее цитирование французских литературных шедевров под сводами Национальной библиотеки — и захлопнутая решительной рукой дверь как символ приватности всего, что происходит за дверями спальни. И в более широком смысле — в душе и голове.

Часть вторая — *égalité* (равенство) — супершоу скандальной французской звезды малийского происхождения Аи Накамуры, живущей во Франции с двухмесячного возраста и получившей французское гражданство всего несколько лет назад, будучи уже обладательницей платиновых дисков, двадцати миллионов скачиваний (в месяц!) на спотифае, самой популярной франкоговорящей певицей в интернете, прославившейся благодаря соцсетям... равенство — и честный разговор об этом.

Часть третья — *fraternité* (братство) — рифмуется с четвертой — сестринство.

Сена — символ текучей, вечно меняющейся женственности. Сена, заменившая традиционный стадион, исторгает из своих недр незаслуженно забытых — и великих — женщин прошлого. Плавно поднимающиеся из глубины реки золотые статуи — это не безымянные девушки с веслом, как написали в каком-то посте. Это памятники выдающимся дочерям Франции, жившим в XIII–XXI веках. Первая женщина-писатель (XIII век), первая женщина-ученый, совершившая кругосветное путешествие, первая чернокожая женщина — выпускница Сорбонны... Последняя из золотых статуй изображает великую Симон Вей — гуманистку, благодаря которой в 1974 году был принят закон о праве женщин на аборт (да, женщина не только биоинкубатор, скажу я, многодетная

* 27 июля 2024 г. <https://www.facebook.com/natalia.omelkova>

мать). Речь Симон Вей в Национальной ассамблее до сих пор считается образцом логики и красноречия.

Эти Олимпийские игры, кстати, первые в истории, где мужчины и женщины участвуют в равных пропорциях. Прежде никогда такого не случалось (место женщины на кухне, да). Золотые статуи будут подарены Парижу, потому что ситуация с памятниками напоминает соотношение полов на Олимпиадах в начале века, как будто мир всегда принадлежал только мужчинам... хотя как будто сейчас нет.

Потом пришел черед французской *festivité*, когда можно смеяться над всеми — смех, в отличие от войн, не убивает (про эту часть шутят, что Франция решила сэкономить на гей-параде и провести его за счет МОК). Скандальные и изящные крючочки, благодаря которым про церемонию говорит сейчас весь мир.

После фестиваля наступает *obscurité* — мрак, угрожающий поглотить мир. И в противовес ему — бессмертная *IMAGINE*, исполненная ангельским голосом Жюльетт Армане.

И вот уже скачет механический всадник апокалипсиса, неся олимпийский флаг, который поднимут перевернутым — как символ вставшего с ног на голову мира.

И идут черно-белые архивные кадры предыдущих Игр (*tout ça pour ça ?..*) и мертвая петля Ольги Корбут — можно ли высказаться сильнее?

Олимпийский огонь из рук убийцы возвращается к спортсменам. Поет Селин Дион. Взмывает над Парижем никого не обжигающее пламя.

Олимпизм — это не только спорт, но и культура. Есть страны, где культура учит бояться зверя в себе и сковывать его запретами, карами и — шире — страхом. И есть Франция с ее гуманизмом, который суть вера в лучшее в человеке. И, как следствие, уверенность в том, что посмотреть в глаза своим демонам — это мегаспособ приблизиться к лучшей версии себя. Есть страны про страх. Но Франция — это про бесстрашие.

Вчера нам показывали праздник свободных людей, товарищи. Свободных и бесстрашных. И он удался.

Площадь Азиопы*

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: «Und vivat die ganze Welt!» Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братской любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись — немец в коровник, а Ростов в избу.

Лев Толстой. Война и мир

Они думают, что они теперь Евразия, наследники евразийцев. Они думают, что они теперь крепость Россия. Нет, они неизвестный науке континент, по необъяснимым причинам оторвавшийся от мира остров невезения Азиопа. И наследники не евразийца князя Трубецкого, а современники Дугина, полагающего, что граждане России должны водить хороводы и более ничего. Они думают, что управляют миром и как минимум привлекательны для Глобального Юга. Давно же не прогуливались по улицам, по их мнению, утратившей суверенитет Европы — весь Глобальный Юг почему-то именно там. Не на российских улицах, тем более с такой миграционной политикой... Весь мир отмечает начало Олимпийских игр, но путинская Россия соревнуется с самой собой на загадочных Играх БРИКС.

Поэтому площадь Европы в Москве, что характерно, у Киевского вокзала переименована в площадь Евразии. Приоритеты расставлены. Территория помечена.

Опровергнуты Екатерина Великая, считавшая Россию европейской страной, и Петр Первый, прорубавший окно в Европу. Из трех предшественников Путина, на которых указывал министр Лавров, остался только Иван Грозный, любимый персонаж Сталина. Ему нравилась опричнина.

Парижская Олимпиада самым очевидным образом отделила путинскую Россию не только от Европы, не только от Запада, но и от всего мира. По Сене плыли

Андрей Колесников,
журналист, политолог

* <https://newtimes.ru/articles/detail/247906>

кораблики, которые везли сборные Ирана, Турции, Китая, Азербайджана и прочих небезупречных с точки зрения характеристик режима стран, включая даже Северную Корею. Проплыла сборная Палестины. Сборная Израиля. Это и в самом деле мировое водяное перемирие. У путинской России и ее спикеров, в том числе парадоксальным образом даже у некоторых олимпийских чемпионов, остались только аргументы по поводу того, что все эти «их» Олимпиады не имеют никакого значе-

*Парижская Олимпиада
отделила путинскую
Россию не только от
Европы, но и от всего
мира*

ния. Любые призывы к прекращению огня на время Игр со стороны государственных, общественных и религиозных деятелей, тем более чуждых официальной РПЦ, естественно, были проигнорированы. Что тут можно сказать? Только воспользоваться подсказкой Иосифа Бродского: «Эта местность мне знакома, как окраина Китая!»

Русская речь слышна во всех точках «коллективного Запада». Страна в демографическом кризисе, но щедро растрчивает свой человеческий капитал на полях СВО и стимулирует эмиграцию, заодно шельмуя тех, кто ее выбрал. Единственный предлагаемый рецепт — стимулирование многодетности. Но дети не рождаются в отсутствие будущего, а путинская модель — это неопределенное и абортированное будущее. Вступающие в жизнь люди и уже пожившие ищут перспективы в другом географическом измерении.

Изоляционизм, национализм, мессианизм, доктрина «особого пути» самого примитивного разбора, смехотворный нарциссизм «государства-цивилизации» — все это не проблема спроса населения, а предложения со стороны власти. Социологические исследования показывают, что в спокойные периоды существования страны отношение респондентов к Европе и США, западному пути в целом улучшалось, иногда радикальным образом, но немедленно ухудшалось, если Кремль практиковал агрессивную риторику или вел на деле агрессивную политику.

То, что называется общественным мнением, сильно зависит от политики и риторики властей. Оно может измениться, но только если что-то поменяется наверху. Чем дальше сверху идут сигналы об автаркии и враждебности, тем меньше шансов на то, что нация выберется из антропологической ямы сравнительно быстро. Как когда-то стремительно общество избавлялось от «совка», стоило разрешить самостоятельное мышление сверху. Нет ничего страшнее для авторитарной и тоталитарной власти, чем неунифицированное мышление, ходьба не строем, самостоятельное мышление. И реальные знания, прежде всего о своем прошлом.

Советский Союз не выпадал из олимпийского движения, путинская Россия выпала. Путинское государство вышло из цивилизованного

Ламбер Колман. Воскресным днем дети играют с зенитной пушкой Второй мировой войны в Музее под открытым небом «Поле победы» рядом с храмом Вооруженных Сил Российской Федерации. 2020

Ламбер Колман. Посетители сидят под мозаикой в храме Вооруженных Сил Российской Федерации. 2020

мира, но россияне остались, хотя многим политикам и чиновникам на том же Западе проще считать любого российского гражданина путинистом, притом что многие из них такие же заложники и жертвы режима, как и украинцы.

Одним из завершающих номеров церемонии открытия парижской Олимпиады стала песня Джона Леннона Imagine, настоящий гимн мира и призыв к миру. Песня исполнялась с горящего одинокой точкой кораблика на темной Сене. В путинской России этого призыва не слышали. Потому что церемонию не видели. Хуже — не хотели видеть. Страна

*Советский Союз не выпадал
из олимпийского движения,
путинская Россия выпала,
но россияне остались*

закрытых глаз и заткнутых ушей, страна отказа от мира и того, что в старом русском языке называлось словом «мир», он же толстовский die ganze Welt, «весь мир» как сообщество всех людей. Отказа от того мира, куда долго шла Россия и наконец пришла, даже уже была в нем,

и из которого при коллективном молчании ее увел Путин со своей командой. Шла она оттуда неохотно, вспоминая планировку итальянских вилл и размышляя о продлении учебы детей и внуков в швейцарских пансионах. Но что делать — надо подчиняться и с тем большим рвением обвинять во всем Запад.

Для россиян вернуться в «мир», в сообщество стран и народов, разделяющих общечеловеческие ценности, которые, кстати, записаны в главе второй Конституции РФ, равнозначно обретению мира, то есть мирной жизни, избавлению от войны и, что важно, от ее источников.

Тогда-то и вернемся на спортивные арены. Присоединимся к Ирану не в плохом, а в хорошем смысле. И площадь Азиопы снова переименуют в площадь Европы. Это и будет возвращением России и россиян домой.

TABLE OF CONTENTS

No. 3 (94) 2024

TO THE READER

- The Future Is in Your Hands
Paul Brummell 5

FEATURE ARTICLE

- A Civic Society Needs Civic Education
Rereading Gellner
Lev Gudkov 8

- Before the Collapse of Communism,
Civic Society Did Not Evoke
Any Interest
Vladimir Ryzhkov 15

- Society Comes First
Alexander Shmelyov 22

- Back to the Caesura
Mykhailo Minakov 25

- On Partnership
Zhanna Nemtsova 31

- Does Civic Society Exist?
Anna Kuleshova 32

- Statelessness
Piotr Świtalski 33

- On Civic Society, Democracy
and the World Law
Yuri Senokosov 35

CIVIC SOCIETY

- Why Democracy?
Valdis Birkavs 50

- Strategy: Why We Need One and What
It May Be
Grigory Okhotin 63

THE COUNCIL OF EUROPE

- The Council of Europe Turns 75
Claudia Luciani 78

THE WAR DIARIES

- It's a Dead End: The Choice Between
Stopping and Pushing On
Vasily Zharkov 88

DISCUSSION

- Simulating Electoral Procedures
in Wartime: Causes, Risks, and
Consequences
Ivan Preobrazhensky
Georgy Chizhov 97

THE HORIZONS OF UNDERSTANDING

- The Mind Has Ontological Limits
Ruslan Loshakov 114

BOOKS

- On Maria Makeeva's Bear Ears.
The Amber Man
Victoria Matison 128

- Dictatorships and the People
Andrey Simbirtsev 134

- The Counterpoint
Maxim Goryunov 137

NOTA BENE

- Paris—Olympics—July 2024
Natacha Omelkova 145

- The Asiopian Square
Andrei V. Kolesnikov 147

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Андреас Буммель

Максим Горюнов

Лев Гудков

Василий Жарков

Андрей Колесников

Анна Кулешова

Руслан Лошаков

Михаил Минаков

Жанна Немцова

Григорий Охотин

Иван Преображенский

Владимир Рыжков

Петр Свительский

Андрей Симбирцев

Александр Шмелев

Георгий Чижов

Просвещение – это выход человека из состояния
своего несовершеннолетия... причина которого
заключается не в недостатке рассудка,
а в недостатке решимости и мужества
пользоваться им без руководства кого-то другого.
Sapere aude! – имей мужество пользоваться
собственным умом! – таков, следовательно,
девиз Просвещения.

Иммануил Кант

“Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?”
